

W
А.И.
Антуан
Абель

12

**КРИК
НОВОРОЖДЕННОЙ**

Антуан
Абель

**КРИК
НОВОРОЖДЕННОЙ**

Роман

Ташкент
Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма
1988

И (Афр)

Перевод Антона Иванова,
Анны Устиновой

Абель, Антуан.

Крик новорожденной: Роман: Первый сейшельский роман, написанный на креольском языке/[Пер. с креол. А. Иванова, А. Устиновой].— Т.: Изд-во лит. и искусства, 1988.— 144 с.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Предлагаемый читателю роман написан на языке сейшельских креолов. Это первый сейшельский роман, созданный на языке, который раньше считался лишь разговорным. Литература республики Сейшельские острова не была известна советскому читателю до 1987 г. Роман «Крик новорожденной»— это вторая публикация произведений сейшельской литературы в ~~1988~~. Из-за молодости этой литературы роман бесхитростен, дорою наивно-примитивен, с повторами ситуаций, душевных состояний и конфликтов. В содержании его много необычного, экзотического— как в отношениях людей, так и в изображаемой флоре, фауне, в цветах и оттенках окружающей сейшельцев природы.

Издательство сочло возможным познакомить читателя с первыми шагами в литературе этого народа, обретшего национальную независимость в 1976 году.

4703030100—138
А М 352 (04)—88 Рез. 88

И (Афр)

ISBN 5—635—00426—1

© Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма (перевод)

Глава I

Всему приходит конец. Вот и я, когда он по своему обыкновению пришел домой пьяный, не выдержала.

— Ты бы хоть для смеху денек продержался трезвый,— с горечью сказала я.

— Я встретил Дэдэ,— начал оправдываться он.

— Ты каждый день кого-нибудь встречаешь. Если верить тебе, то как встретишь знакомого, так надо обязательно нализаться...

Начав, я уже не могла остановиться. Мне надо было сказать все, что накопилось за эти годы, когда он день ото дня, от месяца к месяцу все больше опускался. Теперь я уже с трудом узнавала того человека, за которого когда-то выходила замуж. Я просто не могла поверить, что некогда всерьез строила планы на прочное счастье с ним. Теперь он, этот человек, вернее его жалкое подобие, стоял передо мной. Похоже, от оправданий он решил перейти в наступление. Теперь он корчил из себя обиженного.

— И чего ты ко мне вечно цепляешься?— ринулся он в атаку.— Я что, убил кого-нибудь? Ограбил? Встретились два хороших приятеля. Выпили немного. Любой мужчина, который чего-то стоит, имеет право пропустить стаканчик-другой после работы. Это, дурья твоя башка, даже необходимо, чтобы сил набраться. Да уж где тебе понять, что любому настоящему мужчине на следующий день предстоит идти на работу, а для этого надо набраться сил и boldости.

Я все это слышала уже много раз и молчала. Но сегодня моему терпению пришел конец, и я намерена сказать мужу, что думаю о нем.

— Может, ты и прав насчет работы,— ответила я.— Да только не вижу я, чтобы ты набирался сил от вина. Допустим, твои дружки идут после выпивки трудиться. А ты? Вчера не мог оторвать голову от подушки, так и провалялся до вечера без дела. Сегодня ты тоже никуда не пошел. Вот только и достало у тебя сил, чтобы снова наклюкаться.

— Во всяком случае, я у тебя денег на вино не прошу,— при этих словах он выпятил грудь с такой независимостью, что на него просто жалко было смотреть.

В другое время у меня, может, и достало бы сочувствия, и я не унизила бы его столь сильно. Но, видно, во мне все-таки что-то сломалось, потому что, начав с ним серьезный разговор, я уже не в силах была сдерживаться. Мне надо было доказать ему, до какой степени он опустился. Насколько не осталось в нем ничего от того настоящего мужчины, которым он, видимо, искренне себя считал, объявляя об этом на каждом шагу.

— Это верно, Режис,— сказала я тихо,— у меня ты денег на выпивку не берешь. У меня денег нет. Я ведь, как всякая женщина настоящего мужчины, занимаюсь домом, и на работу не хожу. А деньги на хозяйство мне давно уже дает мой брат. Вот из этих-то денег ты и выкраиваешь себе на выпивку.

Кажется, удар достиг цели. Режиса просто перекосило от злобы, и он заорал:

— А я что, прошу его об этом? Я к нему хожу, кляпчу его вонючие денежки? И вообще, оставьте меня в покое!

— Да, Режис, ты прав. Ты гордый и ни у кого не одалживаешь. Ты лишь снисходительно принимаешь

на вино деньги, которых, конечно, не просишь. Прошу их я. Вернее, наши дети их просят. Они хотят есть, Режис.

Он вынул из заднего кармана брюк кошелек и бросил его мне под ноги.

— Можешь подавиться...

— Это очень великодушно. Но ты забыл еще о своей матери. Стоило бы и ей уделить что-нибудь от этих грошей.

— Оставь в покое мою мать! Сколько раз я тебя просил не лезть не в свои дела? Мы с матерью разберемся без твоей помощи!

— Прекрасно, мой милый. Тогда позволь мне рассказать тебе о своих делах. Детям скоро в школу, а девочки голые. Я не преувеличиваю: посмотри на них. Их одежда превратилась в лохмотья, им не в чем выйти со двора. Может быть, ты и тут будешь говорить, что я вмешиваюсь не в свои дела?

— Ну, знаешь ли, я тоже все детство проходил в лохмотьях и, как видишь, не умер. Ты просто избаловала детей, вот они и требуют то того, то другого.

— То того, то другого...— от негодования я не находила слов.— Да как ты не понимаешь: наши девочки уже в том возрасте, когда ходить в лохмотьях непристойно. Им нужна приличная одежда.

— Послушать тебя, так я должен вам отдавать все деньги, а сам оставаться с шишом в кармане?

— Да как ты смеешь?— меня начали душить слезы.— Это же твои дети, Режис. Наши дети...

— Они пошли в тебя. Они ничем на меня не похожи. А если тебе не нравится, как я себя веду, я вам вовсе не навязываюсь. Могу и убраться к чертовой бабушке. По крайней мере никто мне не будет указывать, как я должен жить!

Он распалился не на шутку и, схватив стоявший на столе соусник с подливой, запустил им в меня. И

тут и поняла,— впервые в жизни отчетливо поняла,— что терпеть этого не буду. Не могу сказать, чтобы мне не было страшно одной с оравой детей на руках. Но терпеть это дальше? Нет. Я вспомнила, как сегодня шла вдоль берега реки. Мои подружки полоскали белье. Я видела их сочувственные взгляды. Я слышала их полный сострадания шепот, и понимала, что все это относится ко мне.

И я догадывалась: дело тут не только в пьянстве Режиса. Мои опасения подтверждала и готовность, с какой Режис сегодня предложил уйти из дома. Конечно, он и раньше пугал меня этим, но тогда он грозил, что уйдет, лишь для красного словца, а тут я почувствовала: он только и ждет повода для скандала. И я, которая всегда больше всего на свете боялась остаться одна с детьми, вдруг спокойно ответила ему:

— Вот это-то я и хотела тебе предложить. Мне такой муж не нужен. Уматывай на все четыре стороны.

Он, казалось, остолбенел. И некоторое время стоял неподвижно и вращал глазами. А я сама дивилась собственной смелости и как бы со стороны упивалась той спокойной и непреклонной интонацией, с которой все это было произнесено.

— Ты не шутишь?— наконец прохрипел каким-то сдавленным голосом Режис.

— Мне давно уже не до шуток. И нашим детям тоже. Ты правильно говоришь: они на тебя, слава богу, не похожи. Они похожи на меня. И так же, как мне; им надоело терпеть в доме пьяницу, живущего на издвигении у старухи-матери и брата жены. Так что, проваливай, мой милый.

— Ты еще пожалеешь!— рявкнул он.

Он ушел, хлопнув дверь. Я почувствовала себя как-то странно. Не могу сказать, чтобы была полна решимости. Поднимать в одиночку детей, не имея гро-

ша за душой — нелегкое дело. Посмотрела бы я на ту, которая хотела бы этим заняться по доброй воле! Но, честно говоря, мне уже обрыдла жизнь с этим хлюпиком, которого водка, пьяные дружки и карточные игры довели бог знает до чего. Если честно, я тут ничего не теряла, и поэтому, когда он наконец ушел, почувствовала, несмотря на страх, легкость. Словно камень упал с моих плеч, и от этого было легко.

А теперь давайте познакомимся. Меня зовут Сильвия. До того, о чем я вам рассказала, со мной не произошло ничего, сколько-нибудь заслуживающего внимания. Шестнадцать лет назад, когда я вышла замуж за Режиса, я была совсем недурна собой и у меня была куча ухажеров. Я выбрала его. Он был красивым парнем и здорово ухлестывал тогда за мной. Поначалу все шло хорошо. Потом Режиса как подменили. У него появились друзья, которые вламывались в дом среди ночи, и он уходил с ними неизвестно куда. Иногда он пропадал по целым суткам, и когда возвращался, от него разило перегаром. У него начали трястись руки, и он стал проигрывать и пропивать все, что умудрялся заработать в немногие трезвые часы. Я не знала, что делать. Конечно, куча детей, которых я ему нарожала, меня не украсила. Я уже была не той девочкой, за которой он увивался. У меня есть зеркало, и я не склонна обманывать себя. Моя грудь обвисла, живот стал похож на кожаный мешок, бедра потеряли былую упругость. Словом, надеяться на свои женские чары мне особенно не приходилось, взывать же к его рассудку — было все равно, что разговаривать с глухим. Он пропивал свой рассудок, а я в это время штопала дыры на своем единственном платье. Да что там дыры. Я отправила Бернара и Жозе к моему брату, их дяде, в деревню Катр-Борн, — я не могла их прокормить, а мой брат, который живет один, упросил меня послать к нему детей, раз уж так

не получилось. Так вот, Режис даже не заметил их отсутствия и ни разу не спросил меня, где мальчишки. Похоже, этот скот только и способен, что распространять запахи перегара да есть среди ночи плов из рыбы. И уж не говорю о том, что за стол он в таких случаях садился в чем мать родила.

Я часто плакала. Когда он приходил в особенно мерзком виде, я пыталась вспомнить его другим. Таким, каким он был, когда мы удирали ото всех в сад моей бабушки. Мы были счастливы, и я думала, так продлится всю жизнь. У нас родился первенец. Как он ждал его. Он прыгал от радости, когда мальчишка появился на свет. Что же с ним случилось потом? Мне трудно теперь сказать, когда это началось. Я рожала, снова беременела. Занималась домом. А потом как-то оторвалась от своих забот и заметила, что муж мой превратился в бездумную пьяную скотину...

Мой брат Тинтин относится к детям лучше, чем их собственный отец. Часто предлагал мне пожить с детьми у него. Он чувствовал, что у меня в доме неладно, но гордость мешала мне признаться, что он прав. Я держалась до последнего. Потом он приехал ко мне без предупреждения в канун Нового года. Он застал меня и детей одних в доме, где почти нечего было есть. Он силком увез нас к себе, и это были первые счастливые праздники за последние годы. Тогда он повторил приглашение:

— Пусть хоть двое твоих ребят поживут у меня. Им тут будет хорошо, да и у тебя развяжутся на время руки,— предложил он.

Я решительно ответила:

— Нет, проживем как-нибудь сами.

— Подумай, сестра, подумай,— не сдавался он.— Ты же знаешь, что мне, старому холостяку, это не в тягость, а в радость.— И он засмеялся.

Мы еще долго с ним болтали тогда. Потом я уеха-

ла. И вскоре, когда наши дела пошли еще хуже, отправилась к нему Бернара и Жозе. И я, и другие мои дети точно осиротели. Но такова жизнь бедняков: быть бы живу.

Еще какое-то время после этого я терпела оскорбления и побои. Я брала в стирку белье, и целыми днями возилась с ним у реки. Этот субчик заявлялся домой только для того, чтобы пожрать или взять денег на новую порцию вина. Когда я не давала ему денег, он кидался на меня с кулаками. Потом я его выгнала. Но он, видно, не принял это всерьез. Потому что через два дня он опять заявился домой и снова потребовал денег.

— Режис, я не шутила в тот раз,— ответила я ему. — Ты мне действительно такой больше не нужен.

Услышав это, он схватил подставку, на которой колот кокосовые орехи, и огрел меня ею по голове. Искры посыпались у меня из глаз, и от боли меня охватила такая злоба, что я почти не соображала, что делаю. Я кинулась на кухню, схватила жернов,— это было первое, что попало мне под руку, и запустила им в Режиса. Благодарение всевышнему, я не убила его. Он отшатнулся. Жернов пролетел мимо и брякнулся где-то в кустах. Подставка, которой Режис ударил меня, выпала у него из рук. Он повернулся и неверной походкой ушел со двора. Это был конец. Я понимала, что прежнее уже не повторится, и впервые почувствовала, что готова как-то изменить свою жизнь.

Глава II

Храбрости-то я набралась, а на людях все-таки избегала разговоров о нашей с Режисом ссоре. Даже лучшей подружке Андриной я не хотела ничего объяснять. Она сама пришла ко мне и спросила:

— Ну, что у вас с Режисом?

— Да так, — ответила я.

Я надеялась, что на этом беседа о Режисе закончится. Но надо было знать Андрина. Она вообще-то никогда не слыла душой, а тут сразу дала мне понять, что ей все про нашу жизнь известно.

— Этот негодяй издевается над тобой, а ты молчишь? Ну, молчи, молчи. Продолжай в том же духе! — сказала она.

— Чего ты от меня-то хочешь? По-твоему, я виновата, что он такой?

Тогда Андрина и вовсе разошлась. Не моргнув глазом, она обвинила меня чуть ли не во всех прегрешениях моего благоверного. Да и «благоверным», по мнению Андрина, Режиса не назовешь: если он и делал что-то во благо, то уж во всяком случае не мне и моим детям. Андрина прямо мне заявила, что муженек изменял мне на каждом шагу, причем делал это с равным успехом и во хмелю и с похмелья.

— Вот так, милая моя, — закончила Андрина. — А все из-за того, что ты молчала. Делала вид, что ничего не происходит. А он и его дружки от безнаказанности ошалели.

Ох, и умеют же порадовать закадычные подруги! Еще недавно я гордилась собой. Шутка ли: вот так взяла — и выставила Режиса! На такое ни одна из моих подружек не решилась бы, — я ведь знаю: у многих из них мужья пьют, и рукам волю дают. А мне надоело! Надоело, и все тут! Но почему же я почувствовала себя так скверно после откровений Андрина? Дорого бы я дала, чтобы никогда не узнать о проделках Режиса и его друзей. Ведь я его выставила, чтобы проучить. Любила-то я его по-прежнему. А он, оказывается... В глубине души я подозревала... Но одно дело подозревать, другое — знать.

— Что же мне делать? — спросила я у Андрина. Я

понимала, что прошу у нее не совета — никакие советы мне не помогут,— а поддержки.

— Поставь ему условие: или все будет по-другому, или пусть убирается вон!— решительно ответила Андриин.

— Я уже сделала это!— сказала я.

И вдруг я почувствовала, что успокаиваюсь. Да, я еще не представляла себе, что буду делать одна, без мужа, пусть и такого никудышного, как Режис, как буду поднимать на ноги детей. И вдруг я ощутила, что смогу плыть не только по течению. Слова подруги уже не так больно ранили меня. Она тоже сбавила тон.

— Может, я зря рассказала тебе обо всем этом?— спросила она.

Хорошенькое дело! Сначала выложила все, а потом спрашивает! Но я ей сказала, что она была права. Рано или поздно все бы выяснилось. А я жить так дальше уже не могла. Пусть бросит пить, может быть, с хмелем выветрятся и остальные пакости. Ну, а не бросит, туда ему и дорога. Пусть поищет себе другую дуру.

Все это я высказала Андриин, и, наверное, у меня здорово получилось. Она стояла, разинув рот от изумления. Явно не ожидала от меня такой прыти. А я подумала, что привелись ей испытать подобное, она, может, и не решилась бы вот так, махом, порвать. У нее-то мужик был, что надо, и она бы с ним горя не знала, если бы он не умер.

Мы еще поболтали о том, о сем, потом решили выпить кофейку. Андриин,— она всегда так делает, когда бывает у меня,— отправилась в соседнюю лавку и вернулась оттуда с пакетом кофе и фунтовой пачкой сахара. Она заварила кофе, а я поставила на стол чашки. Андриин уже хотела сесть, как вдруг повернулась и открыла дверь кладовки.

— О-ли-ля! — воскликнула она, произведя ревизию. — А жраты-то у тебя, мать, нету!

Я развела руками. Не объяснять же ей снова, что денег в доме нет. Режис уже давно ничего не дает на хозяйство. А я своей стиркой не могу прокормить себя и детей. Деньги же, которые мне в очередной раз дал брат, Режис уволок, когда я его выгнала. Но Андри и так все поняла без лишних слов. Прежде чем я сообразила, что у нее на уме, она уже снова выбежала на улицу.

— Я сейчас, — крикнула она на ходу.

Она действительно недолго заставила себя ждать. Вернулась с большим пластиковым мешком, набитым продуктами. Проществовала на кухню. Меня Андри остановила властным жестом.

— Сиди! Достаточно ты повозилась с бельем у реки.

И я осталась на месте. Ей трудно не подчиниться. Вечно она высматривает, чего у меня не хватает, чтобы тут же это принести. Ну, разве пропадешь с такой подругой! Вот только чем я ей отплачу?

Мои малыши обладают способностью чувствовать на расстоянии, когда на кухне начинается готовка. Где бы они ни были, пусть на другой улице, они тотчас прибегают. Так и сейчас. Едва Андри поставила на огонь овощи, как дети влетели в дом. Андри наделила каждого из них горстью слив и велела им проваливать, пока обед не будет готов.

Они убежали, подруга продолжала готовить, а я села и думала, как буду объяснять детям, почему я выгнала их папашу. Они ведь маленькие, все спрашивают, где папа. А до того, как я прогнала Режиса, спрашивали, почему папа с ними больше не играет, почему он кричит на меня и дерется. Младший подошел ко мне и сказал: «Мама, папа на нас обиделся, да?», а я ему ничего не ответила.

Пока Андри готовила, я все думала и думала об

этом. И все без пользы. Одно ясно: собака кусает того, кто от нее бежит. Хватит прятаться от невзгод, ну, а как стану жить, покажет будущее. Когда мы пообедили и дети снова отправились на улицу, я попросила Андриин рассказать мне подробнее о Режисе.

— А тебе не довольно того, что я уже выболтала?— спросила она.— Я и так сгоряча наговорила слишком много.

Но я попросила ее ничего не утаивать. Тогда Андриин рассказала мне, что Режис частенько наведывается в деревню на окраине нашего городка.

— Ну и что?— спросила я.— Он туда ходит косить траву на плантациях.

— Не знаю, где он косит траву, но чаще всего он навещает Франсуаз. Чем он там занимается, суди сама: стоит ему прийти, Франсуаз сразу запирает дверь на засов.

Все-таки я переоценила себя. Откровения Андриин мгновенно выбили меня из колеи. Вонючий козел! Постыдился бы!

— Эта шлюха Франсуаз поит его бесплатно, а он с ней за это спит,— внесла полную ясность Андриин.

Хорошо ей говорить такое. А мне какво! Жаль, что нет во мне достаточной злобы. А то бы пошла и придушила эту потаскуху! Но, по словам Андриин, дело не в Франсуаз. А в ком же тогда? Ведь он не сообщает спяну, что делает. А Андриин всю вину валит на него одного. Я вспомнила, какой он глупый и беспомощный, когда выпьет, и мне вдруг стало его жалко. Я сказала об этом Андриин. Она возразила:

— Во всем виноват он один. И не пытайся оправдать эту пьянь. Ух!— она сжала кулаки. — Вот уж кого удушила бы собственными руками!

У Андриин было такое злое лицо, что, думаю, попадись ей на глаза Режис, она перешла бы от угроз к действию. Прямо удивляюсь я, глядя на нее. Только

что сидела с нами, разговаривала с детьми и казалась воплощенной добротой. А теперь ничего, кроме злобы, не увидишь в ее глазах. Но странно: когда она снова заговорила о Режисе, от моей жалости к нему не осталось и следа. Она тысячу раз права, моя умная подруга. Франсуаз не сахар, конечно, но если бы Режис не был падок на выпивку, черта лысого она бы от него добилась. И рада бы я его оправдать, да не получается. Слушая Андрина, я многое припомнила, что не красило Режиса.

Например, он — пустозвон. Послушать его — так лучше мужчины не сыщешь. И трудолюбивый он, и смелый, и в карты играет хоть куда. Только трудолюбие свое он в кабаке оставил. А вот денежки мои в карты проигрывать — действительно мастак. Раза два он, правда, выиграл. Так потом я три года каждый день слышала об этом. И о чем я, несчастная, думала, когда мы с ним сидели в саду моей бабушки! Но тут я одернула себя: тогда он был хорошим. И позже, пока не стал пить — тоже был хорошим. Последнее время я его и трезвым-то не вижу.словно краб к нему залез в нутро. И щиплет его клешней. И все силы Режис тратит на то, чтобы задобрить краба, чтобы не щипался. Вино! Вино! Изо дня в день одно и то же. Год, два, десять... И чем дальше, тем хуже.

Вскоре Андрина ушла. А поздно ночью появился домой Режис. Он был настолько пьян, что выяснять отношения не имело никакого смысла. Да и выгонять его не следовало. Это не подействовало бы на него. По-моему, он даже не почувствовал бы, если бы его убили. Поэтому я решила отложить всякие разговоры до утра. Правда, утром его и след простыл. Я едва открыла глаза, а он уже смотался со двора, неизвестно куда.

Ну, мне и без него в тот день скучать не пришлось.

Часу не прошло после того, как Режис отчалил, появился сержант Каре со своими подручными. Что нужно от нас полиции? Я не имела представления. Зато сержант прекрасно себе это представлял. Бедный, ему было очень неловко передо мной, и он мялся, и запинаясь и чуть не икал от натуги, когда объяснял мне суть дела.

— Э-э-э, мадам. Тысяча извинений, мадам!— блял он.— Тут такое дело...— снова заминка.— Понимаете, там, внизу, у одного хозяина плантации украли цепь для привязи коров.

— Ну и что?— спросила я.

Он, кажется, смутился еще больше, и речь его от этого не стала бойчей. Все же он продолжал:

— Эта штука стоит денег, мадам, и я должен выполнить свой долг.

— Ну, и выполняйте его, ради бога. Но при чем тут мой дом и сад?

— Вашего мужа, мадам, видели вчера с этой цепью.

— И вы вообразили, что Режис ее украл?— возмущилась я.— Мой муж пьяница, это верно. Но он никогда не был вором!

Я прямо вся кипела от негодования. О чем только думают эти полицейские. Врываются с утра к честным людям только потому, что им кто-то сказал...

— Вместо того, чтобы работать, слушаете всякую болтовню!— сказала я сержанту.

— Хотелось бы верить, что это болтовня, мадам. Но, увы, я должен исполнить свой долг и обыскать ваш дом.

Сейчас эти двое будут рыться у меня в доме! Это уже не лезло ни в какие ворота. Такого унижения я не испытывала ни разу в жизни! Сержант, между тем, дал команду и его подручные начали рыскать по всему дому,— даже кровати детей обшарили. Слезы обиды наворачивались у меня на глаза. Я стояла рядом

с сержантом, стиснув кулаки. Что я могла тут поделать. Оставалось лишь терпеливо ждать, пока кончатся это издевательство. Они вышли из дома.

— Ну, как?— спросил Каре.

— Ничего нет, сержант!

— Вот видите!— у меня даже дух захватило от возмущения, и я готова была излить на голову несчастного сержанта все, что накопилось во мне, пока они лазали по моему дому. Но сержант перебил меня:

— Одну минуточку, мадам. Надо еще поискать во дворе.

Он положил мне руку на плечо:

— Я понимаю: это очень неприятно. Но поймите и меня: такова моя работа.

— Хороша работа!— крикнула я. — Унижать честных людей. Подозревать их в воровстве!

Но мне не пришлось договорить. В эту минуту один из полицейских появился с обрывком цепи в руках:

— Вот, сержант! Он спрятал ее среди садового инвентаря.

Сержант взял цепь. Рассмотрел ее внимательно.

— Да, это она! Простите, мадам,— обратился он ко мне.— Вы тут ни при чем. Думаю, ваш муж не украл ее, а просто спрятал. Кто-то попросил его сделать это. Еще раз простите, мадам.

Он дал знак подручным, и они ушли со двора. Собственно, этот сержант был добрым парнем. Ведь он щадил меня, когда говорил, что Режис не украл цепь. Его и к ответственности не стали привлекать — вызвали в участок и предупредили. А он всех уверял, что никакой цепи не брал и вообще не помнит, что делал в тот день, потому что был пьян в стельку. С этим я не спорю — действительно еле на ногах стоял. А откуда взялась цепь? Значит, он еще и вор. После этого

он приходил несколько раз, но я, завидев его, запира-
ла дверь и, сколько он ни ломился, не поддавалась
на его угрозы или уговоры. Мне больше не было его
жалко, и я не боялась, что с ним что-нибудь может слу-
читься. Если он докатился до воровства, пусть себе по-
ищет другой дом. Или отправляется ночевать к Франсу-
аз. Не могла ему простить этой цепи. То, что наш дом
обыскивали, еще полдела. Хуже, что нашим детям ни
в школе, ни на улице не давали прохода. Попадется
навстречу им какой-нибудь мальчишка и начнет кри-
чать:

— Вон идут дети Режи́са. Того самого. Режи́с —
шакал, коровью цепь украл!

Ребята мои, понятно, обижались и бросались с ку-
лаками на тех, кто их дразнил. Ну, а обидчики тоже в
долгу не оставались. И ребята мои ходили все в синя-
ках и кровоподтеках. Андри́н мне каждый день талды-
чила, что надо оформить с Режи́сом развод. Сейчас,
говорила она мне, не то время, чтобы терпеть такие вы-
ходки от мужа. Вообще-то я тоже слышала по радио
передачи о равноправии женщин, но по тем, кого я
знала, равноправия пока незаметно. Андри́н подста-
ет — это потому, что мы привыкли жить по ста-
ринке. Она лично не стерпела бы такого отношения
к себе. Сумела бы сама о себе позаботиться. Хотя
я была с ней не вполне согласна, я начала подумывать
о разводе. Но, видно, не судьба мне была
разводиться. Вскоре я узнала, что Режи́с попал в
больницу.

И вот что удивительно: казалось, что после случая
с цепью я возненавидела Режи́са. А когда узнала, что
он тяжело болен, куда только вся злоба подевалась?
Так мне его стало жалко. И все я готова была сделать,
все отдать, лишь бы он был жив-здоров.

Глава III

Мне не напрасно сказали, что Режис попал в больницу. Скрутило его не на шутку. Я бежала в больницу и думала только о нем, о том, чтобы он поправился и был опять с нами. Прежних обид моих как не бывало. Ничего бы не пожалела, пусть бы к нему здоровье вернулось.

Когда я пришла в больницу и назвала себя, меня тут же провели в палату. Он лежал на кровати, и я, как взглянула на него, совсем оттаяла. Он похудел и лежал такой тихий, и такими ясными глазами поглядел на меня! Потом он улыбнулся, и лицо у него стало прямо как в наши лучшие дни. Я побежала к кровати и поцеловала его. Пока сидела с ним, все время ломала голову, где бы раздобыть денег, чтобы расплатиться с врачами. Но потом мне сказали, что в этой больнице и белье дают бесплатно, и денег за лечение не берут. Ну и ну! Не зря, значит, Андрич уверяет, что у нас многое изменилось за последние годы. Она говорит: это потому, что сейшельцы, наконец, стали хозяевами страны, и теперь власти вынуждены с нами считаться. Как бы то ни было, но бесплатное лечение меня поразило. А Режис вообще не поверил и попросил не рассказывать ему сказки.

Каждый раз, как я к нему приходила, он снова заводил речь об этом. Ему, видите ли, казалось, что я заплатила за его содержание в больнице, и он мучился, не сидим ли мы с детьми голодными. Стоило ему протрезветь, и он стал прежним Режисом, которого я так любила. Одно меня пугало — выглядел он очень плохо и с каждым днем все больше худел. И слабость была такая, что он с кровати почти не вставал.

На восьмой день болезни меня позвала к себе врач. Я сразу смекнула, что тут не все ладно. С ка-

кой стати, иначе, меня вызывают? Уже неделю все видят и никому до сих пор не было до меня дела. А тут — на тебе. Я вошла за ней в кабинет. От страха у меня так дрожали колени, что едва двигалась. И все-таки я уговаривала себя — ничего страшного, может, все обойдется... Врач была важная и держалась, как настоящая дама. Она велела мне сесть в кресло и сама села напротив. Потом она кивнула мне и улыбнулась. Я совсем перепугалась. Я ей не мать и не сестра и за здорово живешь рассиживаться со мной и обмениваться улыбочками ей не к чему. Значит, Режис... Мне даже подумать было страшно, что я сейчас услышу. А она все кивала мне и улыбалась, словно кукла какая-то. Я силилась улыбнуться ей в ответ и тоже кивала, хотя судьбу этим не задобришь. Наконец врач как-то очень прямо села в своем кресле, и я поняла, что теперь надо спросить у нее, как дела. Я и спросила. И еще сказала, что она может от меня ничего не скрывать, — все равно страшнее этого молчания для меня уже ничего не будет, и я готова к худшему. И тогда она сказала:

— Вы только не волнуйтесь. И не плачьте.

И так еще рукой сделала, мол, тише, не устрой мне тут, чего доброго, истерику. Но я ее на этот счет успокоила, объяснила ей, что мы, простые люди, сызмальства к невзгодам приучены. Тогда она вроде как согласилась, что пора перейти к делу:

— Мадам, ваш муж очень болен.

Как мне ни горько было, но я сильно обозлилась на эту дуру стоеросовую. За кого она меня принимает? А то я не догадалась, что мой муж «очень болен», пока она меня своими подходцами потчевала! И тогда я крикнула:

— Да скажешь ты мне, наконец, что с ним? Ты издеваться надо мной вздумала?

— Я же просила не устраивать сцен! — возмути-

Давь она. — И почему жены тяжелобольных такие нервные?

Я постаралась взять себя в руки и ничего не ответила. Я вдруг сообразила, что какая бы она ни была, она доктор, она будет лечить Режиса. Попробовала бы она оказаться на моем месте. Небось, живо бы смекнула, почему мы такие слабые.

А она, видно, решила, что достаточно подготовила меня и добавила:

— У вашего мужа злокачественная грыжа:

— И он... — я, как ни крепилась, как ни готовилась к самому плохому, все-таки не сдержалась. Ком подступил у меня к горлу, и я замолчала, давясь собственным плачем.

— Отчаиваться пока рано, — объяснила врач. — Мы еще не знаем. Может, ваш муж и поправится. Но доктор просил меня известить семью.

— А доктор разве не вы? — удивилась я.

— Нет, — ответила она. — Я — администратор. Я исполняю поручение врача. Он просил вас сказать, что вашему мужу необходима операция. Только операция может его спасти. А он отказывается, говорит, что не даст себя резать.

Когда я узнала, что лечит Режиса не она, мне почему-то стало легче. Хотя, легче — не то слово. Мне трудно выразить, что я тогда пережила. Но когда я узнала, что не эта самодовольная дама будет лечить Режиса, мне показалось, что все не так плохо, как она утверждает. И еще, когда я узнала, чем болен Режис, я поняла, как он мне нужен. Вот, поди ж ты: сколько я себя убеждала, что лучше мне без него, что после всего, что я о нем узнала, больше ни видеть, ни слышать его не хочу. А стоило ему заболеть, и я прибежала. И никто меня не заставит отказаться от него. Я, конечно, уговорю его сделать операцию, о чем я и ска-

зала этой важной даме, а она мне ответила, что так и думала.

Потом я шла из больницы домой и все пыталась понять себя. С тех пор, как мы с Режисом поссорились, я стала часто задумываться. Раньше я просто жила, как живется, а когда его выгнала да чаще начала с Андрин общаться, я прямо сама не своя, все хожу и думаю, как и что, зачем и почему. А с болезнью Режиса мысли мои совсем меня замучили. Может, хочу угадать, как все дальше сложится? Не знаю, но за это время я передумала больше, чем за всю прошлую жизнь.

Андрин, наверное, скажет, что у меня гордости нет. Обижал меня Режис, оскорблял, даже бил, детей забросил, деньги из дома уносил. И я, конечно, понимаю, что жалеть такого человека нечего. А я его жалею! И продолжаю считать отцом своих детей, и хочу, чтобы он жил с нами. И никуда я его не отпущу. Пусть Андрин говорит, что угодно, но Режис наш, и мы с детьми постараемся его выводить и если он останется жив, не позволим ему выпивать. Я когда его больным увидела, поняла, что ничего в нем не умерло. Он такой же, каким был, когда мы уединялись в саду моей бабушки. Просто сердце у него окаменело. А сейчас он бросил пить и опомнился. И сердце снова стало добрым и мягким. Только бы он не вернулся к пьянству и дурной жизни, когда поправится... Тогда лучше бы он умер. Но мне самой стало страшно от своих мыслей, и оставшийся путь до дома я старалась не думать больше ни о чем. Не так-то это было легко. Видимо, это всегда так: если уж котелок начал варить, его не оставишь.

На следующее утро я пришла к Режису и заговорила с ним об операции. А он как начал орать:

— Значит, и ты с ними заодно? Думаешь, я такой олух, что не понимаю, куда вы гнете? Хотите изуродо-

пить меня? Посадить на молочко? Да я лучше сдохну, чем стану его пить!

— Режис, пойми, это необходимо,— пробовала я уговорить его.— Без операции ты не поправишься. А молоко тебе доктор прописал.

Но, какое там! Видно, он почувствовал себя лучше и ему приспичило выпить. От этого он взъелся на весь свет. В глазах у него появилась такая злость, что мне страшно и горько было смотреть на него. Вот, оказывается, как глубоко в нем засела страсть к вину!

Он знать не желал, что речь идет о его жизни. Я ему говорю: «Ты умрешь без операции», а он твердит: «Лучше подохнуть, чем жить на одном молочке!». Я ушла, так ничего и не добившись. И тяжело мне было. Болезнь крепко держала Режиса. Мне об этом рассказал старичок — доктор. Хороший старикан — добрый, приветливый. Ничем не похожий на ту даму, которой поручил известить меня об операции.

Много непонятных слов наговорил мне доктор про Режиса, но суть я уловила. Мой муж, как в сети, барахтается в своей болезни. И надо торопиться, потому что рыбаки в любой момент могут потянуть сеть из воды. Если не опередить болезнь, Режис умрет. Опасность велика и медлить с операцией нельзя. До какой же тупости довело Режиса пьянство! Даже рыба, когда рыбаки вытягивают сеть, бьется до последнего, старается вырваться и удрать в море. А Режис за свою жизнь не боится: ему лишь бы удрать из больницы и выпить с друзьями.

На другой день ему опять стало хуже. Странно: мне так хочется, чтобы он поправился и набрался сил, а ладим мы с ним только, когда болезнь скручивает его. Боль делает его человеком. Когда у него все болит, и он не может подняться с постели, он забывает о выпивке.

Голова начинает нормально работать, он способен

и слушать, и думать. И я, честно говоря, хоть и отдам все на свете, чтобы вытянуть его из больницы, все же вздыхаю с облегчением, когда прихожу и застаю его в постели. Только когда ему очень плохо, проглядывают в нем черты прежнего Режиса.

Видя, что ему худо, я снова начала уговаривать его. Он, вроде бы задумался, понял, что без операции ему не выжить, и даже испугался. Надолго ли? Я больше всего боюсь, что кто-нибудь из его прежних друзей явится в больницу и принесет ему выпить. Тогда он, чего доброго, вообще из больницы удерет. Потом, конечно, его скрутит, и умрет где-нибудь на улице. Но доктор меня на этот счет успокоил. Он сказал, что у них за пьяницами следят строго и всех подозрительных посетителей проверяют. Я попросила его, если можно, никого не пускать к Режису, кроме меня. Он обещал, что велит сестрам, и мне сразу стало легче. Я верила, что рано или поздно справлюсь с мужем, если никто вмешиваться не будет.

Чем больше я задумывалась над своим несчастьем, тем яснее видела: я сама во многом виновата. Не надо было отпускать Режиса после работы на все четыре стороны.

Я теперь каждый день подолгу разговариваю с Андрин. Когда я стала ходить к Режису в больницу, она совсем перебралась ко мне: и за детьми следит, и готовит. Мне так неудобно перед ней, и я, когда прихожу, пытаюсь хоть что-то сделать по хозяйству, но она мне не позволяет. Говорит, что с меня хватит и больницы. Зато вечерами, уложив детей спать, мы допоздна сидим и разговариваем. Андрин умная, она много знает и научила меня по-другому относиться к жизни.

Мои думы о нас с Режисом я ей поведала, и она согласилась со мной. Она считает, что супруги должны проводить досуг друг с другом и с детьми. И все дол-

жно быть у мужа с женой на равных. Андрин так ловко эти слова вставляет: «досуг», «эмансипация». Будто они ей с детства знакомы. А я пока в таких вещах с трудом ориентируюсь. Словно морская рыба в пресной воде. Ведь вступали мы в семейную жизнь никаких этих слов не ведая. Как и все простые сейшедьцы, жили на своей земле, а хозяевами на ней не были. Сейчас хорошо говорить, а тогда просто времени не было ни на семейный досуг, ни на равноправие мужа и жены. Какое там! Быть бы живу. За день так умаешься, что и говорить друг с другом сил нет. Я поняла, что Режис начал пить, только когда он стал возвращаться домой чуть ли не на четвереньках. А Андрин что? Был у нее досуг? Как бы не так. Просто муж ей попался редкостный. И красавец был, и мастер на все руки. Любил ее: они даже не повздорили ни разу как следует. Вот кому бы жить да жить...

После его смерти Андрин так и не вышла замуж. Она говорит, что все равно ей никого больше не полюбить, а держать мужа для мебели она не хочет. Она только горюет, что у нее так и не родилось детей. Поэтому она и не перестает заботиться о моих детях и обо мне самой. Она ведет себя, будто у нее все в прошлом, а ей нет и сорока, многие мужики по ней просто с ума сходят. Но уж такая она, моя подруга Андрин. Или все или ничего. Мне-то, конечно, хорошо. У меня есть верная подруга, которой до меня всегда есть дело. А ей-то каково одной?

С тех пор, как она живет у меня в доме, мы без конца обсуждаем, как сложится наше будущее. Похоже, многое придется менять. Дело тут не только в Режисе. Он согласился на операцию, но неизвестно, выживет ли он, и как дальше сложатся наши отношения. А в тот же день, когда я уговорила Режиса довериться врачу, Андрин огорошила меня новостью.

— Ты только не волнуйся,— говори,— по ваш хо-

зьяни помер, а дети его будут делить между собой землю.

Хорошо, что я сидела, а то бы брякнулась в обморок. Ведь если родственники мсье Мориса сгонят нас с земли, которую мы арендуем, придется всем нам перебираться в другое место. Правда, от отца в наследство мне достался клочок земли. Но тут, в поселке Каскад, мы с Режисом начали свою жизнь. Тут наше семейное гнездо и, как бы скверно ни складывалось все в последние годы, все же было много хорошего. Тут я была счастлива, тут рожала детей. Тут намеревалась прожить годы, которые мне еще отпущены. И при мысли, что придется оставить этот дом, и эту землю, и память обо всем, что было, я не выдержала и заплакала.

Глава IV.

Я еще некоторое время горевала, что придется покинуть дом и землю, которые давно стали частью меня самой. Андриин мне сочувствовала. Она говорила, что этого так нельзя оставлять.

— Пусть только попробуют,— кипятилась она.— Сейчас не те времена. Власти не посмеют покрывать хозяина, который за здорово живешь сгоняет с земли арендатора. Тем более, что у тебя муж болен, и на твоей шее все семейство.

Наверное, она была права. Но на меня с болезнью Режиса свалилось такое количество забот, и я так устала от всего этого, что заводить тяжбу с хозяевами было выше моих сил. И я решила сдаться без боя. Бросив детей на Андриин, я поехала в Катр-Бори. Надо было посоветоваться с братом. Он всегда приходил мне на помощь в трудные моменты, и без него я не хотела ничего предпринимать.

Стояла такая удушливая жара, что я совершенно вымоталась, пока добралась до Катр-Борна. Наверное, видок у меня был еще тот. Недаром Тинтин, встретив меня на пороге, тотчас усадил и поспешил принести лимонаду и кофе.

— Пей, сестрица, пей,— уговаривал он.

И я пила с жадностью, пока тело мое не остыло. и в голове не прояснилось. Тогда я все рассказала Тинтину. И о прошлом, и о настоящем, и о будущем. И надо сказать, получила от этого удовлетворение. Диву даешься, почему я раньше выставлялась перед ним и врала, что у нас в семье дела обстоят, как надо. С чего было врать? Ведь он мой брат, и с таким участием отнесся ко мне... Он внимательно выслушал меня, а потом сказал:

— Теперь, сестрица, все зависит от того, вылечат ли Режиса и сможет ли он обойтись без спиртного. Ведь не порвав со спиртным, Режис быстро отправится к праотцам.— Тинтин усмехнулся.— В пьяном виде, сестрица, твой муженек омерзителен. Еще вопрос, что хуже — мертвый Режис или пьяный Режис.

Я суеверно замахала на Тинтина руками.

— Успокойся, сестра, я же пошутил!— на лице Тинтина появилась такая добрая улыбка, что на него невозможно было сердиться.

— А если серьезно — тебе придется приложить немало усилий, чтобы отучить его от пьянства. Иначе, сама понимаешь, жизни у вас никакой не будет.

Тут он был прав, и мне нечего было возразить. Чем дальше мы беседовали с Тинтином, тем больше я благодарила судьбу, что она подарила мне такого брата. Он был так добр ко всем нам, будто не видел другой радости, как заботиться о нас. А ведь, честно говоря, ничего, кроме неприятностей, ни я, ни моя семья ему не доставляли. Стыдно признаться, но вспомнила

я о существовании Тинтина только, когда мне потребовалась помощь. И он всегда протягивал нам руку. Вот и на этот раз он все принял близко к сердцу. Послушав еще мои сетования, он сказал:

— Ну, в общем так, сестра. Младшие твои дети уже живут у меня, и грех разлучать семью. Как выйдет Режис из больницы, так и перебирайтесь ко мне в Такамаку. Места на моей ферме всем хватит, да и мне будет с вами веселее.

Я очень часто разыгрывала перед ним этукую неприступную гордыню, мол, не надо мне ничего, у самих всего достаточно. А тут я не удержалась и бросилась ему на шею. И за что меня все награждают милостями? И Андриин, и Тинтин... Чем добрее ко мне относятся, тем больше я стыжусь, что вот люди заботятся обо мне и моих детях, а я ничем отблагодарить их не могу. Как бы там ни было, а Тинтин — добрый ангел нашей семьи. Недаром его так любят все мои дети, от мала до велика.

Потом Тинтин позвал моих малышек и мы все вместе вышли в сад. Я нашла, что мальчишки, пока жили у дяди, выросли и поздоровели. Тинтина это очень обрадовало. Он смеялся и болтал со мной о всякой всячине, а я нет-нет, да и возвращалась к его предложению. Мне хотелось как бы невзначай выведать, не в тягость ли ему будет наш приезд, и не жалеет ли он о том, что пригласил нас всех к себе. Сначала Тинтин отмахивался от моих вопросов, потом и вовсе рассердился и сказал, что никогда ничего не предлагает необдуманно. А потом вдруг начало темнеть, и я спохватилась: ведь в Каскаде меня ждут Андриин и дети. Если я не вернусь, они начнут волноваться. Я стремглав кинулась к автобусу.

Как выяснилось позже, я не напрасно спешила. Я поспела на последний автобус, который отъехал до сообщения о циклоне. Ну, и потрепало же нас в дороге!

Ветер готов был снести нас в любую минуту, и автобус, кажется, не ехал по шоссе, а летел по воздуху. Вся земля была в воде, а небо секли молнии, и вокруг так грохотало и булькало, будто мы были уже в преисподней. Я, признаться, боюсь грозы и всегда трушу, когда она настигает меня на улице. А на этот раз вместо страха я почувствовала если не удовольствие, то своего рода легкость. Точно эти потоки дождя бурлили и во мне, отмывая мою душу от вечных тревог и опасений, как бы что не стряслось. Странно, на меня обрушилось столько невзгод, а я боялась меньше, чем прежде. Страх куда-то испарился, зато я чувствовала, что вместо него во мне появилась какая-то сила. А может, и не сила вовсе? Просто сознание, что у меня есть верные друзья — Андри и брат — и что с ними я не пропаду на этом свете?

Автобус, к моему удивлению, не слетел с дороги и не пропал в кювет. Но вымокла я, пока добиралась от остановки до дома так, что выжимала из одежды воду. Андри отпаивала меня кофе с ромом. Может быть, поэтому я не простудилась и утром смогла как ни в чем не бывало пойти в больницу.

Режис заметно поутих. Чувствовал он себя явно плохо, и безропотно готовился к операции. В последнее время его было прямо не узнать. Он делал все, что велел доктор, и не утаивал хвалить старикана, который, действительно, о нем пекся, по-моему, больше, чем о других больных, и чаще, чем других, осматривал. И добился своего: Режис поверил ему и понял, что без операции ему не выкарабкаться.

Старичок был бледный, шупленький. Я, когда глядела на него, все удивлялась: как в таком хилом теле умещается столько доброты?

Доктору мы верили не зря. Операцию он сделал от-

лично. Режис начал быстро поправляться. И даже, по-моему, жалел, что приходится так скоро выписываться.

Я подождала, пока Режис вернется в родные стены, а уж потом огорошила его новостью насчет этих самых стен. Сказала ему, что с земли нас могут согнать в любую минуту. Он, конечно же, расстроился не меньше моего. Когда он трезвый, он все принимает близко к сердцу, мой Режис. Вот он посмотрел на меня совершенно потерянно и спросил:

— А где же мы теперь будем жить?

Понятное дело, он без особого восторга отнесся к идее переезда в Такамаку. Каждый мужчина хочет быть хозяином в своем доме, а у Режиса гордость была. И как только эта гордость позволяла ему напиваться до скотского состояния? Но он понимал, что ничего тут не попишешь. Поднимать клочок земли, доставшийся мне в наследство, сейчас не было ни сил, ни возможностей. И Режис, скрепя сердце, согласился.

Мне казалось, что я уже мысленно пережила расставание с домом, но когда настал день отъезда, я едва помнила себя. Я, конечно, и раньше горевала, но не представляла себе, до какой степени мне все это дорого. Наш домик мне вдруг явился как бы живым существом, которое мы предали. Когда Режис отрывал и отвинчивал от стен полки и снимал с них вещи, мы словно причиняли ему боль, а он-то любил нас всех — в нем было тепло в период дождей, прохладно в зной. Это был наш домик, он слышал многое, и хранил память о нас... Я плакала, и никто меня не мог утешить, — ни Андри, ни Режис, ни дети. Грузовик отъехал, завернул за угол, и дом скрылся из виду. Тогда я успокоилась, слезы мои иссякли, но у меня появилось чувство, будто часть моего сердца осталась там, за поворотом.

Глава V

Мы переехали в Такамаку в самом начале апреля, и, как ни тосковала я по родным местам, все же я быстро поняла, насколько нам всем тут лучше. Неспроста говорится, друзья твоих друзей — твои друзья. Пожалуй, за всю жизнь у меня не было столько друзей, сколько их появилось, когда мы стали жить у Тинтина. По-моему, его любили все, и эта любовь как бы распространялась на нас, его родственников.

Когда мы стали жить вместе, я лишний раз убедилась: удивительный человек мой брат. Он не только нам, он каждому, кто оказывался в беде или затруднительном положении, старался прийти на помощь. В нем ни на йоту не было расчетливости,— едва он чувствовал, что может помочь человеку, он отдавал последние деньги, делился урожаем. Взять хотя бы моих детей. Мало того, что он их приютил, когда в моем доме не было буквально ничего съестного, он еще занимался с ними все свободное время. И узнала я об этом не от него, а по успехам малышей. Полгода назад я со страхом думала, как они пойдут в школу,— ведь они даже вести себя прилично не умеют. Дома они дерзили мне на каждом шагу, а уж в потасовки влезали во все, в какие могли. У меня времени не было ими заниматься,— ведь детей было много, а я вынуждена была тянуть на себе весь дом.

Теперь младших ребят было не узнать, а старшие смотрели на них, как на пришельцев с другой планеты. Они разговаривали тихими голосами, за столом говорили «спасибо» и «пожалуйста». Кто бы мог подумать, что они на это способны, или предположить, что они могут есть спокойно, не вступая в драку друг с другом из-за каждого лакомого куска! В общем-то я и по себе, не только по детям, поняла, как меняет людей нормальная жизнь.

Часто я злилась, когда мне подобных богатые — и белые и цветные — обзывали «невежами». А как поразмыслить, — где же нам быть другими? Встаешь спозаранку и соображаешь, чем покормить детей на завтрак, вот и растут они грубиянами, — воспитывать-то их некому, едва хватает сил родить их и выкормить. А пожилые мои младшенькие с братом и прямо преобразились. Даже читать их брат научил, теперь с ними не стыдно и в школе показаться. И старшие, как приехали в Такамаку, тоже подтянулись — не хотят отстать от малышей. Да и сама я постепенно оттаиваю.

Вот только Режис, к сожалению, настолько хорошо стал себя чувствовать, что обзавелся на новом месте дружками-собутыльниками. Поневоле призадумался: нам с детьми перемена обстановки на пользу и в радость, а Режис и тут сумел все свернуть на выпивку. Даже дружескими связями брата пользуется для того, чтобы его угощали. Разумеется, родственнику Тинтина мало кто откажет. Случилось это с Режисом всего несколько раз, но я уже напугана.

Прошло еще немного времени, и опасения мои подтвердились. Режис уходил вроде как гулять, — ему нельзя было работать после операции, — и возвращался как будто нормальный. Хотя пахивало от него подозрительно: словно он выпил вина, а потом зажевал листьями. Мучить его расспросами я не стала, а себя утешала: наверное, это пахнет лекарствами, а они чем только не пахнут.

Но как я себя ни успокаивала, я не могла не заметить, что Режис постепенно скатывается на прежнюю дорожку. Дело не в том, что он каждый день, вернувшись с прогулки, благоухал новыми запахами. Я могла бы и дальше сваливать на лекарства. Но лекарство он принимал одно, и оно не могло пахнуть день — лепестками лимонного дерева, другой — травой, тре-

тий — флердоранжем. Кроме того, если раньше лекарство ему помогало, то теперь он снова начал худеть, часто к вечеру у него заплетался язык, и на ходу его покачивало. Он, правда, все сваливал на то, что еще не окреп и походы в горы его утомляют.

Тинтин тоже заподозрил неладное. Но он не копался в своих подозрениях, как я. Он был настоящим мужчиной, мой брат, и потому, не тратя попусту времени на размышления, он как-то заявил мне:

— Сестра, похоже, что твой благоверный все-таки решил отправиться на тот свет.

— Бог с тобой, что ты говоришь, Тинтин! — ужаснулась я.

— Неужели ты не замечаешь, как от него разит?

— И ты заметил? Я надеялась, что это лекарства...
Хохот Тинтина прервал меня.

— Лекарство! — гоготал он. — Да, алкаши всегда называют это лекарством. Они жалуются, что у них душа горит! — новый приступ смеха начал душисть брата. Передохнув, он добавил:

— Жаль, что ни один из этих больных не доложил своим друзьям, как горит душа в преисподней! Ведь именно туда и, заметь, прежде времени, приводит то самое лекарство, которым так щедро убажрает себя твой муж!

— Нехорошо смеяться над чужим горем, — пробовала возмутиться я. Мне, в отличие от брата, было не до шуток: ничего смешного я не видела в том, что Режис опять принялся обследовать кабаки.

— Я смеюсь не над твоим горем, — ответил Тинтин, — над твоей наивностью! Вообразить, что тупой бараний взгляд у твоего мужа от лекарств!

Брат сразу стал серьезным.

— Да перестань ты реветь, Сильвия! Реветь будем тогда, когда он помрет, перебрав рюмку-другую, и свя-

шенник с почестями проводит его в мир иной. А пока надо не реветь, а думать, как сделать, чтобы этот дегенерат, прости за выражение, продержался на этом свете хотя бы до сорока лет.

— Может, подождать? Может, он сам перестанет?— сомневалась я.

— Вот у таких дур, как ты, и спиваются мужья!— резко оборвал меня Тинтин.— Вместо того, чтобы проявить твердость, ты, как пугливое животное, прячешь голову от света и хочешь себя уверить, что опасности нет, раз ты ее не видишь. Между прочим, пока ты думала да гадала, я проследил за твоим муженьком. Шел я с Большой Мессы и вдруг увидел, что в гуще бананов кто-то шевелится. Подкрался потихоньку. И кого же я вижу? Твоего Режиса! Он огляделся по сторонам и, видимо, решил, что нашел надежное укрытие. Достал из-за пазухи бутылку домашней водки и начал дуть прямо из горлышка. Тут я и вышел. От неожиданности твой муженек поперхнулся, и я долго колотил его по спине, прежде чем он смог ответить мне нечто вразумительное.

— Ну, и что же он тебе сказал?— спросила я. Мне все еще не хотелось расставаться с надеждой.

— А что он мог мне ответить? Что в бутылке лимонад?— ответил Тинтин.— В другое время у него хватило бы наглости утверждать это. Но положение его было безнадежно. Водка разлилась, и даже бананы не могли заглушить запах сивухи. Видела бы ты, каким зверем он посмотрел на меня!

Ох, и дала же я Режису после разговора с братом. А если говорить честно, то я лишь дала волю своему гневу, потому что на него ни мои крики, ни мои слезы, ни попреки не подействовали. Он на все отвечал, что мой брат, мол, нарочно на него наговаривает, потому что хочет выжить нас из дома. Это мой-то брат, который приютил нас и кормит всю семью. Это было так

глуно и подло, что я окончательно убедилась: страсть к спиртному снова взяла верх над Режисом, и теперь ему, как и раньше, до болезни, наплевать на все. Последняя надежда была на то, что он вспомнит слова доктора и испугается за свою жизнь. Но и это его не проняло. Он снова, как тогда в больнице, заявил, что все это ложь.

— Все врут. И ты, и твой братец, и этот осел доктор. Я здоров, как бык. И был бы еще здоровее, если бы не дал себя резать!

С этого вечера он даже таиться перестал. Правда, вопреки его уверениям, здоровье ему не давало выпивать столько, сколько прежде, и порой, после одного стаканчика арака, он почти валился с ног. Но как только хмель выветривался, ему требовалась новая порция. Постепенно он, как и прежде, совсем перестал бывать дома. Проснется, сжует первый попавшийся кусок — и вон. Возвращался он поздно ночью и тут же с храпом заваливался в постель. Где-то он, наверное, подрабатывал, но денег я не видела и спрашивать его ни о чем не хотела: все равно он бы наврал.

Вечерами напролет мы сидели с Тинтином и ломали голову, как помочь Режису. Пораскинув мозгами, мы нашли, что помочь ему может старик-доктор, если согласится положить Режиса в больницу и как следует его попугать. Вот только станет ли доктор, у которого масса больных, тратить время на человека, потерявшего совесть. Тинтин считал, что попытаться стоит. Но мне почему-то в больницу идти было боязно, и я откладывала это со дня на день.

Так шли день за днем. В одно воскресное утро к нам прибежали соседи. И муж, и жена так размахивали руками и так тараторили, что я сразу поняла: они принесли какую-ту важную новость.

— Вы слышали, — кричали они наперебой. — По ра-

дно сказали... Власть в стране захвачена... Велели спокойствие сохранять... И ждать сообщений...

Я ахнула — вот это да! Соседская чета продолжала на разные лады повторять одно и то же: по радио, видимо, больше ничего не сообщили. Потом мой умный брат догадался поблагодарить их, и они убежали дальше, сообщать новость другим соседям. Мы молча сидели за столом. Даже Режис, не успевший улизнуть из дома, присмирел. Никто не знал ничего. И было тревожно, потому что, не знаю как кому, а мне страшной всего неизвестность. И пока я не выясню все, мне будет казаться, что детям грозят из-за угла, и неведомо, как отвести эту угрозу, тем более, что — кто грозит, тоже непонятно.

Вскоре то неясное, что происходило в Викторин, донеслось до Катр-Борна событием, совершенно подкосившим моего мужа. В магазины поступил приказ до особых распоряжений прекратить продажу спиртного, и сколько Режис ни канючил, ни обивал пороги, даже самые охочие до лихих денег торговцы отказывали ему. Когда происходит что-то непонятное, всем становится страшно, и о легких деньгах тоже забывают, если они могут стоять жизни. Кажется, весь поселок насторожился и чего-то ждал. Один мой муж неистовствовал. Сначала он кидался с кулаками на Тинтина, потом стал поносить новые порядки. Сперва он орал дома, но, видно, нутро у него так горело, что этого ему показалось мало. Он вышел во двор и начал вопить, что собственными руками задавил бы тех, кто запретил настоящим мужчинам пить, он им не какая-нибудь безмозглая баба. Мы с Тинтином и старшими детьми едва скрутили его. Пришлось силком уволочь его в дом и запереть в одной из комнат. Запертый, он еще поорал немного, потом, видно, выдохся. Когда мы открыли дверь, он уже храпел, лежа на полу у двери.

Глава VI

Прошло несколько дней, и мы узнали, в чем дело. Если верить радио, мы перестали быть иностранным владением, и теперь можем сами управлять своей страной. Страх уступил место любопытству, и мы с интересом стали наблюдать, чем перемены наверху обернутся для каждого из нас. Мы — это я, Тинтин и старшие дети. Режис ничем не интересуется и ничего не ожидает. С тех пор, как торговцы стали снова продавать спиртное, он почувствовал себя вольготно. Мы с Тинтином удивлялись:

— Такое происходит, а тебя будто не касается.

— По мне, что — те, что — другие, — ответил он нам.— Но,— продолжил он, довольно потирая руки,— раз новая власть не отнимает у меня арака, я ничего против нее не имею.

А тут еще является к нам в дом молодой человек, называет себя Архангелом и говорит, что он от мадам Альфонс — матери Режиса.

— Только не поймите чего не так,— говорил молодой человек.— Будь у нее хоть грош за душой, она бы никогда не унизилась. Но она уже долгое время питается подаванием. Я выяснил у нее, в чем дело, и сам вызвался навести порядок. Не будь я Архангел, если не вытрясу из ее сыночка помощь.

Видать, от Архангела у него было только имя. Кротостью парень не отличался. Он прямо кипел от злобы, и его руки, засунутые глубоко в карманы штанов, сжимались в кулаки. Режис попробовал было сгрызнуться, мол, не вмешивайся не в свое дело и катись. Но парень так на него глянул, что мой муж тут же осекся и начал суетливо рыться в карманах. Он наскреб горсть монет, пересчитал и протянул парню

— Тут только рупия,— хрипло пробормотал он.—

У меня сейчас нет больше. Передай маме, я зайду к ней через несколько дней и принесу еще денег.

— Скажи спасибо, если после всего этого она пустит тебя на порог!— ответил Архангел.— От себя добавлю — смотри, не запамятуй. Сам не придешь, так я не ленивый — приду сюда и вломлю тебе так, что ползком к дому матери поползешь!

С этими словами Архангел круто повернулся на каблуках и быстро зашагал в сторону автобусной остановки. И тут Режис разошелся. Он размахивал руками перед моим носом и орал, что не позволит всяким там соплякам лезть в его дела и учить его уму-разуму. Он долго еще разглагольствовал, а я со страхом почувствовала, что недавняя жалость к нему у меня проходит. На смену ей приходит чувство презрения и гадливость, которые я испытывала, когда выгнала его из дома. Мне опять стало наплевать, будет он жив, или умрет, или будет валяться пьяный в какой-нибудь канаве. Лишь бы оставил меня и детей в покое. Хотелось не видеть его, не слышать его скандалов, забыть, что мой муж пьяница и трус.

Режис, накричавшись вдоволь, пошел заправиться новой порцией вина, а у меня не шла из головы бедная мадам Альфонс, брошенная сыном на произвол судьбы. Говорят, плод от дерева недалеко падает; может, и верно это, но не по отношению к мадам Альфонс. Ничем она не заслужила такого обращения с собой. Она была сама доброта.

Раньше, когда мы жили в Каскаде, я часто навещала ее. Хорошая старушка одна вырастила сына — отец Режиса рано умер. Как она радовалась, когда я приходила. Я обычно приносила ей что-нибудь вкусное и немного денег. Еду она брала и тут же ставила на стол, а от денег отказывалась наотрез. Уверяла, что накопила немного, и этого ей хватит на всю оставшуюся жизнь. Теперь-то я понимаю, что мадам Альфонс об-

манывала меня, не хотела отнимать последнее у внуков. Но Режис-то должен был знать! Хотя, чего там говорить! Не мог даже раз в месяц зайти поговорить со старухой. Она жила в одиночестве. Когда я к ней приходила, она начинала тараторить — быстро-быстро, будто боялась, что я ее прерву. И бывало, мне надо уже отправляться восвояси, а я все сижу и слушаю, как она рассказывает. Жалко было ее прерывать. В ней мысли копились, как в бомбе, и она точно взрывалась, когда находился человек, готовый ее слушать. Ну, я, понятно, досиживала до той поры, пока она сама не умолкнет. Конечно, жаль было времени, и дети меня ждали, но вообще-то слушать ее нетрудно было. Я чаще всего о своем думала и лишь изредка кивала головой. Мадам Альфонс и не надо было, чтобы я отвечала. Ей главное было самой все рассказать. И когда она, наконец, умолкала, — это означало, что голова ее освободилась для новых мыслей. И она прямо светила изнутри, провожая меня. Как ни легко было ей доставить удовольствие, но Режис и того не делал. Даже на рождество, против обычаев, не приносил ей жареную курицу.

Незаметно мои мысли перескочили на собственных детей. Неужели и они, когда вырастут, станут относиться ко мне так же? Конечно, четверо моих сыновей еще слишком юны, чтобы внушать какие-либо опасения. Пока лучших детей мне и пожелать трудно. У них нелегкое детство, но это не ожесточило их, и они помогают мне, кто чем может. Но вдруг, когда они вырастут, все изменится, и я, как мадам Альфонс, буду хватать за рукав первого встречного, чтобы излить на него воспоминания о молодости, о том, как растила детей и как они наплевали на меня?

И тут я вспомнила о вчерашнем поступке моей младшей дочери Ниты, и тепло разлилось в моей душе. Она вчера подошла ко мне и протянула печенье:

— Мама! Это очень вкусно! Съешь, пожалуйста!

Это меня так растрогало. Я дала всем ребятам по печеню, а себе не оставила. А эта кроха решила позаботиться обо мне. И теперь меня занимало: почему в одних доброта остается на всю жизнь, а другие, вырастая, становятся злыми и равнодушными. А может, мы сами все-таки виноваты? Много ли я обращаю внимания на детей? Мне все некогда, и чаще всего, если они заговаривают со мной, я отмахиваюсь нетерпеливо или слушаю в пол-уха, как слушала бедную мадам Альфонс.

А они — маленькие человечки. И ко всему относятся всерьез. Если им вовремя не объяснить то, что их интересует, они, чего доброго, сами себе объяснят, а мы потом будем удивляться, отчего это в них жестокость? И я дала себе слово почаще слушать, что говорят мои дети. Поправлять их, если что не так, расспрашивать. И постараюсь, даже когда рассержусь или устану, не кричать на них. А то мы все кричим, а когда спохватываемся и начинаем прислушиваться к ним, оказывается, они выросли и слушать уже никому — они с нами и разговаривать не хотят.

Когда я во всем этом разобралась, мне как-то стало спокойнее. Всего страшнее, когда я не знаю, что делать. И, может, этот парень, который чуть Режиса не побил, для меня добрым ангелом обернулся. Ведь если бы не он, мне бы и в голову не пришло воображать, какими вырастут мои ребята.

Глава VII

Перемены наступали исподволь и, наверное, ощущались такими, как я, больше, чем богатыми. Бедняку любая мелочь заметна, у него все на счету: и деньги, и еда, и даже мысли. Вот я и стала замечать, что люди вокруг меня рассуждают, против обыкнове-

ния, не только о хлебе насущном. Что-то происходило с людьми, и домохозяйками, которые раньше не пускались дальше разговоров о ценах на продукты или семейных делах, вдруг стали говорить о совсем ином. Если бы я сама не слышала, никогда бы не поверила, что сейшельские простолюдины могут запросто рассуждать о политических делах. А они рассуждали и спорили, и я, прислушиваясь, поняла, что правительственный переворот был неизбежен. Когда машина застопоривается, надо заменить износившиеся детали. Но иногда мотор изнашивается так сильно, что никакой ремонт не поможет. Тогда его выкидывают на свалку. Вот так мы и поступили, когда наши благодетели англичане зашли в тупик. Это здорово, что мы теперь заживем без нянек и наставников.

Моя бабушка, та самая, в саду которой мы встречались с Режисом, еще в детстве напрочь отучила меня врать. Однажды я убежала в город, а ей солгала, что была все время дома. Бабушка высекла меня до того здорово, что у меня по сей день при одном лишь воспоминании заднее место ноет. И все-таки бабка была молодец! Она мне на всю жизнь отшибла вкус к вранью. Так что, расскажу всю правду.

Прежде в стране рынки были единственным местом, где люди покупали, продавали, обменивались. В базарные дни народ стекался отовсюду, — из деревни, из города. Богатые и бедные, белые и креолы, все толклись бок о бок. Но вели они себя по-разному. Белые и креолы-богачи приценивались и покупали все, что им требовалось. А креолы, подобные нам, редко что брали. У одних просто гроша за душой не было. Другие приходили с деньгами, но тратить их боялись из присущей беднякам бережливости. К тому же, когда деньги тратила женщина — это значило, что она прирабатывает. Свои заработки муж тратил сам.

Хозяева не очень-то щедро платили нашим мужьям

и за рыбу, выловленную в море, и за другую работу. Среди нас, жен, мало кто не подрабатывал. Но показать, что нуждается, никто не хотел, и на рынок ходили поглядеть на людей да показать свою сытость. Чего это стоило — по себе знаю. Иногда ходишь вдоль рыночных рядов, и слюнки текут, потому что дома — хоть шаром покати. А все равно уйдешь ни с чем, — совестно. Я об этом рассказываю, чтобы стало понятно: нужда ведь она не только тяжела, она еще делает людей глупыми и смешными. Работаешь, работаешь, а все попусту. Даже маленьких радостей себе часто не позволяешь. Предрассудки мешают. Совестно. А работали мы, как заведенные. И днем работали, и ночью. И в холод, и в зной. И под проливным дождем и в пыли. Креолы моего поколения! На счету каждого из вас — кипы сахарного тростника, о которых вам напомним не только большая голова, но и спина. Миля, пройденные на весельных пирогах, которые оставили несходящие мозоли на руках. Ваши руки и спина хорошо помнят и другое: мешки с птичьим пометом, которые вы доставляли на поля; копру, которую вы молили вручную на гигантских мельницах; корзины сушеных кокосов и корицы, это еще далеко не все. Не стоит забывать и о рисовых полях, где приходилось работать, стоя по колено в воде, а иногда, словно для равновесия, вода поливала и сверху — шли дожди. Не сладко было и в кокосовых ангарах, — там вас крыша защищала от дождя, но в воздухе летала такая пыль, что дышать печем.

У женщин, которым такой труд казался тяжелым или непосильным, был выбор, и некоторые из них шли в содержанки или экономки к богачам. Как это ни называлось — суть была одна. Этим женщинам приходилось осваивать профессию проститутки и после трудиться на сей славной ниве, не получая перерыва на сон или бюллетеня по болезни. Иногда эти несчастные

женщины беременели, и их отправляли в деревню, где они тайно рожали. Когда дети вырастали, они, по большей части, не испытывали к матерям ничего, кроме презрения.

Эти женщины, продававшие свое тело, эти матери, растившие внебрачных детей, быстро ломались. Я видела, что с ними делалось в старости. В свои родные поселки или деревни они приходили из столицы с полным набором болезней и полным отсутствием денег. Они униженно выпрашивали подавание. Хорошо еще, что их брали в приют, где они и отдавали богу душу. Доверчивые простушки из нищих семей! Вам, верно, казалось, что бедняк-креол может избежать непосильного труда. Вы получили сполна за свои иллюзии, и когда я думаю о вас, сердце мое обливается кровью.

Теперь это все в прошлом, и хотя бы оттого, что не будет больше этой непосильной работы за гроши, этих наполненных пылью легких, изуродованных рук и искалеченных судеб, радость переполняет меня. Я и такие, как я, вдоволь извели горя. Я не уповаю на то, что отныне всем нам будет легко и вольготно. Но я вижу, что мои друзья, и мои сверстники, и те, кто младше меня,— учатся ходить с гордо поднятой головой. Им по-прежнему приходится зарабатывать себе на жизнь тяжелой работой, и по-прежнему жизнь их мало напоминает ту, что ведут в нашей стране богатые. Но мы знаем: теперь от нас что-то зависит, и едва ли не главное, что принес всем нам июньский переворот.

Поражает смелость, с которой новые власти решают проблемы социального обеспечения. Мы привыкли, что любой малости надо добиваться годами, порой ценой жизни. Какой борьбы стоило добиться от старого правительства пособий по старости. Требовали, бастовали, и те пошли, наконец, на смехотворные уступки. Положили старикам пенсион десять рупий в месяц. Да

на это и неделю не прокормишься, если дети не помогут. Правда, те, что побогаче, могли получить до пятидесяти, но ведь те отложить могли что-то на старость. Теперь каждый получает поровну, как только придет возраст.

Даже Режиса, кажется, проняло, когда он узнал, что ему тоже положили пенсию.

— Но ведь мне нет шестидесяти пяти. Мне и сорока-то еще не стукнуло,— объяснил он местным властям,— тут какая-то ошибка.

Его успокоили. Никакой ошибки. Такую же пенсию выдали нашему соседу Марселю. Он упал с хлебного дерева и отбил почки. Тяжелой работой он больше заниматься не мог, и ему дали пособие. А Режису дали, потому что он еще не оправился после операции. «Когда вы достаточно окрепнете, чтобы выйти на работу, мы прекратим выплачивать вам пособие,— объяснили Режису в мэрии.— А пока лечитесь и поправляйтесь».

С тех пор, как мой муж так подло обошелся с посланцем мадам Альфонс, мне смотреть на него было противно, и я старалась не находиться дома в те редкие часы, когда он там появлялся. Он не жаловался — похоже, такое положение его вполне устраивало. Я не спрашивала с него ни в чем отчета, и он мог проводить дни с кем угодно и как угодно. Тинтин тоже перестал обращать на него внимание, по его мнению, если провидение не вмешается, Режиса ничто не спасет, ибо он напоминает небезызвестное животное, которое не заставишь сдвинуться с места, когда оно упрется. Я же и вовсе только ждала предлога, чтобы предложить ему жить отдельно от нас. Мои старшие дети были уже большие, и я боялась, как бы, глядя на отца, они не последовали его примеру.

Мешала мне какая-то глупая жалость. Я презирала его, не верила ему, и все же мне было жалко отталкивать его от себя. И я ждала. А он, хоть и продолжал пить, вел

себя на редкость прилично. Не дрался, да и не вымогал ничего. А один раз даже пришел и протянул двадцать рупий. Я, правда, отказалась: не нужны мне его пьяные деньги. Но я заметила, что он уже не тот. Видно, сколько он ни храбрился и ни разглагольствовал, что было бы впоп, а остальное ему нипочем, все же было не совсем так. Чем явственнее вторгалась в Катр-Борн новая жизнь, тем более подавленно чувствовал себя Режис. До чего же жалок взрослый мужик, когда он поорет, помашет кулаками в свое удовольствие, а потом ходит, как нашкодивший мальчишка, который понимает, что набедокурил. Одна беда — в его возрасте прощения просить трудно. Люди по делам друг друга судят, а не по словам, и, если кто провинился, на слово не верят. А тут еще такие дела творятся, и, видимо, приятелей по кабаку становится у моего мужа все меньше и меньше. Да и слух прошел, что Тинтин не очень-то жалуется мужа сестры...

Известие о пенсии его и вовсе подкосило. Я стала замечать, что он раньше возвращается домой. Старалась не обращать на него внимания, но он явно искал встречи со мной: специально останавливался там, где я должна была пройти, и я несколько раз вздрагивала от испуга, когда неожиданно натыкалась на него то в темном коридоре, то на крыльце. Не очень, скажу я вам, приятно, когда кто-то так выныривает перед тобой, будь это и твой собственный муж.

Так он ходил за мной, а я нарочно решила не заговаривать с ним первая. Я уже наговорила, пока он был в больнице, и мне не хотелось растревать себя напрасными надеждами, так как внутренне смирилась с мыслью, что не выйдет у меня с ним нормальной жизни, и наступил период, когда я мыслила себя в отдельности от него, и планы строила для себя одной и для детей. И в планах этих Режису не было места. Наконец он не выдержал и, войдя в комнату, когда я там

убирала, встал передо мной и глухим, тихим голосом сказал:

— Сильвия! Я возьму себя в руки.

Я махнула рукой и хотела уйти,— много раз слышала я от него все эти заверения и обещания,— но он удержал меня.

— Да выслушай ты меня, по крайней мере! — взмолился он.

В голосе его звучала неподдельная тоска, и я уступила. Оставалось немного времени до прихода детей из школы, и я подумала, что от меня не убудет, если я послушаю немного его заверений и клятв, которые он завтра же утречком нарушит в ближайшей пивной. Но первые же слова, которые он произнес, заставили меня внимательно его выслушать до конца. Потому что он говорил совсем по-иному, чем всегда, и это мало напоминало его обычную болтовню. Я видела, что говорить ему нелегко не только потому, что он не привык выступать в роли виноватого, но и потому, что у него не хватало слов. Он их подыскивал. Он не привык рассуждать о таких материях, и мысль опережала язык, из-за чего он мекал и кряхтел, будто втягивал в лодку тяжелую рыбину.

— Ты понимаешь,— говорил он.— Я всегда смотрел на этих, и мне тошно делалось. Богатенькие, чистенькие учат тебя в воскресной школе. Того не делай, этого не бери, не кури, молись, стакана не пригубляй. А я на них, богатеньких, плевать хотел. Мне, как бы это объяснить, даже когда сам себе становился противен, когда слишком уж перебрал, все равно было приятно, когда все эти чистенькие от меня шарахались. Я до сих пор, как вспомню о них, так дрожь пробирает.— Он сжал кулаки.— Им бы с наше пожить и хватить, они бы еще не такими стали. А то... Учить меня вздумали... И вы туда же — не пей, плохо, помрешь... А мне...— Он не договорил и махнул рукой.

— А вот когда мне сказали...— Он кашлянул.— Я понял: такие же креолы, как я, за меня платили, потому что я больной. А я кутил на их деньги. А у них, может, и у самих не густо. Они от себя отрывали. И мне так скверно стало... А вчера... Шел по улице и слышу: «Вот такие за стакан арака нас снова англичанам продадут». Я обернулся. Они смотрели на меня, больше на улице никого не было. Я им хотел сказать, что я не такой. А потом решил — они не поверят...

— А разве не ты поносил новую власть, когда лавки со спиртным закрыли?— не выдержала я.

Он опустил голову и стал похож на шкодливого мальчишку.

— Я же не знал,— ответил он. — Я думал это опять ерунда какая-то. Те ведь тоже к трезвости призывали... И плевать на нас им было... Хочешь, верь, хочешь— нет, я постараюсь завязать. Все сейчас при деле. И друзья мои кто куда разбрелись.

Вот оно, значит, в чем дело. В трезвую минуту ему стало стыдно, что он пьет за счет таких же бедняков, как он. А дружков, которые его утешали араком, и след простыл.

— Делай, как знаешь,— сказала я и вышла из комнаты.

Оставалось совсем немного времени до прихода детей, и я ушла на кухню, чтобы приготовить им поесть. Когда я вернулась в комнату, Режиса там уже не было.

Глава VIII

События, которые произошли в стране, так захватили всех, что я и не заметила, как прошел год. Первый год нашей жизни в Катр-Борне и первый год независимости нашей страны. Я не ханжа и не буду утверждать, что жить мне стало лучше только потому,

что в стране сменилось правительство. У правительства дел хватает, и правильно по радио говорят,— то, как мы будем жить, и сколько у нас всего будет, это и от нас тоже зависит.

Конечно, мы все вздохнули свободно. Но лично мне многое облегчил мой собственный брат, и я не собираюсь умалять его заслуг, пусть для красного словца и подмывает сказать, что всем я обязана новым властям. Как говорится в писании — «Богу — богово, а кесарю — кесарево». Ведь, как ни старайся правительство, сразу ничего не делается, и бедняк богачом не станет за здорово живешь. Если бы не Тинтин, я бы не чувствовала себя так вольготно.

В первые дни Нового года он привел в дом двоих иностранцев — мужчину и женщину. Не успели они войти, как быстро залопотали на незнакомом языке, достали фотоаппараты и начали снимать. От вспышек и шелкания у меня голова пошла кругом. Я было раскрыла рот, чтобы спросить брата, откуда такое нашествие, но Тинтин предупредил меня строгим взглядом и поднес палец ко рту. И я поняла, что брат что-то задумал важное, и, конечно, промолчала.

Потом пришельцы объяснили мне, что собирают образцы маэ. Ну, подумала я, видно людям делать нечего. Когда я была маленькая, моя бабушка научила меня плести маэ. Другие девочки тоже умели плести эти корзинки из пальмовых листьев. Креолы ими пользовались, как сумками, и лишь в последнее время в некоторых семьях стали пользоваться пластиковыми пакетами и другой покупной тарой. Мне нравилось плести корзины, и я занимаюсь этим и по сей день — это успокаивает меня, да и не привыкла я к сеткам и пакетам. Но я даже и думать не думала, что маэ можно собирать или, как эти двос, ехать за тридевять земель за особыми образцами маэ. Уж не смеются ли они над нами?

Между тем, они явно не насмеялись ни надо мной, ни над братом. Огняв корзины, которые находились в моей комнате, они, видимо, остались вполне довольны. Потом спросили, нет ли у меня еще чего-нибудь в том же роде. Я сначала не поняла, а потом сообразила, что, может, их заинтересует циновка, которую я сплела из пальмовой коры.

Заинтересует — не то слово. Когда они увидели циновку, они просто взвыли от восторга. Словно нашли клад или подобрали на дороге кошелек, полный денег. Их «Кодаки» опять заработали со страшной силой. Сперва сняли циновку, потом меня, причем попросили, чтобы устроилась я так, как сижу, когда плету. Не знаю, зачем это было нужно, но если им этого хотелось, и Тинтину тоже — мне не жалко.

Я разложила свои нехитрые приспособления и усеялась на табурет. Они сделали несколько снимков, поблагодарили и ушли. Только тогда я дала себе волю и расхохоталась. Тинтин проводил иностранцев до калитки, где они долго трясли ему руку и, судя по всему, о чем-то с ним договаривались. Когда Тинтин вернулся, я сказала ему со смехом:

— Видал ненормальных!

Но он не разделил моего веселья, а сказал довольным тоном:

— Неизвестно, кто тут ненормальный. Одни ахают над сейшельской корзинкой, другие зарывают талант в землю!

— Уж не меня ли ты имеешь в виду? — спросила я и засмеялась еще пуще.

— Потом узнаешь, кого я имел в виду, — ответил он и с таинственным выражением лица вышел из комнаты.

На следующее утро, когда я проснулась, Тинтина дома не было. Однако не успела я еще сварить кофе к завтраку, он уже пришел.

— Я ездил в одно хорошее местечко неподалеку, и посмотри, что я тебе привез!— воскликнул он.

Мы вышли во двор, и я увидела, что шофер грузовика вываливает из кузова плоды «бычьего сердца»— такое есть у нас дерево — и кипу пальмовой коры. Брат, довольный потирая руки, сказал мне:

— Вчера, сестра, пока ты хихикала и веселилась, я понял: твои руки — истинное богатство.

— Перестань болтать, Тинтин.

— В отличие от тебя, я не привык болтать, сестра. Зато я давно научился смотреть вокруг широко раскрытыми глазами, и, знаешь, иногда это приносит пользу.

— И что же ты узрел на этот раз, Тинтин?— я все еще смеялась, хотя видела, что брат начинает на меня дуться.

— Смейся, смейся,— обиженно ответил он.— А я тебе говорю, что ты можешь прославиться своим рукоделием.

— Серьезно? — удивилась я. — Что-то я не припомню, чтобы кто-нибудь из моих знакомых разбогател на этих корзинках и циновках. Да им грош цена и в праздничные дни.

— Дура ты, дура,— голос Тинтина звучал укоряюще,— так разговаривают с малым ребенком, когда хотят втолковать ему всем известные истины.— Неужели ты не понимаешь, что теперь нельзя мерить все старыми мерками?

— Как так?

— А вот так: стоило Сейшельским островам стать независимыми, как все вдруг обратили внимание на национальные промыслы. Те из нас, кто пообразованнее, вдруг заметили, что некоторые корзинки и циновки, об которые раньше ноги вытирали, настоящие произведения искусства. Об этом я прочитал в газете. И задумался.

мился. Посмотрел на твои корзинки и циновки и понял, что ты настоящая художница.

Мой брат любил шутить, и я не была уверена, что сейчас он говорит всерьез. Поэтому я на всякий случай пренебрежительно махнула рукой.

— Ты слушай дальше, — продолжал Тинтин. — Я, конечно, не судья, да и пристрастен: что греха таить, с детства я старался заботиться о тебе. Ведь я был старший в семье, а ты всегда была такой доверчивой, вечно тебя кто-нибудь обижал. Вот я и решил проверить, прав я или нет насчет твоих циновок и корзин. Потому и привел вчерашних туристов. Остальное ты видела сама. И, поверь, это был не розыгрыш. Они умоляли меня продать хоть часть твоих работ, и называли суммы, которые тебе и во сне не снились...

Тинтин замолчал, да и мне тоже нечего было сказать, настолько я была потрясена услышанным. Однако, продав несколько корзин, я волей-неволей поверила, что все это не ошибка. А покупатели прибывали. Мне объяснили, что плетеные изделия — наше национальное искусство, а я — одна из тех, кто сохранил национальные традиции. Новые власти стремятся развить в нас национальную гордость, и гордость эта должна опираться на национальное искусство. И на таких, как я, это искусство держится. Вот какой поворот! Я до сих пор в себя прийти не могу, и, когда хожу в церковь, поминаю добром свою бабушку, в саду которой мы когда-то уединялись с Режисом. Это она научила меня плести корзинки. Ох, как я сопротивлялась! Кому в юном возрасте охота заниматься рукоделием. В крайнем случае я предпочла бы вышивание, и если бы бабка не давала мне подзатыльники, а покойная мамаша не настаивала, я так бы и не научилась всем этим премудростям с пальмовой корой и листьями. А теперь я начала учить этому делу своих детей, и они уже помогают мне выполнять заказы. Работая, я словно ная-

ву слышу голос покойной матери, которая, когда я не хотела плести, яростно топала ногами и кричала:

— Глупая девчонка! Сядь и работай! Сейчас ты корчишь из себя госпожу и дуешься на меня! Ничего, потом скажешь мне спасибо! Потому что господ выгонят, а красота останется!

Милая моя, мудрая мамочка! Ты была права! Спасибо тебе! Ведь заказы, это еще не все. Вскоре наступил самый главный день в моей жизни. Ко мне пришли из школы и предложили стать... учительницей. Это мне-то, которая ничего не кончала, кроме начальной школы. Я смутилась и хотела было отказаться, но Тинтин не позволил.

— Ты и так,— сказал он,— наделала достаточно глупостей. Я хочу хоть раз в жизни похвалить тебя, а заодно и сам порадоваться, что моя сестра поумнела.

Словом, я согласилась, и теперь у меня вообще нет ни минуты свободной. Утром я суечусь по хозяйству,— ведь я одна женщина в доме, если не считать моих девочек, а после полудня спускаюсь в город, где находится школа.

Мне нравится такая жизнь. Правда, стали беспокоить головные боли. Я ходила к доктору, и он сказал, что это — от переутомления. Но я все равно не хочу оставлять школу. Мне нравится учить детей. Сначала я робела, мне даже смешно было: я — Сильвия,— и учу. А потом, когда я увидела, что школьникам со мной интересно, и у них начинает получаться узор после моих объяснений, я поверила в свои силы. И пускай голова болит, я потерплю, я еще не то на своем веку вытерпела, и за это терпение никакой радости не получила. Так мне ли теперь сдаваться? Ну, а если голова так разболится, что совсем невмоготу, я иду к директору и отпрашиваюсь домой. И видели бы вы, как расстраиваются мои ученики. А ведь их хлебом не корми, дай только с какого-нибудь урока смыться на улицу.

С какого-нибудь, но не с моего. Мои уроки они любят. Покоже, я начинаю зазнаваться, но что делать, мне действительно все это очень приятно, и постную скромницу я из себя строить не собираюсь. Я уже говорила: меня бабушка раз высекла за вранье, и с тех пор я всякую лож ненавижу.

Сам директор часто заходил на мои уроки. Посидит, посмотрит на меня, будто что-то сказать хочет, потом уходит. Ходил, ходил, а потом прислал за мной своего секретаря на дом. Я, признаться, разволновалась, решила, что он чем-то недоволен. Но он вежливо усадил меня в кресло в своем кабинете и сразу сказал:

— Мадам Режи́с, мы счастливы, что вы работаете в нашей школе.

— Мне это приятно слышать, мсье, — ответила я. — Я делаю, что могу.

— И это вполне достаточно, — улыбнулся директор.

— Спасибо на добром слове. Я рада быть полезной.

— Кроме того я хотел вам сказать, что нашей школе удалось скопить немного денежных фондов... — он замялся. — Но это, собственно, не совсем то, о чем я вам хотел сказать.

Вот чудак, право. Я сказала, что слушаю его внимательно. Тогда он приступил к делу смелее:

— Мадам Режи́с, ваши дети учатся в школе?

Я кивнула:

— Двое старших учатся, а младшие пойдут на будущий год одновременно.

— Это как же так?

— Они у меня близнецы.

— Вот это здорово, — засмеялся директор. — Но я все-таки хотел о другом вас спросить. Я вижу, вы очень устаете. Наверное, много работы по дому? Только не обижайтесь на меня, если я вмешиваюсь не в свое дело, — поспешил добавить он.

— Да чего тут обижаться. У меня хлопот полон рот.

— А почему двое ваших ребят никогда не возвращаются в школу после большой перемены?

— Сказать откровенно, у меня просто рук не хватит кормить детей по две смены в день. Малышам-то есть хочется рано. Я понимаю, что это дурно, но старшие вынуждены пропускать.

— Прекрасно!— воскликнул директор. Хотя я и не поняла, что во всем этом может быть прекрасного.

Но он снова повторил:

— Прекрасно! Значит, я не ошибся, когда решил вас вызвать. Теперь я знаю, на что потратить школьные фонды. Ваши дети будут получать бесплатные обеды, и вы сможете перед уроками хоть немного отдохнуть.

— Спасибо, мсье!

— Нечего меня благодарить, — ответил он. — Я вам не подарки дарю. Я забочусь о школе. Нам нужен такой педагог, как вы, а если вас не освободить от домашнего труда, вы быстро сломаетесь, а дети ваши начнут отставать по тем предметам, которые по расписанию следуют после большой перемены.

Но я все еще долго благодарила его. И потом, уже дома, никак не могла прийти в себя от такой щедрости. Меня, Сильвию, на мякине не проведешь: я знаю цену добру и злу, в какую бы личину оно ни спряталось.

Глава IX

Я шла домой, и у меня было такое чувство, будто огромный груз свалился с моих плеч. Дома я никого не застала, а одна не могла усидеть. Мне необходимо было поделиться своей новостью, и я отправилась на ту часть фермы, где жил Тинтин.

Я нашла его во дворе за работой. Он держал довольно свирепую сторожевую собаку, и я крикнула через загородку, чтобы он убрал ее.

— Заходи, заходи, сестра!— отозвался Тинтин.— Собака привязана.

— Давненько ты не навещала меня,— сказал он, когда я уже вошла в калитку.

— Ты тоже уже два дня не заходил к нам, — ответила я.

— Ты понимаешь,— он потер лоб.— У меня последнее время такие сильные головные боли, что я не знаю, куда от себя деваться. Каждое движение причиняет мне муки.

Он говорил и все держался рукой за голову, и лицо у него сморщилось от боли. Бывают люди, которые хнычут от любой царапины или от укуса москита. Но если уж мой жизнерадостный и никогда не унывающий брат впадает в такое состояние — это для меня как сигнал тревоги. Вот почему, глядя на Тинтина, я испугалась не на шутку. У него и раньше бывали иногда такие приступы. Однажды он пошел к врачу, и тот сказал, что у него подскакивает давление. Врач велел Тинтину быть осторожным и не перегружать себя работой. Но надо знать моего брата. Он трудится от зари и до того момента, когда темнота спускается на землю.

— Слушай, — сказала я ему.— Ты допрыгаешься со своим легкомыслием. Ведь это наверняка опять твое давление.

Наверно, Тинтин, заметил, как я испугалась, потому что он, словно спохватившись, отдернул руку от головы и громко захохотал.

— Шуток не понимаешь, Сильвия! Я просто решил проверить, готова ли ты отправить меня на тот свет? Ну, а так как я вижу, что сама мысль о моей смерти тебе тягостна, то, пожалуй, еще поживу лет этак двадцать-тридцать.

Ну, что поделаешь с таким человеком! Ради других готов из кожи вон вылезти, а о себе позаботиться его

не принудишь. Теперь его не свернуть на серьезный разговор о здоровье. Он уже взял себя в руки, пересилил боль смехом и ни за что не признается, что ему плохо. Но я-то вижу, что ему не по себе. Вижу — и пока ничего не могу сделать. Ведь пугать его тоже не хочу, и в результате начинаю, как дурочка, хихикать вместе с ним.

Потом он начал расспрашивать меня о новостях и вовсе увел нас от разговора о своем здоровье. Я шла к нему со своей новостью, и когда он мне напомнил об этом, уже не могла говорить ни о чем другом. А Тинтин, когда узнал, что школа решила истратить на моих детей общественные деньги, стал очень серьезным.

— Тебе оказали очень большую честь, сестра,— сказал он.— Поверь, у школы сейчас больше нужд, чем прежде, и им было куда девать денежный резерв, который, по словам директора, они сэкономили. Они сделали это, потому что хотят, чтобы ты нормально работала. Ты им нужна, и этим можно гордиться. Но ты объясни своим детям, что теперь они должны стараться больше прежнего. Сейчас вообще без образования никуда не денешься. А уж когда школа берет на себя все заботы, тут и подавно халтурить нельзя.

— Ну, конечно, я им все объясню, Тинтин! — заверила я.

— Ты пойми, дуреха,— улыбнулся брат.— Я же не деньгам радуюсь. Уж как-нибудь я бы постарался и заплатил бы школе за эти дополнительные обеды. Мне приятно другое: я дожил до того дня, когда ты добилась признания. Я всегда знал, что ты у нас самая способная. И очень переживал, что тебе приходилось выносить столько унижений. Ты ведь гордая. Ты не обращалась ко мне, когда тебе и детям было не на что жить, шла в кухарки или в поденщицы к богатым людям.

У него слезы навернулись на глаза, и я впервые поняла, как тяжело, оказывается, он переживал все мои невзгоды.

— Ну, ну, что ты, Тинтин,— начала я его успокаивать.— Ведь это уже позади. Теперь все по-другому.

— Вот я и радуюсь,— улыбнулся он.— А теперь иди расскажи новость детям. Они, верно, уже вернулись из школы и ждут тебя.

Пока мы разговаривали, прошел сильный дождь, и тропинка, которая вела сквозь плантации туда, где жила я с семейством, стала скользкой. Чтобы не упасть, я пробиралась по ней медленно, и пришла домой, когда уже все давно собрались там. Дети, узнав новость, конечно, обрадовались: им было неловко, что они удирают с уроков раньше времени, да и отставать они уже из-за этого начали. Но больше всего меня удивило другое: с кухни доносились вкусные запахи. Было ясно: кто-то без меня приготовил обед.

— А ну, признавайтесь, кто из вас освоил кулинарную науку?— спросила я.— С такими детьми матери действительно не пропасть.

— Но это не мы,— ответила Тереза.

— Перестаньте меня разыгрывать. У меня и без того голова кругом идет.

— Но это правда не мы,— снова повторила Тереза.— Это папа. Можешь сама пойти на кухню и взглянуть.

У меня не было сил идти на кухню, настолько я была поражена. Я уже давно не обольщалась насчет Режиса. Последнее время я старалась не замечать его присутствие в доме. Правда, после того разговора со мной, он, вроде, стал часто приходить домой вовремя, но я решила не тешить себя напрасными надеждами на этот счет, и воспринимала его как постояльца. И с тех пор, как я стала преподавать в школе, у меня просто не было сил обращать на него внимание.

Мне хватало собственных мигреней, чтобы осложнять свою жизнь лишними пререкааниями с ним. И я делала вид, что его жизнь меня просто не интересует. И ведь что удивительно, начала отвыкать от него.

Мне не пришлось идти на кухню. Режис сам окликнул меня:

— Сильвия! Не трудись спускаться. Иди себе на веранду, я все доделаю сам.

Я уж и забыла почти, что мой муж отлично готовил. До того, как мы поженились, он работал поваром у господ, живших на побережье Бо Валлон. Он вообще у меня мастер на все руки. И столяр отличный, и каменщик из тех, что на стройке на вес золота. Режис никогда не делал кладку просто так: он чувствовал архитектуру и понимал значение каждого кирпича. И вот как он низко пал. Словно батат, который обвила на погибель лиана Алида.

Я все-таки спустилась на кухню. Я была благодарна ему за помощь, но и сама хотела заняться кое-какими делами. И пока мы работали там, мы наконец поговорили. Он был так трогателен в переднике, что я поневоле вспомнила опять наши лучшие времена, и мне не захотелось читать ему мораль. Мы просто начали говорить так, будто ничего плохого между нами не было, а как это бывало в молодости, собрались в доме после рабочего дня и делимся друг с другом новостями.

Я рассказала ему, что произошло в школе, и он прямо рот открыл от удивления. И стоял посреди кухни, не в силах ничего вымолвить. Только когда я ему напомнила, что рыбу, наверное, пора перевернуть, иначе пригорит, он сказал:

— Вот это да! — и пошел к плите.

Когда обед был готов и дети вместе с нами начали уплетать рыбу, а потом — третий кокос, я поняла, что давно уже в доме не было такой атмосферы. Как

и ни крепилась и как дети ни пытались (добрые они у меня все-таки) скрасить мое одиночество, все равно нам не хватало главы семьи. И вот теперь, когда он сидел вместе с нами за столом и как ни в чем не бывало то подтрунивал над детьми, то что-нибудь говорил мне, то кидал куски псу — вот тут мы все почувствовали себя счастливыми. И я, хоть и была уже не той Сильвией, что прежде, простодохнуть боялась на это свалившееся вдруг семейное благополучие. И даже думать боялась, сколько все это продлится. Просто мне было хорошо, и я, в кои-то веки, наслаждалась покоем.

После ужина мы, по обыкновению, помыли посуду и Режиc помог мне запереть кухню. Потом все отправились мыться. На матрасы надо ложиться чистыми, иначе скалапендра учует запах тела и нападет ночью. И тогда уже спать придется вечно. Мы помылись, потом все вместе собрались во дворе и послушали по радио последние известия. В стране все было спокойно. Когда кончилась музыкальная программа, дети начали расстилать свои матрасы. Пора было и нам с Режисом гасить свет в доме и ложиться спать, — вставать-то завтра ни свет ни заря. Но Режиc попросил меня еще немного посидеть с ним на веранде. Я очень устала и хотела спать, но то, что он решил поговорить со мной, заставляло меня надеяться на лучшее, и я согласилась. Если не считать того случая, когда я была так зла на него, что и слушать не хотела, это было впервые. Впервые мы разговаривали с ним так, как подобает мужу и жене, и он сам начал судить себя. Он так искренне судил себя и ту жизнь, которую вел последние годы, что ясно было, насколько ему хочется повернуть все вспять. Он рассказывал, как потерял контроль над собой и как отвернулись от него прежние друзья, как он почувствовал себя совсем одиноким. Сначала это вызвало в нем злобу и обиду на всех,

потом, постепенно, он понял, что виноват во всем сам. Мне тоже было, что рассказать ему об этом времени. Но я не стала беречь раны. К чему слова и попреки, когда он все осознал сам. И я сказала:

— Режис, я не сержусь на тебя. Что было, то прошло. Теперь надо смотреть не в прошлое, а в будущее и попытаться построить нашу жизнь иначе.

— Наверное, ты права, Сильвия. Но я не могу забыть, каким негодяем был я по отношению к тебе и к детям. Мне больно думать об этом. Но боль не дает мне забыться и опять скатиться на прежний путь.

— Ну если так, тем лучше для нас всех. Я бы на твоём месте все-таки лучше задумалась о будущем.

— Я сам это понимаю, Сильвия. Ведь у нас есть дети, и они растут. Как с ними быть дальше?

— Иногда ночи напролет не сплю, думаю о них. Я долго колебалась, потом решила: дети останутся здесь, в этом кантоне.

— Видно, школа тут хорошая. Ты не хотела меня видеть последнее время, а за детьми я наблюдал достаточно. Они по вечерам учат уроки и так ловко уже стали писать в тетрадках. Я и не мечтал, что мои дети будут учиться...

— Они у нас способные, Режис. Директор школы вчера говорил со мной и упомянул о Терезе. Он убедил меня, что на будущий год ей надо учиться в городе.

— Ну, вот еще,— вскинулся Режис.— Что она за была в городе? И кто будет оплачивать ей квартиру и стол? Я не потяну.

— Ты вообще...— я осеклась. У меня чуть не вырвался упрек, мол, ты, Режис, давно никого из нас не тянешь. Но я сдержалась. Это было бы нехорошо. Зачем обижать его, когда он и так все понял. И я добавила:

— Ты можешь не волноваться. Директор все устроит. Обучение в городе ей будут оплачивать из школьных фондов.

— Но у меня есть другие поводы для беспокойства. Тереза будет в городе совсем одна. Кто ей в случае чего...

— Но она же поедет не одна. С ней поедут ее одноклассницы.

— Час от часу не легче!— воскликнул Режис.— Воображаешь, что эти неоперившиеся подростки там могут натворить?

— Она и ее товарищи ведут себя хорошо здесь, и нет никаких опасений, что в городе они будут себя вести по-другому. К тому же речь идет не об увеселительной прогулке, а о том, чтобы наша дочь получила настоящее образование.

— Но ведь школа второй ступени есть в нашем кантоне.

— Это очень далеко, Режис. Ей придется чуть ли не полдня тратить на дорогу, и она замучается от такой жизни.

— Ну, ладно, до этого еще далеко. Может, к Новому году все еще переменится, и у нас будет школа второй ступени...

— Кто знает?... Это было бы хорошо, но вообще я не против, чтобы наша дочь... Я сказала об этом директору.

Мы долго еще беседовали в таком духе. Во многом мы не соглашались, но это было и не особенно важно. Существеннее всех согласий или несогласий было то, что рядом со мной сидел не случайно протрезвевший алкоголик и не сторонний наблюдатель, между двух попоек решивший разузнать, что новенького в его семействе, а серьезный глава семьи, который волнуется за детей и, судя по его вопросам, стро-

ит планы на будущее. И от того, что рядом со мной был такой Режис, тепло разливалось у меня в душе.

Некоторое время Режис молчал. Я легла рядом с ним, а он будто и не заметил этого. Лежал и ворочался с боку на бок, точно его москиты одолели. Когда он, наконец, успокоился, я положила ему руку на плечо.

Спать нам еще долго не хотелось. Мы тихонько разговаривали,— дети спали, и мы боялись разбудить их. У нас очень много накопилось слов друг для друга и, чтобы жить спокойно дальше, видимо, надо было этой ночью выговориться до дна.

Мы вспоминали всю нашу жизнь. Ты родился в лесу, говорила я ему, ты как губка вобрал в себя запах листьев, перегноя, летучих мышей. Его никаким мылом не смоешь. Ты вообще стойкий, даже пьянство не уничтожило твоей доброты. Просто твой ум и твоя душа дремали, а теперь ты снова проснулся. Ты очень умный у меня, Режис. Ты помнишь, как я, задыхаясь от радости, принесла тебе новость. Надо же, старое правительство нам тогда обещало, что скоро наши детки смогут все до единого пройти школьный курс первой ступени. Только у тебя да у Тинтина хватило ума и чуткости, чтобы не плясать от этой новости. Я даже обиделась тогда на тебя, а ты все равно твердил: мол, все это чушь и увертки. И еще ты говорил, что гусь свиные не товарищ.

Я обиделась, не поняла, при чем тут гуси со свиными. Тогда Тинтин мне объяснил, что это не благо, а издевательство. Чтобы учиться, малышам придется вставать в половине пятого утра. Дети будут недосыпать, и это отразится на их здоровье. Я тогда спорила, говорила, что дети зато получают образование, в Виктории уже начали строить большую хорошую школу. А вы с Тинтином снова начали издеваться надо мной. Ах, как ты был прав, Режис. Это ведь ты ска-

вил тогда, что образования настоящего первая ступень все равно не даст, а дальше детям путь заказан. И если что и даст такое обучение, то пренебрежение детей к родителям: вы, мол, не учились, а мы вот ученые. Так оно и оказалось. Мало кто из простых сейшельцев смог отдать своих детей в эти школы, и мало кто из детей мог долго выдержать эти ранние вставания, когда готов упасть на ходу и заснуть...

Режис тоже вспоминал о прошлом. Я очень боюсь за людей. Сильвия, говорил он, много лет подряд из нас вышибали умственные способности. Старым властям это было на руку. И последствия этой отупляющей жизни еще долго будут на нас сказываться. Знаешь, это как сороконожка: ее можно раздавить, и она уже не опасна тебе. А вот запах еще долго будешь чувствовать...

Когда мы с Режисом поженились, слова «самолюбие» у людей нашего круга не существовало. Режис был отличным столяром, но он снимал шапку перед господами, которые заказывали ему мебель, и кланялся, когда ему привозили работу обратно, чтобы он вновь покрыл мебель лаком или поменял обивку у кресел. Мы кланялись, и наши отцы кланялись... Можно ли сразу научиться держать спину прямо?

С тех пор, как школа реорганизована, я поверила в ее силу. Я верю, что образование поможет нашим ребятам быстрее отделаться от рабской психологии. А Режис сомневался. Он все-таки не верит, что сразу можно достигнуть чего-нибудь. Ему кажется, это долгий процесс. Но он ведь не работает в школе, и я рассказываю ему о том, что новая школа — совсем не та богадельня, в которой он сам учился в детстве и в которую ходила когда-то я.

Наконец, мне нашлось кому поплакаться. Я люблю школу и не брошу ее ни за что на свете. А ведь в первый день я чуть не померла, видно, так переутомилась

с непривычки, что легла замертво. Брату я, правда, сказала, что немного нехорошо себя чувствую. Тинтин пошел в лес, нашел там лапки ящерицы и сделал из них отвар с медом. Он заставил меня выпить все это снадобье и, наверное, спас меня. Когда он ушел, я хватанула целую бутылку и наутро уже смогла встать с постели. Режис слушал и сочувствовал мне.

— Молодец, что не сдалась,— сказал он.— Ничего, теперь я тебе буду помогать по дому, и у тебя будет время отдохнуть после работы. А теперь спи, учительница.

Он ласково улыбнулся мне и потрепал по голове. И я уже собиралась уснуть, когда заметила, что в комнате-то без лампы светло. День уже наступал, и с сегодняшним сном можно было проститься. Сейчас дети проснутся, потом и мне на работу идти. Но я ни на какой сон не променяла бы эту ночь, возвратившую мне семейное счастье.

Глава X

Вряд ли кого-нибудь удивит мое сообщение о том, что наши дети неуклонно выросли. Все это в порядке вещей. Однако нам с Режисом от этого порядка было не легче. Конечно, мы радовались: жизнь детей становилась все более осмысленней, и мы поневоле умилялись умным речам и поступкам недавних несмышленишек. Беда была в другом: домик, который так щедро предоставил в наше пользование Тинтин, нам становился слишком тесен.

Мы все спали в одной комнате, и, несмотря на то, что я и Режис ложились позже всех, иногда случалось, что против наших ожиданий кто-нибудь из ребят не спал. Когда нам это становилось ясно, жгучий стыд охватывал нас. В глазах детей мы, наверное, были

уже старые. Но что же делать, если мы сами себя стариками не чувствовали. К тому же мы столько времени потеряли из-за пьянства Режиса, и нам хотелось взять у жизни свое. Уже который месяц мы ломали голову, как тут быть. Проще всего было бы перестроить дом, но мы даже заикаться об этом Тинтину не хотели. Мы и так пользовались его гостеприимством, ничего не давая взамен, и если бы мы принялись корезить его дом, то это было бы просто хамством с нашей стороны. По мне уж лучше испытывать неудобства, чем обижать Тинтина. Нет, тут надо было изобретать что-то другое, но так как в голову ничего путного не приходило, мы с Режисом так и продолжали жить. И вскоре наша медлительность нам дорого обошлась.

Однажды ночью мы с Режисом никак не могли заснуть. Какое-то время мы лежали в постели, потом Режис встал.

— Пойду во двор выкурю трубочку,— сказал он.

— Ну, если ты все равно вылезешь из постели, так свари нам кофе,— попросила я.

Он вернулся в комнату с двумя чашками дымящегося кофе. Мне никогда не удается сварить такой вкусный кофе, и я пользуюсь любым предлогом, чтобы попросить об этом Режиса,— он у меня все-таки здорово готовит! И на этот раз кофе был отличный, так что мы сидели на кровати, прислонившись спинами к подушкам, и потягивали из чашек черную, густую жидкость. Потом мы поставили чашки на тумбочку и легли. Вот тут-то и раздался шум где-то у входа. Мы насторожились.

— Ты слышишь?— спросил Режис.

— Да,— ответила я.

Шум был достаточно явственный, я испугалась и крепче прижалась к мужу. Режис тоже весь напрягся. Надо сказать, что время тогда было неспо-

койное. В стране участились грабежи, и в нашем поселке бандиты ограбили ночью несколько домов. В одном доме они ранили хозяев. В другом — убили семидесятилетнюю старуху, которая начала звать на помощь. Так что страхи были не напрасны. Шорох все усиливался, и Режис на цыпочках прокрался в угол комнаты, где у него стояла тяжеленная ореховая трость. Он схватил ее и стремглав вылетел из двери. Я услышала, как на кухне завязалась борьба. Кто-то кричал, просил пощады, а Режис все наносил и наносил удары тростью. Моя бабушка, в саду которой мы когда-то уединялись с Режисом, не раз говаривала мне:

— Запомни на всю жизнь. Когда твой муж дерется, не вступай. Мужчина знает, что делает, и женщине не место среди мужских ссор. Сколько я видела любопытных бабенок; они влезали в драку и мужья сгоряча отвешивали им удары, которые так бы достались противнику.

Моя бабушка была мудрой женщиной, и я старалась не нарушать ее заветов. Тем более что Режис уже достаточно окреп после болезни. А судя по приглушенным стонам преступника, победа была за ним, и волноваться особенно не приходилось. Я вскочила с постели и кинулась в кухню только тогда, когда стоны незнакомца сменились громким криком Режиса:

— Чтoб мне пропасть, подонку! — кричал он. — Черт бы меня побрал со всеми потрохами.

Больше ничего членораздельного он не произнес. Когда я вбежала в кухню, он сидел на полу и выл, обхватив голову руками. Подле него распростерлось неподвижное тело. Я подошла ближе и едва не упала в обморок. Без признаков жизни, весь в крови, на полу лежал наш сын Невиль. Я прижалась ухом к его груди. Он был без сознания, но еще дышал. Я начала

трясти что есть силы Режиса, который, видимо, от горя совсем помешался и продолжал выкрикивать какие-то бессвязные заклинания. Слава богу, тряска на него подействовала, и он посмотрел на меня взглядом, в котором можно было прочесть здравый смысл:

— Беги быстрее в полицию. Полиция ближе всего. Пусть вызовут скорую помощь! — крикнула я. — Ты понял?

Режис кивнул и бросился к выходу. Я осталась подле моего мальчика и гладила его волосы, на которых запеклась кровь. Бедный Невиль. Стоило ему расти, начать работать, чтобы так глупо расстаться с жизнью. Я была в отчаянии, но даже в те первые минуты далека от того, чтобы винить Режиса. Конечно, он мог бы посмотреть, кого охаживает своей тростью, но тогда все боялись вооруженных грабителей. Бедный мальчик! Ну кто же виноват, что ты стал совсем взрослым, а мы, глупые родители, не заметили этого. Ты возвращался поздно домой; и старался тихонько пробраться в спальню, чтобы никого не разбудить. Тебе дорого обошлась забота о нашем сне!

Когда Невиль стал учеником водопроводчика, он много времени проводил в городе, — там было много заказов, и они с мастером почти каждое утро спускались в низину, чтобы только на исходе дня снова подняться в наш поселок. С недавнего времени водопровод провели во многих деревнях, которые находятся рядом с Катр-Борном, и Невиль в основном работал здесь. Для него это было не очень удобно. Дело в том, что пока он работал в городе, он познакомился там с молоденькой негритяжкой. Раньше они встречались днем, теперь он после работы отправлялся в Букенвиль и водил ее в кино на поздние сеансы. В такие дни Невиль попадал обратно в поселок только с пением петухов, а мы с Режисом и забыли об этом!

Скорая помощь и полиция прибыли одновременно. Невиль, слава богу, был еще жив, и его увезли в больницу. Пока врачи осматривали его, Режис просто захлебывался от рыданий. Его трясло, и слезы катились из глаз. Даже сержанту-полицейскому сразу стало ясно, что ни о каком преступлении тут не может быть и речи, и он ласково сказал:

— Пойдемте, мсье Режис. Посидим в саду, чтобы не мешать доктору.

Он взял Режиса под руку и увел на улицу. Ему удалось чуть-чуть успокоить его. Когда скорая помощь уехала, полицейский привёл Режиса в дом, и тот уже не плакал. Правда, когда полицейский, учинив формальный допрос, ушел, Режиса опять начало трясти. Пришлось мне, как маленького ребенка, накрыть его сверху двумя одеялами. Только тогда он забылся сном. И спал беспокойно, — все вздрагивал и бормотал что-то.

А мне не спалось. Я очень волновалась за нашего мальчика. И чтобы отогнать волнение, думала, как же так могло произойти. Отец чуть не убил сына. Если бы я и Режис вовремя сообразили, что Невиль уже не малыш, мы бы не забыли, что его нету дома в столь поздний час. И Режис бы осмотрительнее раздавал удары тростью направо и налево. Когда-то я приучила детей, чтобы они говорили мне все, что они собираются делать. И я привыкла, что все о них знаю. Но взрослые дети не обязаны докладывать папе и маме о каждом своем шаге. Это противоестественно. Мне всегда становится легче после того, как я наведу порядок в своих мыслях. Вот и сейчас я немного успокоилась и даже заснула на час-другой.

Потом я опять проснулась и стала думать о Невиле. Недавно он, сокрушенно разглядывая нашу обветшавшую обстановку, сказал:

— Неужели и мне в шестьдесят лет придется жить среди такой рухляди.

Бедный! Он боялся, что в шестьдесят лет будет жить не так, как ему хотелось бы. И вот я его видела истекающего кровью. Кровь, которую я ему дала, текла из него, и жизнь уходила. И я, мама Сильвия, видела это! У меня много детей, но сейчас, как никогда, я чувствую, как мне дорог каждый. Сама мысль, что я могу потерять хоть одного из них, доставляет мне такую боль, будто меня разрывают на куски. Я их всех люблю и никому не оказываю предпочтения. Но тогда, в ту ночь, я больше всех любила Невилля,— ведь он был в опасности и надо было вырвать его у смерти.

Прошла неделя с тех пор, как Невиль попал в больницу. Режис каждый день спускался с горы в Бугенвиль, чтобы навестить его. Не знаю уж, что ему говорят врачи, но он возвращался домой спокойный, и настроение его с каждым днем улучшается. Он много думает о сыне. Я часто его ловила вот на чем: вернется из больницы и, сидя в кресле, что-то шепчет себе под нос. И улыбается каким-то своим мыслям. Если я с ним в такие минуты заговариваю, он обычно не отвечает мне, да и не слышит, что я к нему обращаюсь.

Когда, наконец, врач сказал, что Невилля выписывают, Режис не знал, куда себя девать от волнения. Выздоровление сына на него подействовало столь благотворно, что Режис решил, наконец, отправиться к матери. С тех пор как он пришел в себя, он стал посылать ей деньги. Но сам идти ее навещать не решался: видимо, ему было стыдно показаться мадам Альфонс на глаза. Но в тот раз я сама его не пустила.

— Нет, Режис,— сказала я ему,— сегодня ты останешься с нами. А вот в воскресенье мы соберемся и вместе отправимся в Каскад.

— Нет, я должен поехать сегодня. Сам бог указы-

вает мне этот путь в день, когда наш мальчик поправился.

Когда он настаивает, ему лучше не перечить. И я сказала:

— Поступай, как знаешь.

Он ушел, но, дойдя до ближайшей деревушки, раскинувшейся чуть ниже Катр-Борна, повернул обратно. Он вошел в кухню и, увидев, что я готовлю карри, взялся помогать мне. Он столь тщательно перебирал и промывал рис, что, посмотрев на него, я сразу поняла: ему хочется сказать мне что-то важное. Тогда, отставив в сторону кастрюлю, я села за стол. Режис некоторое время собирался с мыслями, потом заговорил:

— Сильвия, я подумал...

— Что же ты подумал?— спросила я ядовито. Я еще не отошла от раздражения, которое вызвало во мне его упрямство. Надо же, сто лет не видел свою мамашу, а тут собрался и побежал.

— Сильвия,— продолжал он тихим голосом.— Я подумал, что нам надо вместе пойти к маме.

— Ах, вот оно что? Но ты же не хотел? Почему же теперь передумал?

Он замолчал, и некоторое время сидел потупившись. Потом медленно проговорил:

— Если честно, мне стыдно.

— Ага! Дрейфишь, что придешь, а старушка укажет тебе на дверь? По правде сказать, она будет права. Последние годы ты был так щедр ей на подарки и такую нежную заботу проявлял о ней, что...

— Сильвия! Умоляю тебе, перестань!— перебил он.— Да, ты права! Я негодяй. Но мне больно! И я не знаю, что сделать, чтобы хоть как-то загладить вину перед ней! Я с тобой много пререкался, Сильвия! Теперь прошу тебя об одном — помоги мне! Мне тяжело видеть по ночам, ты понимаешь, я это словно наяву

нижу, как моя мать укоряюще смотрит на меня и грозит пальцем...

Видно, его прорвало и он говорил без остановки. Он излил мне душу и потом успокоился. Я обещала поехать с ним к мадам Альфонс. Потом мы доделали карри и отправились за нашим мальчиком. Он очень осунулся в больнице, но главное, что он был жив и возвращался к нам. Мы на славу отпраздновали его возвращение. Недельку еще он отлеживался и приходил в себя, а потом оказался в силах отправиться вместе с нами к мадам Альфонс. Мы поехали туда всей семьей.

Только я крикнула: «Уберите собаку!», как мадам Альфонс с радостным возгласом выбежала нам навстречу, подметая длинной широкой юбкой дорожку, ведущую от дома к калитке. Мы расцеловались. Режис готов был спрятаться за мою спину, но мадам Альфонс, добрая душа, сама бросилась к нему и прижала к себе. Она так радовалась нам, что готова была забыть все обиды, причиненные ей Режисом. Потом мадам Альфонс по очереди расцеловала наших детей. Поначалу ребята смущались, потом старшие прошли с нами в дом, а младшие затеяли какую-то веселую игру под триколором, который рос возле дома.

Я убеждена, что бамбуковый телеграф (так у нас называют слухи, которые разносятся по окрестностям быстрее, чем последние новости из газет) донес до мадам Альфонс сведения о проделках сына. Тем более я поражалась ее выдержке и такту,—она ведь ни словом не обмолвилась, что ей что-то известно. Она вообще вела себя с ним так же ласково и предупредительно, как бывало раньше, в самом начале нашего супружества, когда он еще был примерным сыном и регулярно навещал вместе со мной маму. И не только навещал, но и снабжал ее средствами на жизнь.

И вообще ей удивлялась. Ведь до недавнего време-

ни она вела почти нищенское существование. И все же дом выглядел хоть и не новым, но вполне опрятным. Видимо из последних сил старушка скребла и чистила. Когда я вошла в гостиную, мне бросилось в глаза несколько новых вещей. Она купила красивую мебель, и поставила на камине несколько очаровательных безделушек. Теперь, когда правительство выделило ей пенсию, у нее снова пробудился вкус к жизни, и по всему видно, что ей хочется чувствовать себя цивилизованным человеком. Как же должно быть стыдно Режису, что он ее лишал самого необходимого. Ну, да ладно. Все это, надеюсь, в прошлом. Я верила и спокойно вдыхала тот напоенный добротой воздух, которым, как мне казалось, был наполнен дом и сад мадам Альфонс. Потом, хоть я и была в гостях, пошла в кухню и сама взялась стряпать легкую закуску. Продукты мы захватили из Такамаки, а воду дети притащили из колонки.

Пока мы с детьми занимались стряпней, Режис оставался наедине с матерью. Я немного беспокоилась, как бы воспоминания о прошлом не омрачили этот день. Но когда мы вернулись в гостиную, я услышала, что мадам Альфонс весело смеется. Режис тоже смеялся. Только глаза у него были невеселые. Я видела, как ему горько и как его задела за живое доброта матери. Я ему сочувствовала и в то же время радовалась, что он так глубоко все это переживает. Раз переживает, значит, понял.

Еду, которую я сготовила, хоть и не хвалили, но уплетали за обе щеки, а лучшей похвалы для того, кто стряпал, по-моему, нет. После полудня пошли с детьми на аэродром, и они смотрели с восторгом, как садились на поле и взмывали в небо самолеты. За одним самолетом, поднявшимся в воздух, мы долго следили и отвели взгляд, только когда он скрылся за облаками. Потом возвратились, и я удивлялась, что за всю дорогу не встретила никого из знакомых. Я те-

перь почти со смехом вспоминала, как убивалась, когда уезжала отсюда. Мне казалось, что Каскад навсегда останется для меня родным, а прошло не так уж много времени, и он стал для меня совсем чужим. Скажу больше, мне тяжело вспоминать, как я жила тут. И даже с Андриной мне, честно говоря, не хочется встречаться, потому что она, хоть и помогла мне очень, но была свидетельницей моих мытарств. Наверное, поэтому Каскад мне стал представляться пустой дырой, из которой ветер времени выдул все, что мне было дорого.

Вечер, как и всегда в этих краях, наступил внезапно. Солнце ушло за гору Карино, и точно фонарь погас, окунув нас с детьми в кромешную тьму. Мы добрались до дома мадам Альфонс и вскоре стали собираться в обратный путь. Бабушка Альфонс нагрнула внуков спелыми бананами в таком количестве, что мы еле добрались до Такамаки. Так кончился этот день, и усталая улыбка Режиса, которую я увидела засыпая, была для меня добрым знаком. Я окончательно поверила, что он избавился от наваждения, отнявшего у нас столько лет счастья.

Глава XI

Я не ошиблась в своих радужных предчувствиях: визит к свекрови окончательно повернул нашу жизнь к лучшему. Режис давно уже все свободное время проводил в семье, а с тех пор, как мы навестили мадам Альфонс, он избавился от подавленности и хандры, которая нет-нет, да и накатывала на него. Теперь у нас воцарилась атмосфера полного покоя. Я даже, чтобы доставить Режису удовольствие, научилась, наконец, варить кофе, как он любил, и стараюсь, чтобы к его приходу с работы, готовый кофе

уже стоял на столе. Если у нас есть какие-нибудь новости, то мы ими делимся прямо за кофе,— это самое удобное время, потому что вечером дети возвращаются из школы и требуют к себе внимания, так что поговорить друг с другом просто невозможно. А тут, в обеденный перерыв Режиса, мы можем все обсудить спокойно. Иногда мы спорим, иногда пытаемся вместе решить ту или иную проблему. И какие бы трудности перед нами не возникали, эти обсуждения за чашкой кофе мне радостны. Ведь я чувствую: теперь у Режиса нет от меня никаких секретов, он со всем идет домой и ждет от меня, а не от кого-то другого помощи и поддержки. И нет большего счастья, чем быть ему другом и помощником.

Самый главный вопрос мы все еще не решили. Дом нам тесен, к тому же, он еще и разваливаться начал в последнее время. Надо что-то делать, иначе он совсем рухнет. Нам не хотелось беспокоить Тинтина, но без разговора с ним было не обойтись. Пошли к нему рассказать все начистоту. Режис так смутился, что долго не мог дойти до сути. А когда, наконец, брат понял, что мы от него хотели, захохотал. Он так смеялся, что с него пот катился градом. А потом он начал над нами издеваться:

— Ну, не олухи ли вы оба? Вы боялись меня обидеть! Вам, видите ли, неудобно! Вы и так у меня в долгу!

Он продолжал хохотать.

— По-вашему, я поселил вас с детьми затем, чтобы вы сначала в тесноте проломили друг другу головы дубинами из ореховых деревьев, а потом нашли себе уютенькую могилу под рухнувшими от ветхости стропилами? Я вот только ума не приложу, где достать рабочих. Сейчас сезон сбора урожая и до конца его свободных рук не будет.

— Об этом можешь не беспокоиться. Тинтин,— ска-

зал Режис.— Ты, верно, забыл, что я столяр. У нас есть дети, которые могут нам помочь. Мы сделаем все сами. Если ты, конечно, действительно, не имеешь ничего против.

— Вот что, милые мои. Я отдал вам этот дом, и вы не только должны, просто обязаны устраивать в нем все так, как вам удобно. Запомните, на этой ферме вы такие же хозяева, как и я. И если вы еще будете валять дурака, как сейчас, я вас просто прогоню на все четыре стороны. Учтите, мне родственников идиотов не требуется. У вас еще есть вопросы на этот счет или теперь мы можем поболтать о чем-нибудь более интересном?

Мы еще долго сидели у Тинтина, лакомясь всякой всячиной и весело болтая. Опомнились только, когда Нита прибежала за нами и сказала, что все уже дома и хотят есть. И тогда мы позвали Тинтина провести остаток вечера у нас.

— Что ж, пойду посижу с племянниками,— ответил он и направился с нами.

Когда он осмотрел внимательно наше жилище, он не на шутку рассердился, упрекал нас во всех смертных грехах, а пуще всего — в глупости. И мы действительно чувствовали себя дураками. Ведь одно несчастье уже произошло, и кто, действительно, знает, чем нам грозила в дальнейшем жизнь в этом обветшалом домишке. Уходя, Тинтин взял с нас обещание, что мы завтра же начнем готовиться к ремонту.

— Кстати,— сказал он напоследок,— теперь государство выделяет материалы на ремонт старых жилищ. Вызовите комиссию. Думаю, вам не откажут в помощи.

На следующий день мы обратились в комиссию, и вскоре к нам пришли эксперты. Они все простучали, обмерили и, собрав свои инструменты, пошли к выходу.

— Скажите, пожалуйста, мы можем рассчитывать на помощь?— спросила я.

— Мы доложим руководству все как есть,— ответил один из них.— А там — пусть решают. Слушайте по радио последние известия. В них объявляют наши списки. Если окажетесь в списках, получите материалы.

И они, попрощавшись, ушли. Режис понял, что все обстоит как надо, только нужно время, чтобы принять решение. Он, не дожидаясь ответа, счел за лучшее не терять времени даром; а запастись стройматериалами с работы.

— Ты хоть начальнику говоришь об этом?— спросила я, когда увидела, что он притащил столб.

— Зачем создавать лишнюю волокиту, — ответил Режис.— Я знаю: начальник ничего против иметь не будет. А появится решение комиссии, так все равно я буду у нас на складе стройматериалы получать. Ну тогда с меня и вычтут за то, что я уже взял.

Меня это испугало. Ведь решения в нашу пользу еще не было, и Режиса могли попросту обвинить в воровстве. Но он и слушать ничего не хотел. Он говорил, что не может забыть, как пострадал Невиль, и ему кажется, если в ближайшем будущем мы не перестроим наше жилище, как надо, на нас свалится еще какое-нибудь несчастье. И он продолжал носить то, что нам требовалось для ремонта, и мы с волнением прислушивались к спискам, которые передавали в конце последних известий. День ото дня волнение возрастало: в списках наша фамилия так и не появлялась.

Режис волновался особенно. Ведь если в списках нас не окажется, его самоуправство может обернуться большой бедой. Он стал покупать билеты государственной лотереи, видимо, искренне верил, что войдет в число тех счастливицков, которые, аккуратно заполнив соответствующие клеточки в лотерейной карточке циф-

рами, вдруг оказываются обладателями солидной суммы. Мне больно было смотреть на его старания, когда он, аккуратно выведя цифры, отправлял очередную карточку по почте. Мне это представлялось пустой тратой денег, но он увлекся не на шутку, и мне не хотелось его разочаровывать. Он стал увеличивать ставки, думая, что таким образом увеличивает свои шансы на выигрыш. Денег у нас было совсем немного, к тому же перед нами маячила опасность выплаты долга за незаконно приобретенные Режисом материалы. Но я и тут не остановила его. Каждый мужчина должен во что-то играть, и если лотерея его развлекает, пусть себе тешится надеждами, думала я. К тому же я познала, что бывают развлечения куда менее безобидные, и была безмерно счастлива, что мой муж избавился от своих пороков. Ведь теперь даже в лотерею он играл во имя семьи.

Каково же было мое удивление, когда Режису действительно повезло. Мне это представилось таким чудом, и я была настолько поражена, что мозг мой, как «Кодак», которым когда-то фотографировали мои плетения, запечатлел все, что происходило в этот день.

Вечером Режис задержался после работы и пришел домой гораздо позже обычного. В Катр-Борн должны были вернуться с промысла рыбаки, и он хотел дожидаться их, принести домой свежей рыбы. Рыбаки вообще-то поздно возвращаются с улова, а тут они задержали Режиса так долго, что я начала беспокоиться. Несколько раз выходила из дому, все время косилась в окно, из которого было видно ограду. Его все не было. Наконец, я решила выйти ему навстречу, пока идешь, в голову, по крайней мере, не лезут всякие нехорошие мысли. Но я не успела выйти за дверь, как услышала свист Режиса. Он подходил к дому и насвистывал свою любимую мелодию. Я еще помню, как сказала вполголоса, обращаясь к самой себе:

— Ну вот, Сильвия, ты боялась, а он пришел целый и невредимый.

Я быстро сняла ботинки и уселась в кресло. Мне хотелось хоть немного прийти в себя, чтобы он, войдя домой, не заметил моего волнения. Кажется, мне это удалось. Во всяком случае, когда он вошел в дверь, я смогла спокойно взглянуть на него. Он весело приветствовал меня:

— Привет! Ты еще не хватилась меня?

— Я уж думала обратиться в полицию, но потом решила подождать. Если уж мой муж задерживается, значит, у него есть на это серьезные причины,— ответила я ему в тон.

— Все это из-за рыбы. Мне хотелось принести рыбу, как можно лучше. И пришлось дожидаться рыбаков. Сегодня море штормило, и они никак не могли пристать к берегу. Но рыбу я все-таки принес, и превосходную.

Он выложил на стол чешуйчатую рыбу и скумбрию. Было уже действительно поздно, и дети, наверное, умирали с голоду. Поэтому мы тут же отправились с мужем на кухню, чтобы побыстрее приготовить ужин. Дети чистили рыбу, я варила бульон, а Режис метался между детьми и мной, давая ценные советы. Только когда рыба уже стояла на плите, я вспомнила, что сегодня разыгрывается очередной тираж лотереи.

— Режис, ты не забыл? Иди, а то опоздаешь.

— Куда это я опоздаю?— вскинулся он.— Я и так целый день проторчал в городе и до завтра мне ничего не надо делать. Я есть хочу, как собака.

— А, так ты действительно забыл!— засмеялась я.— Успокойся, тебя никто не гонит из дома! Тебе просто надо послушать по радио сведения о тираже.

Режис хлопнул себя по лбу:

— Вот идиот! Эти рыбаки меня совсем доконали! Пойду приготовлю билеты.

Он ушел, чтобы разложить по порядку последние карточки. Потом мы поужинали, и дети отправились умываться. Нита отказывалась ложиться спать. Она панина любимица, и Режис всегда вместе с ней проверял номера лотереи. Нигу это занятие увлекало, и она не хотела пропускать новый розыгрыш. Видно было, что у нее глаза слипались, пока шла радиопередача, она клевала носом, но мужественно перебарывала сон. И вот начался розыгрыш, все затаили дыхание. Отчетливо, с расстановкой, диктор начал объявлять номера. Режис уткнулся в свои карточки, и впервые за все время я почему-то тоже начала волноваться. Будто чувствовала, что сегодня розыгрыш какой-то необычный. Все было как всегда, но Режис, неподвижно смотрящий на свои цифры и временами что-то отмечающий карандашом, на этот раз не вызывал у меня иронической улыбки. Я даже подседа поближе и заглядывала ему через плечо. Режис вычеркивал цифру за цифрой, рука у него дрожала. Он нервничал, видно, боялся, что розыгрыш кончится очередной неудачей. Я вдруг почувствовала, что тоже дрожу, но взяла себя в руки. Я сказала себе: «Спокойно, Сильвия, цифр еще много, и не надо отчаиваться раньше времени. Может, еще мы что-нибудь угадаем». Диктор как назло, начал говорить с большими паузами. Видно, он старался чтобы все успели расслышать. И эти паузы для Режиса были мучительны. Он ерзал на стуле, а потом, когда очередной номер не совпадал, чуть не кричал от досады. А Нита сидела рядом и гладила его руку. Только это, по-моему, и сдерживало его. И вот наступила последняя пауза. Сейчас будет объявлена заключительная цифра, и розыгрышу конец.

Я не слышала, что сказал диктор, его голос заглушил радостный вопль Режиса, и мне не надо было слышать, что объявили по радио.

— Выиграли! — заорал Режис и стал носиться по комнате. — Слышишь, Сильвия, мы выиграли!

Нита испуганно закричала. Но тут же, разобравшись, в чем дело, радостно захлопала в ладоши. Скоро весь наш дом пробудился, дети, которые уже легли, повскакивали с матрацев и прибежали на веранду, — уж лучше бы и вовсе не ложились. Целых два часа мы колобродили. Режис сварил кофе, и мы все сидели на веранде, и чувствовали себя самыми счастливыми людьми на свете. Конечно, для какого-нибудь настоящего богача это была незначительная сумма, но мы могли на нее сделать ремонт, ни от кого не завися, и могли закупить всякой всячины и для детей, и для себя. И, наконец, пожить хоть какое-то время в достатке. Улеглись все только под утро и, когда надо было собираться одним на работу, другим — в школу, все мы чувствовали себя разбитыми. Но никто особенно не сетовал на бессонную ночь.

Правильно говорят: «Беда не приходит одна». Я это испытала на себе. А теперь я на личном опыте поняла и другое: удача тоже ведет за собой другую удачу. Недели еще не минуло после нашего выигрыша, когда мы узнали, что стоим в списке получивших пособие на ремонт дома. Теперь уже с уверенностью можно сказать, что наши опасения были напрасны. Эх, знать бы все наперед, когда волнуешься зря, можно было лет на двадцать больше прожить. Ведь сколько мы здоровья убиваем на все эти страдания и волнения, которые иногда оказываются пустыми. Но так уж устроена жизнь, и тут нечего роптать. Теперь мы могли смело смотреть в будущее и, во всяком случае, с уверенностью говорить об этом будущем.

Ну, а уж Режис почувствовал себя и вовсе непрекаемым авторитетом в семье. Ведь это он с самого начала уверял меня, что мы обязательно будем в списке и потому нечего бояться записаться строимате-

риалами. И несмотря на то, что он волновался не меньше того, теперь он говорит, что побольше бы мы все его слушались, и тогда меньше было бы волнений и неприятностей. Мне это немножко смешно слушать, но я делаю вид, что воспринимаю его слова всерьез. Пусть себе гордится. Мужчина должен себя чувствовать в семье главным, и я не собираюсь этому мешать.

Режис, что и говорить, проявил недюжинные организаторские способности. Нам надо было свозить разные стройматериалы из разных мест. Обычно, как я слышала, люди на это тратили чуть ли не неделю. То транспорт не могли достать, то у самих времени не было. А Режис решил все просто. Он вместо маленького грузовичка нанял большой грузовик. На нем он объехал все нужные склады, и собрал все, что нужно. Главное, что меня удивило, это практическая жилка, которой раньше мой муж не отличался. Ведь этот большой грузовик нам стоил не больше пикапа. Приятель Тинтина хотел перевезти вещи. Вот с ним-то и скооперировался Режис и сумел дешево и быстро доставить все нужное для строительства к нам во двор за один раз.

Разумеется, мы решили не ограничиваться пособием, которое получили от государства. Четыре тысячи рупий — наш выигрыш в лотерею — мы разделили так, чтобы осталось на экипировку детей и на наши собственные нужды, остальное мы вложили в ремонт, который, несмотря на другие проблемы, оставался самым первостепенным делом. Правда, еще до начала ремонта Режис, несмотря на мои протесты, вытащил меня на Малабарское побережье и одел с головы до ног. После того, как я примерила новое платье из ткани с большими цветами, я почувствовала себя на двадцать лет моложе. Я стояла в примерочной и с удовольствием смотрела в зеркало. И признаюсь, что ог-

лядев себя со всех сторон, я удовлетворенно цокнула языком и сказала сама себе: «Ты еще хоть куда, старуха Сильвия! Мы еще повоюем!» Он молодец, мой муж, что не послушался меня, когда я не желала до завершения ремонта уезжать из Такамаки и вопила, что не надо мне никаких платьев, никакого тарлатана и вообще никакой материи в цветах или гладкой. Он понял, что все это не больше чем пустая болтовня и поступил, как настоящий мужчина. Таким, как он сейчас, я могу гордиться.

Я упрекала Режиса за излишнюю щедрость, но оказалось, что он все рассчитал правильно. Той сумми, которая осталась после покупок мне, детям и себе, вполне хватило и на ремонт, и на новую обстановку. Комната за комнатой, мы постепенно переделали все жилище, и у нас получился совершенно другой дом. Мы бы закончили все еще скорее, но пришлось сделать перерыв: поспел табак, и Тинтину было не по силам убрать его без нашей помощи. Зато потом мы с легким сердцем начали наводить глянец в нашем жилище. Когда Тинтин пришел посмотреть на результаты нашего труда, он не поверил, что мы реконструировали его старый домик. Ему все казалось, что мы его обманываем и не хотим признаться, что за свои деньги построили новый дом.

— Хорош хозяин! — негодовал он на себя. — Мало того, что пригласил сестру с семьей жить в развалиюхе, так вынудил еще себе новый дом построить!

Лишь с большим трудом нам удалось доказать ему, что дом тот же самый. Просто Режис нашел способ, как разумно распланировать всю площадь дома. И тут Тинтин впервые в жизни обнял Режиса. Я знала: он всегда в глубине души недолюбливал моего мужа, и даже когда тот еще не стал пить, считал, что он меня недостойн. Тинтин очень любил меня, а значит, ревновал ко всем, кто, по его мнению, напрасно пользовался

моей привязанностью. И только когда он увидел, во что Режис превратил старый неудобный дом, он, видимо, переменл мнение о нем. Тинтин добрый человек, но он никогда не кривит душой. А тут он сказал:

— Слушай, старина! Да ты прирожденный строитель. У тебя настоящий талант!— и треснул дружески по плечу Режиса. Режис ответил тем же. И я знала, что это не просто так. Потому что мой брат помогает многим, но не со многими дружит. Сейчас он предлагал Режису дружбу. Режис, хоть напустил на себя солидный вид, но я чувствовала, что делается у него в душе. Да и сам он недолго выдержал свою браваду. На глаза его вдруг навернулись слезы, и он, ничего не говоря, крепко прижал к себе Тинтина.

Глава XII

Удача постучалась не только в дверь нашего дома. Она, похоже, всерьез решила обосноваться в Такамаке, и благодетельствовав нас, принялась за исцеление Тинтина. Произошло это так. Я говорила уже, что очень боялась за здоровье брата. С того дня, как мне впервые пришла мысль, что он тяжело болен, ему становилось все хуже и хуже.

Иногда по утрам он выглядел просто отвратительно; под глазами набрякшие мешки, лицо отекавшее, как будто его мяти и месили всю ночь, точно тесто. Я несколько раз пробовала с ним заговорить о его болезни. Но какое там, он отмахивался от меня и сводил все к шутке. Но к врачу все-таки пошел. А как-то при нас начал задыхаться. Ему было так плохо, что он впал в беспамятство, и если бы не молодой врач, за которым сбегал Режис, Тинтин, думаю, вообще бы в эту ночь отправился к праотцам. Врач пришел, сделал Тинтину укол и велел на другой день прийти на обследование.

Но на другой день брат почувствовал себя лучше. И тут же заявил, что, несмотря на то, что молодой человек к нему приходил славный и, в общем-то понравился ему, на прием он, пожалуй, не пойдет.

— Да ты что, с ума сошел, братец?— закричала я.— Ты вспомни, что с тобой вчера было!

— Эх, Сильвия!— воскликнул Тинтин с наигранной бодростью в голосе.— Я знаю одно: кому когда суждено лечь в землю, тот тогда и ляжет. И я не хочу тратить драгоценное время на хождения по кабинетам. Уж лучше, чем нюхать лекарства, я пойду и подышу воздухом зелени на своей плантации. Знаешь,— добавил он уже без бравады в голосе.— Если мне скоро суждено уйти, мне будет не хватать всего, что меня окружает.

И он замолчал. Но тут Режис накинулся на него с такой агрессивностью, что я удивилась. Даже после того, как они подружились, Режис обращался с Тинтином как младший со старшим. Он немного побаивался моего брата, да и, наверное, чувствовал себя виноватым за то, что делал в прошлом. А тут он не сдержался.

— Да ты что, оставить нас решил? Вот идиот, скажите, пожалуйста. То о врачах слышать не хочет и корчит из себя здоровяка, а то, чуть его один раз потрянуло хорошенько, сразу помирать собрался. Тоже мне, труп!— засмеялся Режис.— Да ты погляди на себя. Умирующие такими не бывают! А вот что лечиться тебе надо— это факт. И ты пойдешь сегодня к врачу. Пойдешь!— жестко добавил он, когда Тинтин вознамерился ему что-то возразить.— Иначе, вот тебе мое слово: завтра же соберемся и уедем от тебя, куда глаза глядят. Слышишь, Тинтин? Я не шучу! Никто— ни я, ни Сильвия, ни наши дети не будут смотреть, как их идиот дядюшка околевает только потому, что, видите ли, ему неохота ходить к врачам и дышать лекарствами.

Я никогда не слышала, чтобы Режис говорил так твердо и убедительно. Я последний раз почувствовала, как изменился мой муж. Сколько раз он раньше заявлял, что он настоящий мужчина, но слышать эти слова было порой смешно, а порой и жалко. А теперь в нем появилась настоящая мужская жесткость. И сейчас он проявлял эту жесткость в полной мере.

— Я тебе больше скажу! Если ты сейчас же не встанешь и не пойдешь в поликлинику, я тебя силком туда отведу. За шкирку возьму и поведу. Через весь город. Чтобы все видели, что тот, кого считают тут умным и уважаемым человеком, на самом деле дурак, решивший добровольно отправиться в могилу. Ну так как, пойдешь?

У Тинтина был совершенно ошеломленный вид. И видно, что слова Режиса на него подействовали. И еще, наверное, он понял, что Режис не отступит ни перед чем и готов осуществить свою угрозу. И он сдался:

— Ладно,— ответил он.— Я пойду к врачу. Пойду для вашего спокойствия. Я-то знаю, никакие врачи мне уже не помогут!

— Поговори у меня еще!— гаркнул на него Режис.— Иди-ка лучше приведи себя в порядок и поедем вместе. Я уже договорился с приятелем, он заедет за нами через полчаса на машине.

Тинтин только рукой махнул и отправился одеваться. Он вернулся в чистой рубашке, белых хлопковых брюках и новых сандалиях. Вскоре во дворе раздался гудок автомобиля, и они с Режисом вышли из дома. Удаляющийся рокот мотора свидетельствовал, что они отъехали. Им надо было спуститься в поселок Ланс-Руаяль, где находилась больница. Я очень волновалась.

Меня не успокоило даже, когда они вернулись домой с коробкой пилюль и запиской, которую доктор написал медсестре, обслуживающей наш поселок. Тин-

тину было предписано пить пилюли, сестра же должна была приходиться к нему каждый день и делать уколы. Режиса это вроде как воодушевило, а Тинтин и я не очень-то верили в выздоровление. Видно было, что Тинтин лечится, чтобы Режис к нему больше не приставал. А я, в свою очередь, видела много раз, как безнадежным больным, чтобы они раньше времени не отчаивались, доктора прописывали пилюли. Мне казалось, что болезнь Тинтина слишком запущена и серьезна, чтобы ее можно было вылечить с помощью коробки таблеток и нескольких уколов. И мы с замиранием сердца ждали следующего приступа, который для Тинтина может оказаться последним. Напрасно Режис уверял меня, что пока Тинтин дожидается в приемной, сам поговорил с доктором, и тот сказал ему, что болезнь не смертельна. Я все равно не верила, думала, что просто доктор был добрый и, увидев, что Режис любит Тинтина, не захотел расстраивать и его.

Но прошла неделя, а Тинтину не только не стало хуже, но, напротив, он явно выздоравливал. Приступы больше не повторялись, да и отеки на лице прошли. И, что самое главное, сам Тинтин снова стал шутить, улыбаться. В этих шутках не было ничего от наигранной бодрости, которой он в последнее время пытался скрыть от нас свою болезнь. Нет, теперь все было по-другому, и видно было, что мой брат действительно возвращается к жизни. Правда, этим он тоже доставил немало волнений. Потому что, уверившись, что не умирает, Тинтин со свойственной ему неумностью в работе, стал наверстывать упущенное время. Мы уговаривали его повременить, он негодовал:

— Да вы что, издеваетесь! Я и так последний в этом году сажаю табак.

Мы попробовали возразить ему, пытались объяснить, что и без табака один сезон перебежмся. Но он и слушать нас не хотел. Мы же, в свою очередь, боялись

слишком настаивать: ведь если мы будем его чересчур оберегать, он, чего доброго, подумает, что дела его плохи. А это хуже, чем утомление. И мы смирились. Он же как дорвался до мотыги, так начал работать от зари до темна. Словно его всю жизнь на поле не пускали. Когда я однажды полюбопытствовала, делает ли он перерыв, чтобы перекусить, он сказал мне в ответ:

— Ты не смейся, Сильвия. Я сам раньше думал, только бы отделаться от этой чертовой работы. Работал всегда много, но пользовался каждым предложением, чтобы передохнуть или не выходить в поле. А когда меня прихватило, знаешь, о чем я подумал прежде всего? Я начал представлять себе, что все вы будете на месте, а меня не будет. Мне стало горько. Ведь и ты, и Режис, и дети любите меня, а значит, будете помнить. К тому же я каждого из вас чему-то да научил, и вы, каждый по-своему, будете продолжать то, чего я не сделал. А вот с чем я никак не мог смириться, так это с тем, что не буду сеять и собирать урожай, и никогда, есть там другая жизнь или нет, не почувствую уже этой усталости, и запаха разгоряченной листвы, и этого зуда в костях, который знают только те, кто выращивал и собирал урожай. Оставить все это я по доброй воле никогда не соглашусь. И пока я жив, работу мою у меня никто не отнимет.

— Да никто и не отнимет,— сказала я.— Просто врач первое время не велел тебе работать слишком много.

— Но он же не может за меня сажать табак? А я хочу вырастить не меньше, чем в прежние годы. Я как представляю себе, что кто-нибудь скажет: «Эге, старик Тинтин совсем сдал!»,— так готов из последних сил и сажать и убирать. Не хочу,— он сжал кулаки.— Не хочу, чтобы меня жалели. И сдаваться не хочу. У меня еще полно сил!

— С тобой никто не спорит, Тинтин. И незачем звать доктора, у него и в больнице дел по горло. Но есть же мы.

Он задумался. А я вдруг решила сыграть на том, что он нам с Режисом постоянно вдалбливал в голову. «Вы тут такие же хозяева, как и я!»— твердил он нам. И вот тогда я решила, наконец, поймать его на слове для его же блага.

— Но ведь мы такие же хозяева на этой земле, как ты,— сказала я.

— Разумеется, Сильвия. Как хорошо, что ты, наконец, поняла это.

Он, видно, не понял, куда я клоню, а я настойчиво продолжала гнуть свою линию.

— Значит, ты не возражаешь.

— Конечно, нет. Я хочу, чтобы вы чувствовали себя тут полными хозяевами и распоряжались всем по своему усмотрению.

— Прекрасно! Тогда нам, Тинтин, угодно распорядиться таким образом, что мы вместе с тобой будем сажать табак.

И, не дав ему ничего возразить, я добавила:

— В конце концов, мы с твоего табака тоже имеем немало. Да и детям пора приучаться к труду. Так что с завтрашнего дня мы выходим на плантацию.

Тинтин еще для виду немного поспорил со мной. Но я прикинулась обиженной, и ему нечего было мне возразить. Мы договорились так: днем после школы к нему будут приходить ребята. А мы с Режисом будем работать вечерами, когда я прихожу из школы, а он — со стройки. Когда мы сообщили обо всем детям, они восприняли новость, как праздник. Энергии у них полно и им печем заняться после школы. К тому же они, каждый по-своему, обожают дядю, и возможность проводить с ним много часов подряд привела их в восторг.

Прошло несколько дней. Наступила суббота, и я

решила прокрасться незаметно на плантацию, чтобы посмотреть, как там идут дела. Когда я подошла, мне стало ясно, почему мои дети с таким восторгом ходят к дяде. Видимо, в это время они уже сделали то, что им поручил Тинтин, и отдыхали. С помощью Тинтина они развели большой костер и стали печь плоды хлебного дерева. Сначала внимательно следили за тем, чтобы плоды не подгорели. Большими палками они ворошили их, смотрели, не готово ли, потом подкатывали обратно к огню.

А Тинтин настолько увлекся игрой с детьми, что забыл обо всем. Он расколол кокосовый орех, разделал его на куски так, чтобы хватило каждому. И пока компания наслаждалась вкусной мякотью, хлебные плоды превратились в угли. Но они только посмеялись над этим. Им было весело, и никто особенно не горевал, что горячее блюдо не удалось. К тому же они насытились кокосом, о чем свидетельствовали не только довольные лица ребят, но и пес, который находился тут же, выклянчивал подачки и вилял от удовольствия хвостом.

Прошло еще несколько дней, и общими усилиями мы обработали всю плантацию Тинтина. Она хоть и была небольшой, но труд был кропотливый. То обрезаешь кустики, чтобы не переросли, то поливаешь. Это надо делать регулярно, иначе табак вырастет невкусным. Тинтин знаток этого дела, и, глядя на него, мы все довольно быстро освоили новую для себя работу.

Результаты наших стараний не замедлили сказаться. Тинтин просто в ладоши хлопал от радости, ибо, по его словам, он никогда не снимал еще такого урожая. Сбирать табак — это работа не из легких. Нам с Режисом приходилось трудиться дотемна и домой мы возвращались при свете карманного фонаря. Вся штука в том, что табак не ждет. Он, если его вовремя

не срезать, выдыхается и теряет свою ценность. В эти деньки мы даже слова лишнего не говорили друг другу. Приходили — и сразу за дело. И то успели только-только. А ведь еще старый друг Тинтина плотник по имени Пиор приходил нам помогать. Собственно, он-то помогал не совсем бескорыстно. Он добрый старик, но преследовал свои маленькие интересы. Пиор любит жевать табак. И во время сбора урожая он никогда не преминет набить листьями свой маленький мешочек из рафии. Но это все чепуха, конечно, по сравнению с тем, как много он успевает сделать. Да и наши дети от него без ума. Он знает множество самых увлекательных историй, и в минуты отдыха потчует нас ими. Дети сидят, разинув рты, и боятся двинуться с места, когда Пиор рассказывает. Мы и сами его слушаем с удовольствием. Он любит всякие пословицы и поговорки, которыми щедро оснащает свою речь. И говорит он удивительно, прямо как книгу читает. Тинтин как-то сказал, что, расти Пиор в наше время и получи хорошее образование, он, наверно, мог бы писать хорошие книги. Во всяком случае, в те дни, когда идет дождь и старик не может прийти, мы себя чувствуем как-то неуютно. Без его рассказов и прибауток работа нам кажется тяжелее и даже, как будто, сделать мы успеваем меньше. Раньше Пиор был в нашем поселке носителем новостей. Некоторые его даже побаивались. Потому что он всегда все узнавал первым, и если что случалось хорошее или плохое, он докладывал тем, кого это касалось. Теперь все обстоит по-другому. Есть радио и продают газеты. В новостях Пиора никто не нуждается. А вот истории его каждому по душе.

Целый месяц мы работали изо дня в день. Даже удивились, когда однажды еще до наступления темноты обнаружили, что кончили всю работу. Табак был убран. И Тинтин хлопал каждого из нас по плечу.

— И все-таки мы молодцы!— смеялся он.— Теперь никто не сможет сказать, что старина Тинтин сдал. Тинтину не сдается!

Он засмеялся еще громче и сказал, что теперь, когда он решил не умирать, табак собран, а ремонт в нашем доме окончен, недурно бы нам отпраздновать новоселье. Именно в этот момент, посмотрев на него, я поверила, что он окончательно выздоровел.

Я стала думать, как бы лучше устроить ужин, и уже представила себе, как все мы, и Тинтин, и старик Пиор соберемся за столом в нашей столовой, которая стараниями Режиса стала светлой и просторной, — хоть весь поселок принимай.

Глава XIII

Новоселье прошло отлично и Пиор был на нем не случайным гостем. Ведь он не только помогал Тинтину собирать урожай табака. Он и нам здорово помог с ремонтом дома. У этого Пиора есть одна удивительная способность. Чуть только в округе кто-нибудь затеет серьезное дело — он уже там. Как это он чувствует — никто не знает, но никогда не ошибается, и ни разу еще не пропустил ничего, ни в нашем поселке, ни в соседних, ни даже в тех, которые находятся у самого подножия горы. Вот и с нами так получилось. Не успели мы вбить первый гвоздь, как старик пожаловал к нам во двор. Он был одет в старые залатанные брюки — по всему видно было, что он приготовился работать. В довершение всего, когда он развязал свой мешок, оказалось, что у него там полный набор плотницкого инструмента. Режис прямо охнул от радости. Тут было все, что может потребоваться: разные модели рубанков, пилы, стамески, ножницы... Этот инструмент был гордостью Пиора: он собирал его всю жизнь.

Заполучить такого работника, как Пиор — было большой удачей. Все в наших краях знали, какой он отличный плотник. Нас смущало только то, что денег у нас оставалось в обрез, и мы не могли заплатить ему за работу. Но Пиор и тут словно прочел наши мысли и поспешил сказать:

— Учтите, я пришел помогать вам как друг. Никаких денег мне от вас не надо.

Мы, конечно, очень обрадовались, но одновременно нам было немного совестно. После того, как мы выиграли в лотерею, мы чувствовали себя богачими. И хоть денег, которые получили, у нас почти не осталось, мы не могли даже сравниться с Пиором, который жил вообще неизвестно на что. Этот старик старался всем помогать безвозмездно, хотя на вид был таким немощным, что непонятно было, в чем душа его держалась. Казалось, что он и рубанка в руках не удержит. Но это только так казалось, потому что когда мы увидели его за работой, лишний раз порадовались своей удаче. Он, этот старик, работал быстрее Режиса, и, конечно, если бы не он, мы бы еще месяц провозились. Он нам помогал не только руками, но и головой, ведь многое в новой планировке придумал он, или вместе с Режисом они придумали. И когда мы собрались на новоселье, первый тост Режис произнес за Пиора. Единственно, что мы смогли сделать для старика, так это как следует накормить его. За это время, пока он нам помогал, он даже потолстел, и брюки, которые на нем висели, теперь сидели нормально. И лицо стало гладким.

Тосты следовали один за другим. Конечно, не обидели и Режиса, которого Тинтин так хвалил, что Режис сидел, смущенно опустив голову. Потом выпили за детей и за счастье в доме и пошли осматривать сам дом. Я тоже в первый раз посмотрела на все как бы со стороны. И нужно сказать, мне это доставило удовольст-

ние. Теперь мы хоть с Режисом можем без стеснения побыть наедине. Да и дети получили разные комнаты. Теперь старшие девочки будут жить отдельно от Невилля, у младших тоже будут отдельные спальни. А то торчали на одном тесном дворе, и часто от тесноты у них вспыхивали ссоры, потасовки. Иногда по нескольку раз за день мне приходилось вмешиваться и разнимать их. А теперь в саду можно будет просто отдохнуть.

Я вышла на улицу и посмотрела на пышный куст бугенвилей, который был постоянно в цвету. Какая красота! Я заметила это чудо впервые. Куст был маленький, потом разросся на наших глазах и закрыл наш дом и двор от посторонних взоров. Раньше двор, когда не было дождей, заменял нам недостающие комнаты, и было тут тесно так же, как в доме, и цветами любоваться было некогда.

Теперь, стоя во дворе, я подумала, как нам все-таки повезло. Ведь на Сейшелах множество семей, подобных нашей. Но у меня муж плотник, к нам пришел Пиор, и мы смогли сделать то, что многим людям нашего достатка не под силу. Соседи с завистью заглядывались на наш дом, и мне было приятно, что они завидуют. Дело даже не в том, что мы стали жить лучше, а в том, что ведь я теперь могу гордиться и своим мужем, и атмосферой, царящей в моей семье. Недавно те же соседи жалели меня, а Режиса вообще презирали. Теперь же даже те, кому поначалу Режис казался чудовищем, вынуждены признать в нем и отличного работника, и хорошего семьянина. И меня это радует даже больше, чем перестроенный дом.

Через несколько дней после того, как мы справили новоселье, Режис удивил меня еще больше. Я видела, что они часто сидят с Пиором во дворе и что-то обсуждают. Да, я забыла сказать, что Пиор, когда ремонт уже кончился, продолжал каждый день приходить

к нам. Они сдружились с Режисом, и несмотря на разницу в годах, с удовольствием проводили вместе свободное время. А я заманивала старика каждый раз поужинать с нами, на что он, надо сказать, с удовольствием соглашался.

После одного из визитов Пиора Режис сказал мне:

— Знаешь, Сильвия, я решил, что нехорошо быть эгоистом.

— Ты это к чему? — не поняла я.

— Я это к тому, что надо посмотреть вокруг. Посмотри, как обветшали дома наших соседей. А мы ведь с Пиором мастера.

— Ну так что? — я все еще не понимала, куда он клонит.

— Мы уже обо всем договорились. С завтрашнего дня будем в свободное время помогать тем, кто хочет переустроить свои дома.

— Тебе что, на работе денег мало платят? — спросила я.

— Дело не в деньгах, Сильвия! И, пожалуйста, не пытайся казаться хуже, чем ты есть.

Я, честно говоря, тогда не очень-то понимала, почему должна теперь вечера проводить без него, а он будет помогать в это время соседям, многих из которых мы едва знаем в лицо. Но Режис говорил так убежденно, что я не могла ему возразить. К тому же я чувствовала, что в его словах есть какая-то правда, которая не делается хуже от того, что я ее не постигаю. И я не стала с ним спорить.

Но однажды, когда он пришел вконец вымотанный этой добровольной работой, я не выдержала и начала упрекать его.

— И что за счастье работать на других за здорово живешь. Одна только польза, что вместо нормального ужина ешь в полночь да спать остается меньше времени.

Он посмотрел на меня тогда так, что я вся съежилась под его взглядом. Но он ничего не ответил мне. Просто, не допив кофе, отправился спать. А наутро встал раньше обычного, чтобы перед тем, как идти на работу, что-то еще сделать в соседнем доме, который они с Пиором, по-моему, переделали целиком и полностью. Режис говорил, что им надо успеть до сезона дождей, иначе этому семейству негде будет укрыться.

И вот тут мне стало стыдно. Когда Режис ушел, мне захотелось посидеть на веранде и подумать, зачем им с Пиором понадобилось тратить время и силы на соседей. Я понимала, что все это не просто так. Видно, с тех пор, как я была занята по горло делами и мало смотрела по сторонам, вокруг что-то произошло, и теперь надо понять это. В этот день у меня было время: в школе не было уроков, а дети давно ушли из дому, — кто на учебу, кто на работу.

Чем больше я размышляла, тем яснее мне становилось, что счастье, воцарившееся у нас в доме, заставило меня забыть о других. А ведь не у всех дело обстояло так хорошо. Конечно, теперь молодежь может и учиться, и ехать в город на заработки. А старикам платят пенсию. Но сколько людей еще не умеют пользоваться свободой. Живут бедно, тесно, по-прежнему во всем нуждаются и даже не догадываются, что могут изменить свою жизнь. И совесть заговорила во мне. Я просто не могла понять, как сердилась на Режиса и Пиора за то, что они делают. Сердиться, вместо того, чтобы предложить им свою помощь.

Когда Режис вернулся домой, я стала расспрашивать его, что за люди наши соседи, которым они ремонтируют дом. Режис улыбнулся:

— Наконец-то. А я уже который день жду, что ты заинтересуешься нашей затеей.

И он начал рассказывать. О том, как ходил с Пиором по домам поселка и видел комнаты, обклеенные газетами и кишачие насекомыми. И дома, крыши которых чуть не обваливались на головы людей, и детей, которые спали вповалку на полу.

— Это не я, это Пиор все придумал. Но как ты думаешь, мог я оставаться в стороне? А уж когда мы начали, то поняли, как нужны тут всем.

Он помолчал, видимо, собирался с мыслями. Потом добавил:

— Понимаешь, Сильвия. Многие люди еще не научились чувствовать себя людьми. И мы должны им помочь в этом. Это наш долг.

Я понимала. И смотрела на него и не могла оторвать глаз. Потому что это был самый лучший муж на свете. И я подумала: что бы было, если бы Тинтин и другие не помогли Режису, и он бы не перестал чувствовать себя презренным рабом. Режис помнит об этом. И как бы отдает долг, делая для людей то, что умеет. Я предложила им свою помощь. Режис отказался.

— Уверен, что и Пиор со мной согласится. Хватит с тебя школы и наших детей.

Тут он был прав. У меня, действительно, редко свободная минута выпадала.

— Мне вот только очень стыдно, Сильвия, что я опять весь дом кинул на тебя...

— Перестань, пожалуйста,— оборвала я его. — Ты ведь не баклуши бьешь, и я теперь это понимаю.

— Ну, если так,— он улыбнулся.— Меня успокаивает только одно. Скоро начнется сезон дождей и строительным работам конец. Тогда после работы буду приходить домой рано и освобожу тебя.

Но сделал он это, не дожидаясь сезона дождей. Они с Пиором договорились так, что будут ремонтировать дома соседям через день. Это всех устраивало.

И соседи были довольны, и я могла половину недели как всегда проводить с Режисом.

По субботам к нам приходил Пиор. Он надевал хорошие светлые брюки и пеструю рубашку. Режис тоже наряжался, да и я была в лучшем платье. Мы обедали, потом отправлялись в город. Заходили в кафе, а потом бродили по улицам и приглядывались к толпе. Для меня это было самое увлекательное. Я ведь хорошо знала городскую толпу прежних времен, и для меня внешние перемены многое значат. Эта молодежь, одетая в европейское платье, мне говорит о том, что люди нашего с Режисом круга стали менее косными. Я помню, как в моем детстве и юности сейшельцы смеялись над манерами европейцев. Бедность и забитость — сестры упрямства, и люди считали: все, что не наше, сейшельское, то плохо. А теперь городскую толпу не узнать, и это значит, что перемены открыли людям глаза, и они стали воспринимать даже то, что им прежде было непривычно. И вести себя стали лучше на улицах. Не толкаются, не сквернословят. И, главное, на улице редко встретишь пьяного, не то что раньше. В прежние времена, особенно в бедных кварталах, часто попадались пьяные, спавшие прямо на обочине дороги. Сейчас, сколько мы не ездим с Режисом и Пиором в город, такого не видели.

Домой мы возвращаемся за полночь. Сначала мы идем проводить Пиора, потом уже отправляемся к себе. Мы заглядываем в комнату к младшим детям и, как музыку, слушаем их мирное посапывание. Они спят, и мы, прикрыв к ним дверь, зажигаем свет в гостиной, чтобы еще чуть-чуть молча посидеть вместе. Суббота ведь это такой день, когда никуда не надо спешить, и можно просто посидеть и помолчать.

Глава XIV.

Табак был собран, высушен и продан, и дни стали короче, а ночи — длиннее. И когда настала осень, меня охватило беспокойство. Чем бы я ни занималась, мне все время шла на ум мадам Альфонс. Прямо наваждение какое-то. Это продолжалось несколько дней подряд, потом я не выдержала и сказала Режису:

— Тебе надо поехать к маме.

Я произнесла это столь уверенным тоном, что он заволновался:

— Оттуда что-нибудь сообщали? Она здорова?

— Я не знаю, Режис, но...

Я не стала договаривать, да и как объяснить, что просто чувствую беду. И я ответила, что ничего не знаю, а сказала ему о маме просто потому, что мы давно уже у нее не были. И все-таки он заволновался. И не отставал от меня, пока я ему не рассказала о своих опасениях. Мужчины обычно подсмеиваются над женскими предчувствиями, а Режис смеяться не стал. Наоборот, отнесся к моим словам достаточно серьезно.

— Может, ты, действительно, съездишь к ней завтра? — спросил он. — У тебя ведь нет завтра уроков, а мне, боюсь, никак не отпроситься с работы.

— Если хочешь, я съезжу завтра с утра.

— Хорошо. А я, если ничего не случится, навещу ее в воскресенье.

На том мы и порешили. На другое утро я выехала к мадам Альфонс, и к полудню добралась до места. Предчувствия не обманули меня. Я вошла в дом, и впервые меня не встретили радостными возгласами. Я едва разглядела старушку. Съездившаяся, словно усохшая, мадам Альфонс вжалась в кресло. Когда я

подошла, я увидела, что она дрожит мелкой дрожью. Ее знобило. Огня в печке не было, и я поняла, что болезнь ее застала прямо тут, в кресле, и она уже долго сидит так, не в силах даже встать и приготовить себе что-нибудь поесть.

Как я была довольна, что доверилась беспокойству и поехала. Поздоровавшись с мадам Альфонс, которая тихим голосом пробормотала приветствие, я отправилась на кухню. Я подогрела воду, умыла ее и уложила в постель. Потом заварила немного лимонного чая. Он отлично выгоняет хворь, и напоила им мадам Альфонс.

Надо было вернуться домой и сообщить обо всем Режису, но я не могла бросить старуху в таком состоянии. Я пошла к соседке, и она обещала зайти вечером. Это было неплохо, но в таком состоянии она не могла и часу оставаться одна, а я не знала, что предпринять. К счастью, тот самый парень, по имени, Архангел, который тогда так здорово припугнул Режиса, решил проведать старушку. Он очень удивился, когда ему навстречу вышла я. Он знал, что мы с Режисом теперь навешаем мадам Альфонс, но день был будний, а мы обычно приезжали по воскресеньям. И он сразу смекнул, что мадам Альфонс плохо.

Когда я рассказала ему, что у нее жар, и она даже говорит с трудом, он очень расстроился.

— Мать у меня рано умерла, — объяснил он мне, — а она для меня, как вторая мама. Когда-то она обо мне заботилась, а теперь я ее стараюсь проведать в любое свободное время. Неужели все так плохо?

— Я не знаю, — ответила я. — Но оставлять одну ее сейчас нельзя. А мне надо предупредить Режиса, он должен сам приехать сюда.

— Ладно! Я сейчас еду на своем грузовике в ту сторону. Я сделаю небольшой крюк и заскочу к вам домой.

Он решил перед отъездом зайти на минутку в спальню мадам Альфонс, чтобы сказать ей несколько ободряющих слов. Когда он вышел, на него больно было смотреть. В глазах стояли слезы, а губы дрожали. Он всхлипывал, как ребенок, и, видимо, застыдившись моего присутствия, быстро пошел к машине.

— Я заеду к Режису, — только и выдавил он на прощание.

Я влетела в спальню мадам Альфонс и едва взглянула на постель, как поняла все. Моя свекровь лежала очень прямо. Голова ее была запрокинута, руки свесились вниз, как плети. Ее не было с нами. Она покинула этот мир так же, как жила. Она никогда не докучала ближним своими невзгодами. Больше всего она боялась оказаться людям в тягость. Вот и на смертном одре даже в последний миг не пожелала позвать никого на помощь. Точно расстроить нас боялась и предпочла тихо скончаться в одиночестве. Мне часто до этого казалось, что навещать свекровь — моя обязанность, как бы много ни теряла я на это времени. А теперь у меня просто сердце сжалось, когда я подумала, что больше никогда не услышу ее возгласа: «Сильвия приехала! Какая радость!». Она больше ничего никогда мне не скажет. Никогда уже не обнимет внуков. И никогда больше мы не сможем доставить ей радости, собравшись всей семьей за ее столом. Какое-то время я простояла у ее постели как в забытьи, и когда очнулась, поняла, что плачу навзрыд.

Жизнь многому меня научила. В частности, как бы горько мне не было, я умею не терять голову. Поэтому я взяла себя в руки и отправилась на кухню. Надо было собрать старушку в последний путь, и я поставила воду, чтобы обмыть тело. Хорошо еще, что запасливая мадам Альфонс сохранила большой старый котелок. Теперь таких не делают, а в моем скорбном деле он мне очень оказался кстати. Пока я

убирала мадам Альфонс, Архангел известил всех о печальном событии. За Режиом он не поехал, но договорился, что того известят по радио о смерти матери. Архангел действительно оказался молодцом. Режис быстро получил извещение, и к началу поминания под деревом он уже прибыл в Каскад. Когда он вошел в дом, старушка уже лежала в гостиной. Традиционное дерево бадам мы заменили ветвями жакоба, под которым так любила сидеть покойная. Потом собравшиеся начали вспоминать ее. Народу скопилось столько, что негде было ступить, и почти каждому хотелось сказать доброе слово о мадам Альфонс. Я слушала людей и думала, что дух мадам Альфонс, наверное, доволен. После такого поминания он не будет, как неприкаянный, бродить среди живых и соединится с мертвыми.

Когда обряд закончился, я заметила, что Архангел отвел Режию в сторону и что-то говорит ему. Я прислушалась.

— Давай, выкладывай денежки! — строго приказал Архангел моему мужу. — Я знаю, ты не очень-то щедр, а я заплатил за то, чтоб тебя известили по радио.

— Да, да, — с готовностью откликнулся Режис. — Я как раз хотел спросить, сколько я тебе должен.

И он полез в карман за деньгами. Архангел стоял изумленный. Мы виделись с ним несколько раз у мадам Альфонс, и он, кажется, должен был понять, что Режис стал совсем другим человеком. Но, видимо, старая обида не проходила, и Архангел никак не мог простить Режию, что он так дурно обходился с матерью. Когда Режис достал бумажник, Архангел замахал руками:

— Да брось ты! — грохнул он так громко, что люди начали оглядываться на них. — Мы с тобой одно горе переживаем, и не возьму я от тебя ничего! — Он

хлопнул Режиса по плечу. Я отошла: у меня было много забот, но когда я вернулась обратно в гостиную, они все еще стояли и разговаривали. И я подумала, что лучше, пожалуй, и не почтишь память мадам Альфонс. Она так любила и сына, и Архангела. И была бы очень рада, что они, наконец, помирились.

К началу следующего дня мы с Режисом и даже здоровенный Архангел едва ноги таскали от усталости. Хорошо хоть люди разделяли наше горе и заботились о нас, как могли. Когда я думала, что уже и шага больше не ступлю, какая-то заботливая рука протянула мне чашку крепкого кофе, и это взбодрило меня. С утра было очень жарко, и видя, как всем хочется пить, один лавочник привез целый ящик лимонада.

Когда настало время панихиды в церкви и похорон, народу собралось еще больше, чем вчера. Я, честно говоря, боялась, что провожать в последний путь свекровь никто не придет. А вот на тебе: она жила, на первый взгляд, тихо и нелюдимо, но люди, оказывается, любили ее. Кроме того, из рассказов мы выяснили, что она делала очень много добра. Иногда последними грошами делилась с теми, кто в этом нуждался. Ну, а уж посочувствовать, дать совет или помочь — это она всегда была готова. После панихиды, когда гроб надо было нести к могиле, отбоя не было от добровольных носильщиков. Архангел даже начал отпихивать лишних, потому что желающих оказалось слишком много, и они уже не помогали друг другу, а только толкались. А когда в десять вечера мы опустили мадам Альфонс в могилу, с кладбища на улицу потекла огромная толпа. И я опять подумала, что лучше почтить мадам Альфонс невозможно. Она всегда любила людей и радовалась, как ребенок, когда к ней приходили гости. И вот теперь, когда мы с Режисом уезжали в Катр-Бори, у нас было та-

кое чувство, словно мы нанесли последний визит мадам Альфонс. Нам было очень грустно, и у Режиса слезы стояли в глазах, но это была светлая печаль. И когда я сказала об этом Режису, он ответил мне то, что думала я сама:

— Ты знаешь, мне все кажется, будто не мы хоронили маму, а она сама собрала нас всех — и тебя, и меня, и соседей, чтобы послать нам свое благословение.

Я понимала его, и мне нечего было добавить к его словам. И на протяжении всего пути домой мы больше не заговаривали ни о чем. Время от времени переглядывались, и этого было достаточно.

Глава XV

Едва мы оправились после похорон мадам Альфонс, как на меня свалились новые беспокойства. Я стала замечать, что Режис плохо выглядит. Сначала я приписывала это удару, который он пережил со смертью матери. Но шло время, а Режис не поправлялся. Он похудел, стал нервный. Потом прошло еще какое-то время, и его худоба стала бросаться в глаза: одежда на нем висела, как на палке. Но он ни на что не жаловался. И видя, как он тихо тает, я не выдержала и спросила:

— Режис, что с тобой? У тебя что-нибудь болит?

— С чего это ты взяла? Я не чувствую ничего необычного. По-моему, все в порядке.

— И все же твой вид меня тревожит, — не сдавалась я. — Посмотри, как ты похудел. Тебе надо сходить к врачу, иначе может быть поздно.

— Да что ты, в самом деле, хоронить меня собралась? Все тебе померещилось. — Он явно был недоволен разговором, который я затеяла, и, по всему видно, старался как можно быстрее прекратить его.

Но и я не собиралась так быстро сдаваться. Я помнила, как он едва не умер в больнице от ущемления грыжи, и теперь боялась. И уж если я начала говорить с ним об этом, я решила довести дело до конца. Но он никак не сдавался. Ему непременно хотелось доказать, что он здоров, и он приводил мне все новые доводы, свидетельствующие об этом.

— Я работаю нормально. Ем нормально. Сплю тоже хорошо. По утрам встаю без болей и жалоб на то, что недосыпаю. Чего тебе еще надо?

— Ничего, Режис,— старалась я как можно спокойнее продолжать свою линию.— Но я вижу, что ты от меня что-то скрываешь.

— Черт побери!— он раздраженно стукнул кулаком по столу.— Если бы ты знала, как меня угнетает твоя подозрительность! Да ничего, пойми ты, ничего я от тебя не скрываю! Ну, как мне доказать это?

Он встал со стула и начал раздраженно ходить по комнате. Но если я позволю ему замять разговор о его здоровье, он постарается, чтобы я еще долго не возвращалась к этой теме.

— Режис, прости меня за навязчивость, но я твоя жена. И я должна знать все. Я рада, если ты себя хорошо чувствуешь, но меня беспокоит твой вид, и согласись просто для моего спокойствия показаться врачу. Ты пойми, меня ведь не обманешь. Да, ты работаешь и бодрисься, как можешь, но я-то люблю тебя, и поэтому вижу: ты все делаешь из последних сил, иногда, идя с работы, ты еле ноги волочишь.

— Что ты мне все твердишь про мой вид?— буркнул он.— Вид, как вид Я всегда так выгляжу.

— Да ты посмотри на себя в зеркало,— не выдержала я.

— Зеркало не лекарство. Что мне, легче оттого, что я посмотрюсь в него?

Видимо, я допекла его, и са уже не смог таиться. Он проговорился, и я поняла, что он просто боится. Ему явно было плохо, но он страшился врачей, как страшатся судьи, выносящего смертный приговор. И я решила больше не теребить его в тот день. Надо было выждать какое-то время, чтобы он успокоился. Но с тех пор я стала замечать, что он все больше тревожится. Он меньше прежнего стал есть, и настроение у него день ото дня ухудшалось. Он мало разговаривал с детьми, со мной же и подавно молчал, и нередко, сидя за рукоделием, я ловила на себе его пристальные взгляды. Он будто хотел со мной заговорить, но никак не решался.

Наконец, настал день, когда он пришел с работы какой-то особенно встревоженный и подавленный. Он принес сетку свежей рыбы, но не понес ее, как обычно, на кухню, а повесил на гвоздь в прихожей. Я хотела приготовить ему чай, но не успела заварить, как он позвал меня на веранду.

— Еда подождет, Сильвия. Мне надо с тобой поговорить.

Когда я вошла на веранду, я растерялась. Режис сидел за столом и плакал, закрыв лицо руками.

— Режис, милый, что случилось?— бросилась я к нему.

— Я болен,— проговорил он, всхлипывая.— Я дурак, Сильвия. Мне казалось, если я не буду обращать внимания, болезнь оставит меня. Но теперь я понимаю: моя песенка спета.

— Ох уж эти мужчины! То он здоров, как бык, то сразу в могилу собрался. Просто надо пойти к доктору, чтобы он осмотрел тебя.

Мне самой было страшно, но я старалась его приободрить, да и надежды я не теряла, хотя мне было ясно, что заболел Режис серьезно.

— Да, Сильвия, я пойду завтра к доктору.

— Вот и хорошо, — я погладила его по голове, и он начал успокаиваться.

А я долго еще говорила ему разные утешительные слова и строила планы на будущее, и в конце концов добилась того, что он поверил: врач найдет способ помочь ему.

Хотя я очень боялась, что дело дрянь, мои слова, с которыми я обращалась к Режису, оказались провидческими. Несмотря на то, что Режис казался мне чуть ли не умирающим, врач не нашел у него ничего страшного. У Режиса оказалось просто нервное истощение. Пять дней освобождения от работы и курс уколов преобразили его. У него даже аппетит появился, а ведь последнее время его тошнило от одного вида еды.

Говорят, век живи, век учишься. Я думала, что знаю Режиса, как облупленного, но, значит, даже я понимаю его не до конца. Я долго ломала голову, чем вызвана болезнь Режиса, и только Тинтин меня надоумил:

— А ты не заметила, что он заболел сразу после похорон мадам Альфонс? — спросил он меня.

— Но ведь уже прошло столько времени после этого.

Тинтин в ответ только рукой махнул.

— Время не всегда лечит, — сказал он. — Режис до сих пор места себе не находит. Он тоскует по матери. Он мне однажды сам в этом признался.

— Но он и в лучшие времена не так уж часто к ней наведывался, — удивилась я.

— Удивляюсь я тебе, сестра. Ты уже взрослая и даже стареть начала, а мир воспринимаешь в двух красках. Чувства-то разные бывают. Режис, видно, относится к тому типу сыновей, которые считают мать существом вечным. Они даже могут искренне считать, что мать им не особенно нужна. И видется могут редко. А все-таки их что-то прочно связывает.

И стоит матери покинуть этот мир, как на сына такая тоска накатывает, в пору хоть руки на себя наложить. Ты погляди внимательно на Режиса. Со здоровьем у него сейчас получше стало. А какой он все равно мрачный ходит. Часами сидит один и о чем-то думает. Точно ему надо что-то решить, а вот что — он и не знает.

Мудрый Тинтин и тут оказался прав. Я стала внимательнее приглядываться к мужу и поняла, что его действительно гложет госка. Мне всегда казалось, что они с матерью непохожи и не очень-то понимают друг друга. А на самом деле Режис был искренне привязан к мадам Альфонс. Только стеснялся показывать это. А теперь его состояние оказалось красноречивее всяких слов. А как-то утром Режис сказал мне:

— Сильвия, я в воскресенье поеду в Каскад.

— Чего ты там забыл? — удивилась я.

— Я ничего не забыл, — ответил он серьезно. — Я, наоборот, все помню. И хочу отнести цветы на могилу маме.

— Ну конечно, поезжай. Дома я со всем управлюсь сама.

И он поехал. И поездка эта подействовала на него, как на верующего паломничество к святым местам. Он приехал успокоенный и в глазах у него уже не было затаенной тоски, которая заставляла всех смущенно умолкать, лишь только он появлялся в доме. И с детьми он с тех пор стал опять разговорчивее.

Я пошла на берег реки, чтобы собрать траву для нового веника. Пока я собирала, история с Режисом не выходила у меня из головы, я еще раз ее мысленно пережила. И тогда поняла: никому не дано прожить без грусти об ушедших близких. А саму жизнь можно уподобить бамбуку: он достаточно гибок, но если его гнуть слишком грубо, он не выдержит и слома-

ется. Я подумала, что вовремя начала с Режисом разговор о здоровье. Ведь врач сказал, что если бы болезнь вовремя не остановили, Режис мог погибнуть: нервные болезни, как правило, выливаются в физические недуги.

У меня в доме только и забот, что чинить детскую одежду. Старшие уже приучились к аккуратности, а младшие каждый день приходят из школы с дырами, — то на колене, а то на рукаве. Терпеть не могу матерей, у которых дети ходят оборванные, и Режис тоже этого не любит, вот и приходится мне после занятий сидеть вечером с иголкой в руках. Но разве можно на это сетовать, когда в семье все здоровы, нормально учатся и работают, и если на что и жалуются, так на усталость вечером. Правда, какое-то чувство мне подсказывало, что недолго осталось сидеть и отдыхать с иголкой в руках после работы. У меня всегда так: спокойствие надолго не устанавливается; если в семье все нормально, так непременно с кем-нибудь из знакомых приключится беда. И хоть было вроде все тихо, я уже некоторое время сидела по вечерам в каком-то тревожном ожидании.

Видно, жизнь меня трепала не зря, и в результате всех своих страданий, я обрела дар предчувствия. Потому что не прошло и шести дней с начала моих тревог, как однажды вечером я заметила у ограды чело- века. Сперва не обратила внимания, — мало ли кому из соседей захочется опереться о нашу калитку. Но потом человек поздоровался и заговорил, назвав меня по имени. Я не разглядела, кто там стоит, но в свою очередь ответила:

— Здравствуйте, заходите. Не бойтесь.

Человек пошел по направлению к дому, но походка выдавала такую робость, будто пришелец только и мечтал смыться обратно. Я не торопила его. А ког-

да, наконец, человек подошел близко, я узнала, кто это. Это была моя крестница Алин, которая не навещала меня уже целую вечность.

— Откуда тебя принесло, да еще так поздно?— удивилась я.

— Простите меня, крестная! Я приехала вас навес-
тить!

— Да ну! — всплеснула я руками. — Но что-то у тебя не очень праздный вид. С таким грустным лицом в гости не ездят.

— Крестная, мне нужно укрыться у вас.

— Вот это другое дело, — ответила я уже более дружелюбно (терпеть не могу, когда меня водят за нос!).

Я привела ее в дом, и она мне рассказала свою историю. Оказывается, она решила у меня найти убежище от праведного гнева своих родителей.

— Что же ты натворила? — полюбопытствовала я.

Она в отчаянии всплеснула руками:

— Да в том-то и дело, что ничего! Но это все равно.

— Как все равно? — я уже начала сердиться на нее за этот поток неясных намеков. И я добавила довольно строго: — В общем так, или ты мне выкладываешь все начистоту, или сейчас же отправляйся домой.

По ее отчаянию и худобе я догадывалась, что с ней произошла не такая уж необычная для молодых девушек история. Но я хотела услышать все от нее самой и терпеливо слушала ее сбивчивый рассказ, который она то и дело прерывала то оханьями, а то и рыданиями. Мне с трудом удавалось сдерживаться и не торопить ее. Но я понимала: признание дается ей нелегко, и тут надо вести себя подобно опытному рыбаку. Ни одного резкого движения. Он тянет медленно и плавно. Таким образом и рыба оказывается в лод-

ке и леска цела. Вот и я, как опытный рыбак, тащи-
ла Алин в лодку откровений.

— Я не знаю, как сказать, крестная,— наконец произнесла она.

— Да так и говори,— посоветовала я.

— Но вдруг ваши дети вернутся из школы и подслушают?

— Не волнуйся. Они никогда не таятся за дверью.

— Крестная, милая, прости меня!— вдруг запричитала она.

— Я не могу прощать за то, о чем не знаю,— невозмутимо ответила я.

— Я... Я беременна!— выпалила она с таким выражением, будто до этого на свете никто никогда не беременел.

— Давно? — перешла я к делу.

— Уже семь недель.

— От кого?

— Один мой друг... Он...

— Когда ты поняла, что беременна, ты ничего не пыталась предпринять...

— Он сказал мне, что надо выкручиваться, и дал какие-то таблетки. Я приняла.

— И даже не поинтересовалась, что принимаешь?

— Да не все ли мне было равно, крестная!— и она снова заплакала.

Теперь было все ясно, и голова моя лихорадочно заработала. Эта бедная глупышка думала, что может укрыться у меня ото всех бед. Но раз она пришла ко мне, надо было помочь ей. И я думала, что делать. Самое лучшее, что пришло мне на ум, оставить ее ночевать, а тем временем попытаться выведать подробности. Может, тогда мне яснее будет, как поступить.

Когда я ей объяснила, что она может остаться у меня, девушка совсем успокоилась. Бедняжка, ей бы-

ло уже шестнадцать лет, а она была наивна, как малый ребенок. Она думала, что ее страдания кончились, в то время как настоящая борьба только началась.

Я дала ей выпить лимонада. Потом она рассказала мне про своего дружка. Видимо, это был один из тех молодых гуляк, которые любят походя срывать цветы с кустов. Они познакомились на курсах машинописи. Это был парень с побережья Бо Валлон, и он приезжал на занятия на собственном автомобиле. Он быстро заметил Алин и предложил ей покататься. Она отказалась. Тогда он пригласил другую девушку. Бедная дурочка сразу попала на эту удочку, и на другой день без пререканий полезла в его машину. Бертран отвез ее на пляж. Результатом этой поездки было то, что крестница приехала навестить крестную, которую не навещала уже много времени.

— Ты хоть знаешь, сколько ему лет?

— Мне он сказал, что ему двадцать четыре. Но Стефанет уверяет, что все двадцать восемь.

— Кто такая Стефанет?

— Та девушка, которую он тогда усадил в машину. Она оказалась его кузиной.

«Ну и негодяй!»— подумала я про себя. Но вслух не стала ничего говорить. Словами горю не поможешь, надо действовать. И я без обиняков выложила Алин план действий:

— До завтра можешь оставаться у меня. Но потом ты вернешься домой и расскажешь обо всем родителям.

— Нет!— закричала она.— Лучше я поеду жить к какой-нибудь из своих подруг.

— Э, нет,— подруги тебе не помогут.— К тому же надо расплачиваться за свои грехи.— Ведь никто кроме тебя не виноват, что ты бросилась на шею первому встречному и теперь носишь в животе незакон-

ного ребенка. Конечно, Бертран твой тоже порядочный ротозей...

— Но папа с мамой убьют меня.

— Не говори глупости. Я, так уж и быть, поеду с тобой. Попробую помирить тебя с родителями.

Мое предложение ее ободрило, и она, успокоившись, пошла спать. Я ее уложила, а сама еще долго не могла уснуть. Меня эта история выбила из колеи, и Режис, когда я ему рассказала все, сказал, что я поступаю правильно.

— Надо поехать и помочь ей,— сказал он.— А я завтра сам покормлю детей.— Найти бы этого негодяя!— он сжал кулаки.— И проучить как следует.

Режис побушевал еще немного на сон грядущий, а потом тоже заснул. А я еще долго ворочалась рядом с ним с боку на бок. Меня даже на какое-то время досада взяла. Всем от меня что-то надо. Они грешат, каются, а я им помогай и отдувайся за них. Но я вспомнила, как часто люди приходили на выручку мне самой, и меня начал мучить стыд. Ведь во что превратился бы мир, если бы все думали только, чтобы лишний раз не тревожиться. И я перестала роптать на судьбу. Я просто лишний раз поняла, что у каждого свой удел. И если ко мне идут за помощью, значит, таково мое предназначение. И надо стараться выполнить его как можно лучше.

Глава XVI

Когда на другой день мы с Алин приехали к ней домой, выяснилась забавная история. Фифью, Алининой матери, дома не оказалось, потом она, правда, пришла и сказала:

— Ах, Сильвия, как я рада тебя видеть! Ты знаешь, у меня для тебя есть новость. Я только что была в консультации, и мне сказали, что я жду ребенка. Так что, жди появления нового крестника или крестницы.

Я, конечно повосторгалась, да, в общем-то, я искренне была за Фифью. Но мы-то с Алин в хорошенькое положение попали. И я подумала: «Ну и везет же тебе, Сильвия! Вечно приходится распутывать такие клубки, что дух захватывает.

Но делать было нечего. Я уже приехала, и отступить было поздно. К счастью, Фифью пока занялась тем, что накинулась на Алин, и пока она верещала что-то насчет негодных девчонок, которые не являются ночевать домой, у меня было время пораскинуть мозгами. Наконец, я почувствовала, что котелок мой начал если не варить, то, во всяком случае, хоть чуть-чуть разогреваться, и тогда я решила прервать поток любезностей, коими мать в обилии угощала Алин.

— Брось ругать ее понапрасну,— сказала я.— Она ночевала у меня.

— Ну, так сразу бы и сказали,— ответила Фифью совсем другим тоном.— Чего вы меня волнуете зря.

— Так ты же не спрашивала,— начала я исподволь. И поневоле подумала, как вытянется у Фифью лицо, когда я ей преподнесу нашу с Алин новость.

— Ты так давно не была у нас, Сильвия. Да и мы, что греха таить, долго тебя не нарещали.— тем временем говорила Фифью.— А тут вдруг и Алин к тебе пожаловала, и ты вслед за ней приехала к нам. Я, конечно, очень рада, но все-таки не случилось ли чего?

— Да как тебе сказать. Случилось не случилось, а у нас с тобой, Фифью, один повод для волнений.

— Я надеюсь, мой брат здоров?

— Успокойся, с Режисом все в порядке. Я пришла поговорить о том, что происходит в твоём доме.

— И что же в нем происходит?— Фифью явно начала волноваться.

— Да так. Не очень приятная история,— брякнула я и почувствовала, что еще подлила масла в огонь.

Вообще, я как бы смотрела на себя со стороны и понимала, что меня несет бог весть куда. Но я уже не могла остановиться. Да и все равно надо было довести дело до конца. Махнув рукой на всякие предосторожности и подходы я прямо так и брякнула:

— Слушай, Фифью, ты за Алин хорошо приглядывала?

— Моя дочь взрослая, воспитанная девушка. Она учится на курсах машинописи в городе. Туда, знаешь ли, Сильвия, принимают далеко не всех. В общем, мне не на что пожаловаться!

«Бог ты мой,— думала я.— Сколько же гордыни сейчас в твоём голосе». У меня прорезалось какое-то ехидство, и я предвкушала, как собью с нее спесь. Нет, я не имею ничего против этого семейства, а Алин так просто люблю. Но я не люблю, когда люди кичатся по пустякам, и стараются показаться ближним лучше, чем есть на самом деле. Я считаю, что таких гордецов надо ставить на место. И я, напустив на себя как можно более значительный вид, заметила:

— Это, конечно, хорошо, что Алин учится. Однако нынешние дети научились рано постигать не только науки, но и кое-что другое...

— Ты на что намекаешь? — спросила она.

— Я не намекаю, я говорю. И если тебе интересно, слушай и не перебивай. Вообще-то, если бы ты была заботливой матерью, а не кидалась, как сейчас, на дочь с кулаками при первом же недоразумении, ты бы раньше меня узнала все.

— Да можешь ты мне, наконец, сказать что случилось? — в ее голосе теперь звучала неподдельная тревога.

— Случилось то, что в свое время случалось и с нами, и с нашими матерями, и с бабушками, а задолго до этого — с Адамом и Евой...

Я нарочно не торопилась. Я чувствовала, что моя медлительность подогревает Фифью, как кастрюлю на огне. А мне того и надо было.

— Ты хочешь сказать, что Алин потеряла девственность?— наконец воскликнула Фифью.

— Хочу,— ответила я,— но это только часть новости, которую мы с Алин тебе принесли.

— Только не говори мне, что она беременна!— закричала Фифью.

— А чего тут говорить, когда это так и есть. Бедная девочка и так страдает. А тут еще испугалась сказать это тебе и предпочла убежать из дома. Скажи спасибо, что я привела ее обратно. Но, впрочем, если ты будешь над ней измываться, я ее возьму жить к себе. У нас много детей, лишний не помешает.

Похоже, что мои слова подействовали на Фифью отрезвляюще. Во всяком случае ее грозные речи сменила подлинная растерянность, когда она спросила:

— Что же мы теперь будем делать? Вместо приданого на одного ребенка, придется готовить на двух?

— Знаешь, дорогая, по-моему, это не самое большое несчастье в жизни. Подумай: ведь человек родится. Радоваться надо.

— Радуйся, не радуйся,— вздохнула Фифью,— а на улицу не выбросишь. Что ж, будем растить двоих.

«Ну молодчина, Сильвия,— сказала я о себе.— Надо же так ловко повернуть это дело. Ведь и двадцати минут не прошло, как она изменилась». И я подумала, что чутье у меня все-таки верное. Сколько раз оно выводило меня из самых трудных положений. Вот и сейчас говорила, а сама думала: «И куда тебя несет, Сильвия, зачем ты Фифью пугаешь больше, чем надо. А оказалось правильно. Видно, пока я тянула время, Фифью такого себе навоображала, что восприняла новость чуть ли не с облегчением. И я пошла звать Алин, которая с испугу убежала во двор. Она пришла и, уви-

дев, что мать не сердится, рассказала ей свою историю с Бертраном.

Оказалось, что тот все-таки обещал на ней жениться, когда понял, что ей не удалось избавиться от ребенка. Он сказал, что поговорит об этом со своими родителями, но пока что так и не поговорил. В общем, этот Бертран, судя по рассказам бедной девочки, вел себя как настоящий проходимец. Сначала, чтобы подогреть интерес к себе, усадил в машину двоюродную сестру, потом воспользовался доверчивостью девочки, которая, подобно неразумной рыбе, проглотила крючок вместе с приманкой. И теперь рискует родить ребенка без мужа.

— Ну и что?— обратилась Фифью к Алин.— Он действительно может на тебе жениться?

— Я не знаю, мама,— простодушно ответила дочь.— Я вообще не знаю, где он сейчас находится. Он уже много дней не появлялся на занятиях, и никто не знает, как его найти.

Фифью покачала головой, но упрекать дочь не стала, да и в чем ее можно было упрекнуть, кроме чрезмерной доверчивости? Алин снова стала проситься ко мне. Я бы рада ее принять, но не хочу обидеть ее родителей. К тому же у меня не так много времени, а у них Алин — единственная дочь, и они смогут как следует позаботиться о ней. И я для острастки напустила на себя строгий вид. Сказала, что у меня в доме полно детей, поэтому я не могу ее принять.

Когда я уезжала, они с матерью относились друг к другу вполне сносно. Правда, я напрасно думала, что гроза миновала. Как потом выяснилось, Рафаэль, отец Алин, узнав новость, чуть не разнес весь дом в щепы. Сначала он обозвал жену и дочь продажными девками, потом велел им убираться из дома. Потом сказал, что дочь пусть, так уж и быть, остается, а жена, раз она такая дура, пусть отправляется искать этого негодяя и пока не найдет, он на порог ее не пустит.

Что делать, Фифью отправилась на поиски. Неизвестно, сколько времени она бы проплутала, если бы не догадалась обратиться к старой подруге Берте. Та, кроме того, что была ее подругой, еще слыла первой силетницей в нашей округе. Она знала все обо всех, и лишь только Фифью заикнулась о Бертрane, сказала:

— Я знаю парня твоей дочери. И где он работает тоже знаю. Я вообще все знаю!— гордо заявила она.

— Тогда скажи мне,— попросила Фифью.

— Уж не думаешь ли ты отправиться к нему?— удивилась Берта.

Когда Фифью сказала ей, что именно это она и намеревается сделать, Берта предложила ей идти вместе.

— Во-первых, это далеко,— объяснила она.— А потом это такой фрукт, что тебе одной с ним не справиться.

И они отправились в Данзиль, где этот молодчик работал барменом. Но там им сказали, что Бертран взял отпуск и укатил с приятелем на дамбу. Фифью и так была вымотана до предела, а тут еще перспектива прокатиться часок-другой на попутной машине до дамбы. Это было выше ее сил. Тогда Берта приняла решение:

— Чем нам тащиться за этим прохвостом невесть куда, давай лучше отправимся в Бель Эр. Там живет мать Бертрана, у нее мы все и выясним.

Йою,— так звали мать Бертрана,— поначалу вообще их не хотела пускать в дом. Она заявила, что занята и ей не до гостей. Но когда Берта растолковала ей, в какое положение поставил бедную девочку ее сынок, она все-таки пригласила их войти. Правда, она все равно разговаривала с ними по-хамски, и все пыталась выгородить Бертрана.

— Вы так мне обо всем сказали, будто мой сын совершил преступление,— сказала она.

— Нет, мадам,— возразила Фифью.— Я пришла вовсе не для того, чтобы обвинить в чем-нибудь вашего сына. Я хочу узнать, как он намерен поступить по отношению к Алин в дальнейшем.

— А что ему поступать или не поступать? Что он, единственный, кто спал с вашей дочерью? Подумаешь, встретился разок. Сейчас у молодежи это сплошь и рядом.

— Вы не за ту принимаете мою дочь,— постаралась как можно спокойнее возразить Фифью.— Бертран у нее был первый, и она верила, что он на ней женится.

— А вы нас не пугайте,— заявила Йою.— Нет такого закона, чтобы получить насильно кого хочешь в мужа. И даже нынешнее правительство вам в этом не поможет.

Словом, эта мегера не желала ничего признавать, и бедная Фифью сложила оружие. Даже Берта с ее бойким язычком была бессильна. Ее хватило только на то, чтобы пообещать на прощание Йою и ее сыну множество неприятностей. Мамаша Бертрана, по словам Фифью, немного струхнула, но и только.

Самое страшное, по мнению Фифью, было даже не то, что и Бертран, и его мать оказались проходимцами. «Растут дети без отцов и не умирают. Как-нибудь и мы вырастим,— говорила она мне.— Но вот как бы Рафаэль чего не натворил».— Она объяснила, что когда вернулась домой и рассказала все мужу, от не стал больше ни скандалить, ни ругаться. Он только, сжав зубы, пробормотал, что теперь сам знает, что делать.

По мнению Фифью, такая реакция была страшнее любого скандала. Потому что в семье Рафаэля издавна привыкли не прощать оскорблений и мстить обидчикам. И то, что Рафаэль больше не гневался ни на жену, ни на дочь, по мнению Фифью, означало, что он задумал сам расправиться с Бертраном. И Фифью боялась, как бы из-за этого Рафаэль не пошел на преступ-

ленно. Я тоже этого боялась: Рафаэль был из тех сдержанных людей, гнев которых, если выльется наружу, страшен. К тому же он обожал дочь, и не мог примириться даже с мыслью, что девочку может кто-то обидеть. А тут такой удар по его отцовскому самолюбию. Но как бы мы ни боялись, поделаться тут что-нибудь было трудно. Не могли же мы следить за Рафаэлем,—не тот он был человек, чтобы позволить это. И мы с Фифью уповали на судьбу. Сами же, как могли, старались опекать Алин, которая так страдала, что ее было жалко до слез.

Глава XVII

История, так взволновавшая обе семьи, разрешилась неожиданным образом. Я помню, что это произошло в воскресенье. Мы проснулись и включили радио, как раз когда передавали объявления о смерти. Имена нам показались знакомыми, и мы прислушались внимательнее. «Родственники, друзья и знакомые, — говорил диктор, — с прискорбием сообщают, что, в результате несчастного случая, безвременно скончался Бертран Буде. Тело покойного находится у его матери. Йоно в Бель Эр. Сведения о похоронах будут объявлены дополнительно».

Сплетница Берта, пообещав Йоно и ее сыну множество неприятностей, словно в воду глядела, и как только услышала о несчастье, тут же пожаловала к нам:

— Ну и дела, — тараторила она. — Бог ему, конечно, судья. Да только прежде, чем предстать перед богом, он совратил столько девочек, что грехов на пятерых хватит. Вот и получилось прямо как в писании: «И рыл яму и попал в нее сам». Только тут по-другому надо сказать: совращал неискушенных, а потом свернул голову во цвете лет.

У Берты язык без костей. Она что услышит, то и разносит по округе. Но и у нее, видно, есть совесть. Ведь она только теперь рассказала все, что ей известно о Бертрane. Он пользовался и своей внешностью, и тем, что для многих девочек красивый молодой человек с собственной машиной — чуть ли не предел мечтаний. В основном он заманивал в свою машину школьниц, а когда окручивал очередную простушку, поступал также, как с Алин. Обещал жениться, а потом смывался куда-нибудь на месяц-другой, пока скандал не затихал. Беда, что при старом правительстве такие штучки сходили с рук, и от безнаказанности Бертран совсем обнаглел.

— Почему же ты не рассказала об этом раньше? Думаю, узнав, кто такой Бертран, Фифью не стала бы понапрасну унижаться перед его матерью.

— А вдруг бы он действительно женился на Алин, — ответила Берта. — Зачем зря расстраивать и ее, и Фифью?

Чем больше я живу, тем сильнее удивляюсь: вот, оказывается, как неожиданно проявляют себя люди. Сколько о Берте плохого говорят: и трепло, и сплетница, и еще много не лестного о ней можно услышать. Да я и сама никогда всерьез ее не принимала. А на деле получается, что и Берта по-своему добра и даже благородна. И неправы те, кто утверждает, что она всегда сует нос в чужую жизнь.

Как ни плохо поступили с моими родными Бертран и его мать, я все-таки пошла выразить Йою соболезнование. Мне трудно объяснить свои чувства. Я очень люблю Алин. А моя любимая крестница носила ребенка от него. Кроме того, мне хотелось взглянуть, кто же так покори́л Алин.

Бертран даже мертвый был достаточно хорош собой. И мать у его гроба проливала слезы. Я пожалала ей руку, и она сказала мне: «Спасибо». Меня не за

что было благодарить. А вот она, как мне показалось, плакала так сильно, потому что чувствовала свою вину,— ведь, что ни говори, а это она его так воспитала. Я попросилась с ней и вышла из дома, в котором теперь никогда не бывать счастью.

Вернувшись, я застала дома Режиса, который пришел с мессы. Люди, бывшие на мессе, рассказали ему подробности. Судя по всему, Бертран собирался в очередной раз поразвлечься. В машине кроме него был еще один парень и две молоденькие девушки. Никто, кроме него, не был виноват в этой автокатастрофе. Бертран шел на недозволенной скорости и в районе Ланс Парнель не вписался в поворот. Машину так занесло, что она едва не слетела с серпантина. К счастью для других пассажиров, дерево на обочине удержало автомобиль на дороге. Парень и две девушки остались живы и попали в больницу. Бертран стукнулся головой о ветровое стекло и умер на месте.

Когда я рассказала Режису то, что узнала от Берты, он удивленно воскликнул:

— Прямо, как кара свыше! Но ты знаешь,— добавил он,— мне все таки его жаль.

— Мне больше жаль его мать. Она осталась совсем одна. А его жалеть...

— Да, я понимаю, что ты мне можешь возразить. И я не защищаю его. Но мне всегда жаль людей, которые прожили жизнь зря. Ведь его даже никто не проучил как следует. И он был столь пуст и глуп, что даже не понимал, что жил как негодяй. И умер мгновенно, не испытав даже угрызений совести. Мать, которую ты жалеешь, хоть теперь многое поймет. А ему уже и этого не дано.

— Да, Режис, я поняла тебя. Тогда мне тоже его немножко жаль. Может, хоть другим его смерть послужит уроком.

— Слабое утешение для него,— ответил Режис и горестно улыбнулся.

Так мы с мужем помянули этого парня. И больше не говорили о нем. Но ведь как получилось: то ли дух его плохо проводили в царство мертвых, и он продолжал сеять беды на земле, то ли просто за человеком плохим зло после смерти продолжается, как за хорошим — добро, но родственникам моим суждено было пережить еще одну беду.

Берта пришла к нам и рассказала, что узнав о смерти Бертрана, Алин заболела. Врачи говорили, что это была какая-то нервная болезнь. Просто она очень горевала, но так боялась отца, что никому не рассказала о своем горе. Несколько дней она молчала, забившись в угол и не отвечая на расспросы родителей. Потом у нее в животе начались боли. Сначала она и боли терпела. Что дело плохо, отец с матерью поняли, когда она стала кричать в голос. К тому времени, как пришел врач, Алин была без сознания. Ее увезли в больницу.

К счастью, оказалось, что здоровью Алин не грозила опасность, и мы в один голос с родителями принялись успокаивать ее, что она еще может найти свое счастье.

— Может, такова воля божья, и все это к лучшему?— выразила надежду Фифью.

— Не знаю уж, к лучшему ли,— мрачно ответил Рафаэль.— Но останься он жив, я бы его убил.

Шло время, и грустная эта история отодвигалась все дальше в прошлое. Но после того, что случилось с Алин, я потеряла покой. Моя Тереза уже взрослая девушка, и я каждый день со страхом приглядываюсь к ней. Вдруг и тут случится подобное? Но я поклялась себе: если даже какой-нибудь негодяй обманет ее, я не попрекну ее ни словом. Наоборот, сделаю вид, что ничего страшного не произошло. Потому

что все в природе развивается своим чередом, и девушка должна стать женщиной, а счастье не всем дается в руки. Я и Режису о том же говорю, и он со мной сперва спорил, а потом согласился.

Глава XVIII

Я еще раз почувствовала, насколько изменилась наша жизнь, когда у птиц началось гнездование. Раньше это было сумасшествие какое-то. Сейшельцы, как оглашенные, кидались в поисках яиц, кто в курятник, а кто — в ближайший лес. Нашел гнездо или несколько гнезд — молодец, обеспечишь себя запасом яиц. Не нашел — будешь сидеть без омлета. Дело иногда чуть до драки не доходило, ибо гнезд и кур в нашей округе почему-то меньше, чем любителей яиц. Иногда на одно гнездо одновременно набредали несколько человек. Вот тут-то и начиналось: тузили друг дружку чуть ли не до полусмерти. Так продолжалось десятилетиями, и потому каждый очередной сезон я ждала с опаской. Я всегда боялась, что кто-нибудь из моих домашних попадет под горячую руку соседу, а жизнь мужа или детей мне дороже омлета на завтрак, как бы мы, сейшельцы, ни любили это блюдо.

Но каково же было мое удивление, когда на этот раз, загодя я услышала объявление по радио. Диктор призывал жителей нашего и соседних поселков не волноваться и не разорять понапрасну птичьих гнезд. Он предлагал каждому из нас выкинуть эту проблему из головы, и заняться другими делами. «Все равно,— сказал диктор в заключение,— в этом и следующих годах у вас в доме будут яйца. И каждый глава семьи сможет обеспечить своих родных вареными или жареными яйцами».

«Болтай, болтай,— подумала я ехидно.— По-твоему, выходит, что к каждому из нас прилетит или курочка или другая птичка и снесет яйцо прямо на крыльцо». Да и как можно было не смеяться над таким самоуверенным заявлением. Ведь для нас, коренных сейшельцев, яйца — первое лакомство, и их всегда не хватает. Вдоволь яиц достается только богачам. Смеялась не только я, но и мои домашние. Вообще, кого ни спроси, все подтрунивали над этим объявлением, а некоторые даже говорили, что вот, мол, и новые власти иногда привирают. Но как же мы были жестоко посрамлены, когда через несколько дней к нам приехали большие грузовики, груженные коробами с яйцами.

Каждый, кто хотел, мог отправиться в Катр-Борн и за вполне умеренную плату купить в магазине столько яиц, сколько ему хотелось. Сейчас мы к этому уже привыкли, а тогда это казалось чудом. Я помню, что укладывала яйца в корзину, а сама словно чувствовала вкус омлета на губах. Да и дома, когда мы поджарили омлет, дети все никак не могли успокоиться. Нита, прежде чем съесть, отодвинула омлет на край тарелки и долго любовалась, как солнце играет на его золотистой корочке. И тут не было ничего удивительного, потому что до этого наши дети больше двух-трех раз в году омлета не пробовали. А в тот год мы просто объелись и вареными и жареными яйцами. И дошло даже до того, что блюда из яиц перестали казаться нам такими уж привлекательными. Все приедается, кроме любви к ближнему, и я в тот год особенно остро ощутила это.

А вот Ниту непривычное изобилие яиц в доме явно заинтриговало. И она измучила Режиса вопросами. Каждый раз, как на завтрак ела омлет, она начинала: — Папа, почему в птичьих яйцах вода, а в куриных воды нет?

— Курица — тоже птица,— угрюмо отвечал Режис, надеясь, видно, замять тему.

Но Нита не унималась:

— Ну да, правильно, птица. Но почему у других птиц яйца с водой, а у курицы без воды.

Я понимала Режиса. Он хотел быть всезнающим отцом, и ему было нелегко признаться, что он, так же, как Нита, не может сказать, в чем тут дело. Не его вина, что он рос в другое время, и скоро даже Нита, не говоря уж о старших детях, станет образованнее и его, и меня. Но что делать, и Режис, вздохнув, отвечает:

— Я точно не знаю, маленькая, в чем тут дело. Может, все оттого, что они едят разную пищу?

— Я бы хотела посмотреть, как дикие птицы откладывают яйца,— продолжает Нита.— Ты знаешь, где можно на них посмотреть?

— Где они кладут яйца, я не знаю. Но я могу тебе сказать, где есть много птиц,— отвечает Режис.

— А почему у нас так мало птиц?

Режис на минутку замолкает, потом с хитрецей в глазах говорит:

— У нас тут высоко, а они мимо нас пролетают еще выше. Они парят в небе, и ты можешь услышать, как они кричат, когда пролетают над нашими головами.

— Но ты мне не ответил, почему они не садятся у нас?

— Ну... — Режис замаялся.— Бабушка мне когда-то рассказывала, что птицы летят в Гран Полис, чтобы там отложить яйца. И потом высидеть птенцов. Бабушка мне говорила, что это в наказание нам. Птицы, по словам бабушки, знали, что люди, живущие на возвышенности, любят лакомиться яйцами, и боялись, что им тут не высидеть ни одного птенца. Вот и не

вили тут гнезд. И, как видишь, дочка, до сих пор не выют.

Режис прямо так и сиял. Он, действительно, здорово выкрутился и не ударил лицом в грязь перед дочерью. Все-таки, хоть образования у него не хватает, а голова хорошо работает. Я посмотрела на Ниту: она явно поверила всему, что говорил отец, и ей его объяснение понравилось. А Режис, воодушевленный этим, совсем разошелся.

— Теперь, как известно, птицы несут яйца на островах Денеф и Ремир. Они стали очень осторожны и опыты. Иногда они бросаются на тех, кто пытается собрать их яйца и клюют прямо в темечко.

— В темечко?— испуганно переспросила Нита.

— Да, да,— ответил Режис.— И горе тому, кто во время не уйдет.

Он говорил это таким важным и самоуверенным тоном, будто вычитал в книжке. И Ните все так понравилось, что, когда Режис ушел на работу, она рассказала всю эту историю кукле, которую Тинтии ей подарил на Новый год. Она хоть и ходит уже в школу, продолжает играть в куклы. Да и что тут такого, в самом деле? Разве детство кончается после того, как ребенок начинает учиться?

Изобилие птичьих яиц настолько ошеломило нас, что мы чуть было не остались без запаса рыбы. Мы просто забыли о ней, а рыбаки тоже были заняты закушкой яиц и не выходили в море. Но год был поистине полный чудес. И рыбакам не пришлось забрасывать сети, потому что море само решило выбросить свое богатство на берег. Был такой сильный прибой, что, когда начался отлив, на берегу оказалось полно самой разнообразной рыбы. Только успевай собирать, пока она не заснула. Мы с Режисом успели и многие другие тоже успели. Но рыбаки ругаются, им не до шуток. Рыба начала тухнуть, и то, что могло быть

продано на рынке, попросту пропадало даром. Мне самой было безумно жалко, но что делать, холодильников пока в стране недостаточно, и хранить такие неожиданные подарки природы нам негде.

Правда, куланы и акулы подъели все, что уже не годилось в пищу людям. Спасибо и на этом: иначе побережье на многие километры провоняло бы тухлой рыбой. Море у нас коварное, и быть рыбаком на Сейшелах — дело достаточно рискованное. На глубине бушуют сильные течения. Они сталкиваются, и несут пренасыщенную солью воду. Если смотреть в глубину, вода отливает белизной. Она клубится на дне, будто там стоят огромные котлы, из которых все время убегает молоко.

Рыбаки ждут затишья, чтобы выйти в море. Вся хитрость в том, чтобы успеть вернуться до того, как начнется ветер. Если запоздаешь, и солнце окажется в зените, можно попасть в бурю, и лодку разобьет о прибрежные скалы. Я знала многих бедняг, которые так и не вернулись домой. Их поглотила морская пучина, и кости их перемололи подводные течения. Но несчастья никого не останавливают. Рыбаки в сезон лова неплохо зарабатывают, да к тому же, как я слышала: привыкнув к морю, уже нельзя без него обойтись. Что касается нас с Режисом или Тинтина, так мы моря, честно говоря, побаиваемся. А вот труд на ферме нас все больше притягивает.

Однажды Тинтин, не спрашивая у нас согласия, привел нам корову и козу. Когда мы попробовали отказать, он сообщил, что в придачу к животным дарит нам грузовичок.

— Вы думаете, Тинтин — тиран? — засмеялся он. — Подсунул родственникам двух травоядных, и как хотите, мол, собирайте сено? Как бы не так, за сеном будете ездить на машине.

— Но откуда ты все это взял?— спросил Режис.

— Ты понимаешь,— сказал брат.— Я неожиданно обнаружил, что чересчур скопидомничал. В результате у меня скопились совершенно лишние деньги, и я их решил потратить таким вот образом.

— Опять ты нас балуешь!— сказала я.

Но, честно говоря, мы на этот раз и не пытались привередничать. Мне так понравились животные, а Режис с таким удовольствием стал заниматься грузовиком, что Тинтин сразу понял, как мы довольны.

— Ну, наконец-то, я вас воспитал, и вы перестали отказываться от того, что я все равно назад не возьму,— с довольным видом сказал он.

Теперь у нас было все для того, чтобы создать настоящую ферму, и мы с Режисом решили попробовать свои силы. Сначала мы посеяли то, что быстро растет и не требует особого опыта в уходе. Нам казалось, что, покидав семена горошка, баклажанов и салата, мы будем преспокойно ожидать, когда все это созреет. Но стоило появиться первым росткам, как нас словно подменили. Мы, как одержимые, пололи сорняки, поливали, удобряли. Детей тоже захватило это занятие, и они помогали нам по утрам и после школы. А Режис иногда даже вскакивал в середине ночи, чтобы проверить, все ли в порядке на огороде.

Урожай мы сняли отличный и тут же засеяли землю снова. Постепенно мы стали выращивать почти все овощи и фрукты, которые растут на Сейшелах. Нам так понравилось это занятие, что мы и не заметили, как наш огород начал давать очень большой урожай. Излишки мы продавали соседям или ездили на рынок.

Я теперь очень горжусь тем, что мы были первыми в своей округе, кто решил кормиться самостоятельно; мы теперь не зависели ни от магазинов, ни

от государственной торговли. Не говоря уж о том, что рыбу с овощами есть вкуснее, чем без гарнира. Сейчас многие у нас это поняли, и наверное, скоро настанет время, когда почти каждый сейшелец сможет прокормиться плодами своего огорода. А тогда большинство наших соотечественников предпочитало покупать. Взять того же Пиора. Денег у него всегда было мало, я уже говорила, что он предпочитал работать бесплатно. Но мало или много у тебя денег — жемудок своего требует, и Пиор не упускал случая полакомиться. И вот однажды, после того, как сошли папая и яблоки, Пиор решил собрать устриц на скалах. Он захватил с собой большую скорлупу от кокосового ореха. Устриц было много, и он наполнил скорлупу почти доверху, когда вдруг, поскользнувшись на мокрой скале, он плюхнулся в соленую воду канала. Конечно, он бы с легкостью выплыл на берег, но ему жаль было упускать в воду добычу, и он держал скорлупу с устрицами обеими руками. Он-таки порядочно нахлебался воды, но не сдавался. Поднялся на поверхность и стал ждать, пока волна не выбросит его вместе с устрицами на ту самую скалу, с которой он свалился. Когда голова его коснулась скалы, он закричал. Жизнь часто преподносит такие сюрпризы, что диву даешься. Так вот, когда Пиор закричал, на его счастье поблизости оказался сборщик кокосовых орехов, который и вытащил его из воды. Он протянул в воду ветку кокосовой пальмы и каково же было его удивление, когда на поверхности показался Пиор со скорлупой от кокосового ореха в руках! С тех пор Пиору долго никто проходу не давал. И мальчишки, завидев его, кричали: «Эй, Пиор, вырасти нам еще один кокос с устрицами!». Но Пиор старик добрый, и он не обижался, только посмеивался в усы. А потом, когда многие, как и мы с Режисом, стали заводить у себя сады и огороды, у нас в округе про людей, кото-

рые ничего не выращивали, говорили: «Как настанет голод, начнем, вроде Пиора, устричные кокосы выращивать».

Глава XIX

Мир и спокойствие воцарились в нашей семье. И время летит с такой быстротой, что я с трудом успеваю за ним, когда хочу рассказать о самом существенном. Мы все так заняты, и дни наши столь наполнены, что события стали путаться в моей голове. Я по-прежнему работаю в школе, Режиc гоже не бросает своего плотницкого ремесла. А ведь у нас есть еще и ферма. Труд на ней поглощает весь наш досуг, и мы почти не отдыхаем. Дети тоже увлеклись сельским трудом, и общее дело еще больше объединяет нас. Мы не только добиваемся хороших урожаев. Недавно, например, общими усилиями возродили в своей семье хорошую традицию. О ней сейшельцы почему-то забыли, и нам стало жаль этого.

Сейшельцы издавна славятся большими любителями сладких пирожков. Раньше они всегда продавались после большой мессы. Так было все мое детство, и юность и первую молодость. Тогда по воскресеньям мужчины, женщины, дети улетали, кто прямо на улице, кто у себя дома душистые сладкие пирожки. Тесто делалось из муки маниока и прямо во рту таяло. А начиняли пирожки по-разному: кто нугой, кто финиками, кто еще чем-нибудь... Не так важны пирожки. Важно то, что в каждом каноте их пекли по-своему, и каждый остров пах по воскресеньям своими пирожками. Вот почему и мне, и Режиcу, и Тинтину было очень жаль, что они ушли в небытие вместе с тем, что ушло из нашей жизни ко всеобщей радости. Так ведь часто бывает: уходит плохое, а с собой вместе и что-нибудь хорошее утянет. Мы поговорили об этом как-то

за кофе, а потом Тинтин сообщил, что засеял поле маниока. Если нам, мол, угодно заняться выпечкой пирожков, то мы вольны это сделать в ближайший выходной.

Сколько тут радости было. И больше всего радовались наши дети. Все они слышали наши рассказы о воскресных сладких пирожках, и им не терпелось попробовать, что же так расхваливают мать, отец и дядя. Ух, как мы дружно работали. А поработать пришлось так, что спины ныли. Попробуйте очистить от шелухи несколько мешков, наполненных корнями маниока! Каждый вооружился ножом и пошла работа. В воздухе стоял треск, словно на аэродроме. Это кожура, поддетая ножами, с шумом слетала на землю. Когда мешки опустели, а вся земля вокруг оказалась усеянной кожурой, мы собрали корни, и, промыв их водой, сложили в корзины. За ночь маниок должен был высохнуть, иначе его не натрешь. На полусогнутых ногах мы добрались до постелей и заснули, как убитые. Нам казалось, только мы успели закрыть глаза, как уже пропел петух. Снова надо браться за дело, иначе не кончить и к полуночи. Мы встали. Помоему, у всех, как и у меня, ныли спины, но мы улыбались друг другу с видом заговорщиков, делающих, хоть и тяжелое, но важное для всех дело. Мы выпили крепкого кофе,— только младшим детям я разбила его наполовину водой— и принялись за дело. Эти здоровые терки— тоже штука будь здоров. Их еле удерживаешь, а еще ведь надо помнить, какие они острые. Чуть зазевался, и уже поранил руку. К счастью, в этот раз обошлось без травм. Мука была готова, и я принялась готовить тесто, а затем и начинку из кокосовой нуги.

Пирожки вышли отменные, и у нас получился настоящий праздник. Даже некоторые соседи учуяли запах, который так давно не щекотал их ноздри. И неко-

торые пришли разделить с нами трапезу. Нам это так понравилось, что Тинтин решил на будущий год посетить больше маниока и испечь пирожки на продажу.

— Лиха беда — начало, — сказал он. — Конечно, все Сейшелы мы не прокормим. Но, может, и другие возьмутся за дело, и по воскресеньям воздух в городах и деревнях снова будет наполняться запахом сладких душистых пирожков.

Мы с Режисом согласились, что наде бы попробовать.

— И мы будем помогать, — сказала Тереза за всех детей. — Хоть я буду учиться далеко отсюда, ко времени, когда поспеет маниок, у меня начнутся каникулы.

Тереза становится гордостью нашей семьи. Мы, конечно, достаточно умны с Режисом, чтобы не задирать нос, но когда директор школы вызвал нас и стал на все лады расхваливать Терезины способности к наукам, мы едва сдерживали радость. Она много занималась, а книг сызмальства заглатывала такое количество, что мы прямо диву давались. И вот теперь директор нам объяснил, что девочка наша не просто старательная, а одаренная, и ей надо ехать в город учиться.

Режис тогда отреагировал неопределенно. Сказал, что мы это еще обсудим и с тем мы ушли от директора. Я-то понимала, что Терезе надо ехать, иначе она всю жизнь будет заниматься не своим делом. Я теперь работаю в школе и знаю, как опасно недооценить ученика и не дать развиваться тому, что заложено в ребенке природой. Разве можно не обращать внимания, когда ученик способный. Но Режис, похоже, больше любит дочь, чем заботится о ее дальнейшей судьбе. Я помнила, как он заартачился, когда я ему первый раз сказала, что, может быть, Терезу отправят учиться в город. И теперь я боялась, что он снова заупря-

мится. Со дня на день я откладывала разговор с ним. А теперь решила начать. Он был в хорошем настроении, хотя и устал порядком от печения пирожков. Но он, как и все мы, был доволен. И очень для меня кстати вспомнил детство.

Мы уже проводили гостей и легли. И он, потягиваясь, сказал:

— Эх, прожить бы детство снова. Ты понимаешь, мадам Режиc,— усмехнулся он,— ведь в придачу к сладким пирожкам мы бы теперь имели право учиться и выбирать себе занятия по вкусу, как сейчас наши ребята.

— Ну, наконец-то ты понял,— ответила я.— Значит, мы отпускаем Терезу?

Он несколько насупился, но не возражал.

— Ты думаешь, стоит ее отпустить?

Я понимала, что он уже сдается, но мне не хотелось, чтобы он уступал мне, или делал одолжение. И я сказала:

— Я лично думаю, что девочке надо учиться. Но если ты отпустишь ее скрепя сердце, а потом будешь и всех нас и ее изводить подозрениями, а сам места себе не будешь находить от тревоги, лучше пусть она останется с нами. Мне больше не надо неурядиц в семье. На мою долю их уже и так выпало достаточно.

Я не хотела его попрекать прошлым. Слова эти я произнесла безо всякой задней мысли,— я говорила сущую правду, и Режиc понял меня. Он не обиделся и не застыдился, а просто отнесся к делу серьезнее, чем прежде.

— Понимаешь,— признался вдруг он.— Я и сам не знаю, как поступить. Девочка еще очень молода и горд может испортить ее. Но я никогда себе не прощу, если не дам ей получить настоящего образования. Я только боюсь; возьму на себя ответственность, отпу-

щу, а если чего случится, буду казнить себя... Нет, ты мать, за тобой и первое слово...

— Но ты отец,— не сдавалась я.— А мужчина — глава семьи. Ему и решать.

— Ну, тогда давай решать вместе,— взмолился он.— Сильвия, да пойми ты, не могу я один. Мне нужен твой совет!

Я с удивлением смотрела на него. Во всем его облике и в голосе чувствовалась такая мольба о помощи, что трудно было вообразить, помня, как независимо он себя вел не так давно. Но только сейчас я увидела, насколько он привязан ко всем нам и как трудно ему бывает без моего совета. Я согласилась:

— Давай подумаем вместе. И тебе и мне так будет легче.

Мы начали размышлять. И в воображении поворачивали судьбу старшей дочери то так, то иначе, и о жизни в городе судили, как нам заблагорассудится. И все в конце концов свелось к тому, что риск, конечно, есть. Но не ехать Терезе просто нельзя. Да и не одна она едет. Ведь от школы посылают и других способных учеников. Ребята, я знала, хорошие. Если они будут держаться вместе, ничего им город плохого не сделает.

Кончилось все тем, что Режис, смеясь, заявил:

— Вот тут с тобой обсуждаем город на все лады. Можно подумать, что у нас в поселке все добрые и благородные. Везде есть хорошие и плохие люди, и я сейчас подумал, что надо просто верить в лучшее.

Он это так весело и уверенно сказал, что у меня самой на душе полегчало. И вопрос об отъезде Терезы был решен окончательно.

— Только знаешь что,— сказал Режис,— мы, конечно, должны гордиться Терезой, но надо подумать о других ребятах тоже.

— Что ты имеешь в виду?

— А то, что мы ее хвалим, а о других детях по-малкиваем. Она как бы первая, а они вторые или третьи... Думаешь, им не обидно? А чем они хуже? Тем, что не занимаются науками? Но они тоже способные. Из Бернара, когда он кончит свое училище, выйдет отличный механик, и не беда, что он однуединственную книжку может читать целый год. У него свое дело и свои интересы. Младшие тоже найдут свое место в жизни. И я их всех люблю одинаково. Вот и давай их всех одинаково хвалить. С ребятами-то нам повезло.

Я не удержалась и крепко поцеловала его. Я во всем с ним была согласна и сказала, что он словно говорит мои слова. Но тут я, признаюсь, немного солгала. Потому что мне и в голову не приходило, что другим детям может быть обидно, когда мы расхваливаем Терезу. Когда он это сказал, я задумалась. И поняла, что не знаю, чем больше горжусь — Терезой, тем, что все дети у нас растут хорошими людьми, или тем, что у меня такой чуткий муж. И в ту ночь я еще раз благословила судьбу за то, что тогда, в плохие для нас времена, все-таки не смогла расстаться с Режисом. Несмотря на здравый смысл. Несмотря на очевидность, о которой мне твердила Андриен. Пораскинуть мозгами — хорошее дело, без этого не проживешь. Но у семьи свои законы. Тут здравый смысл — плохой советчик. Так думаю я, Сильвия, и с этого меня теперь никто не свернет.

Глава XX

Конечно, и неприятностей выпадает на нашу долю немало. Вот хотя бы эта засуха, будь она неладна. Земля уже начала трескаться, а дождя все нет. Небо в последние дни стало хмуриться, но пока что на поселок не пролилось ни капли. Если так будет

продолжаться, боюсь не собрать ни нам, ни нашим соседям урожая. И мы, и другие жители поселка из кожи вон лезем, чтобы сохранить посадки. Все колодцы возле нас уже высохли, и каждый день мы выставляем огромную очередь у колодца на окраине поселка. Там по тоненькому желобу струится ключевая вода, и кажется, вечность проходит, пока наберешь несколько ведер. Городские власти, как могут, помогают нам. Каждый день в поселок привозят несколько машин воды, но разве привезешь достаточное количество? Воды все равно не хватает, и если не пойдут дожди, никакие машины нам не помогут.

Режис ходит мрачный. Даже мой брат, встречающий невзгоды с улыбкой, и кажется, всегда знающий выход из всех трудных положений, на этот раз опустил руки. А Режиса вообще таким давно не видела, и это меня беспокоит. Мне все кажется, что с наступлением засухи он остро ощутил ее в себе. Я гоню эти мысли. Боюсь даже взглядом выдать свои подозрения. Да и в чем подозревать, когда он давно уже спиртного в рот не берет. Даже во время праздников наливает себе в рюмку лимонад. А тревога все-таки не проходит.

Наступил день, когда мои опасения подтвердились. Мы с детьми все никак не могли дождаться Режиса с работы. Уже два часа прошло с тех пор, как он обычно возвращался домой. Потом прошел еще час, и когда мы уже решили, что с ним стряслась беда, он вошел в дом. Все было и так и не так. Он шел как-то не очень твердо и чересчур уж небрежно махнул нам рукой в виде приветствия. А когда я спросила, что случилось, небрежно бросил мне:

— Отстань, жена! Не до тебя сейчас. Не видишь, вымотался, как собака, и жрать хочу.

Ну, тут уж у меня не осталось никаких сомнений. Стоит ему выпить каплю, как он начинает вести себя

так независимо, что диву даешься. А я уж и отвыкла его таким видеть. И когда он понес весь этот вздор, у меня сердце сжалось от тоски. «Неужели,— подумала я,— мне предстоит снова все это пережить?».

Дети тоже насупились. Они поняли все, и им было не слаще, чем мне. Все, за исключением Ниты, которая тогда мало что понимала, налюбовались раньше на пьяного Режиса. И никто, видимо, не жаждал насладиться этой картиной вновь. Режис пробовал хорохориться и начал было качать права. Сказал что-то вроде своего старого, обычного: вот уж, настоящему мужчине и выпить немного нельзя, все кидаются, как собаки. Но никто не посочувствовал его тираде. Я просто молчала. Знала: если заговорю, то не выдержу и заплачу. А Бернар не стал молчать. Мрачно взглянув на Режиса, он тихо произнес:

— Поди-ка ты, папа, проспись. Смотреть противно.

И сказал это наш парень так серьезно, что Режис не стал препираться. Он встал и заплетающимися шагами ушел в нашу комнату. Когда я, покормив ребят ужином, вошла к нему, он уже храпел на постели. Я в толк не могла взять, что же с ним приключилось? Почему, когда я уже и думать забыла про его пьяные выходки, считала, что с этим покончено, он вновь принялся за свое? И неужели теперь придется начинать все сначала? Уговаривать, оттаскивать от пьяных дружков, ждать его ночи напролет?

Режис храпел в спальне, дети разошлись, кто куда, а я все ломала и ломала себе голову, что же опять произошло в нашей семье? Мне надо было это понять, потому что, если его не остановить, все повторится сначала и нашим счастливым денькам — конец. Но ни одна здравая мысль не пришла мне в голову, хотя и просидела, размышляя, до наступления темноты.

— Собака привязана?— вдруг крикнули со двора.

Это пришел Пиор. Он был всегда желанным гостем в нашем доме. Но теперь и он не порадовал. Мало того, что мне нечем было перед ним похвалиться, так вдобавок и сам он приперся в гостиную на полу-согнутой. И язык у него так заплетался, что я едва понимала его.

— Твой супруг немного приболел, и я приболел!— объявил он и с идиотской ухмылкой плюхнулся в кресло.

Потом он вылутился на меня и минут пять изучал так внимательно, будто у меня на макушке, по крайней мере, дерево выросло. Видимо, ему это было нужно, чтобы собраться с мыслями.

— Мне кажется, старуха, ты не слишком довольна жизнью сегодня?

— Я вот тебе сейчас дам,— не выдержала я. Мне было совсем не смешно, и я готова была отлупить его, пусть он и старше меня.

— Да ты не волнуйся,— пробормотал он миролюбиво.— Все обойдется, и старина Пиор завтра будет трезв, как стеклышко.

У него на лице появилась еще более идиотская ухмылка и он добавил:

— Завтра я пойду на работу.

— Можешь идти хоть работать, хоть в преисподнюю. Но на кой черт ты Режиса напоил? Ты что, только сегодня родился? Не знаешь, что ему нельзя пить?

Почему-то мои упреки чрезвычайно развесили Пиора, и он забулькал и затрясся от смеха.

— Кто?— хихикал он.— Это я напоил Режиса? Да не мог, старуха, я его напоить,— слова взрыв самого бессмысленного хохота,— потому что нас самих напоили. Хозяин напоил. Которому мы дом ремонтировали.

Он замолчал. Поразмислил о чем-то. Потом выставил большой палец левой руки вверх и объяснил:

— Вот таким араком напоил. Я выпил один целую

бутылку. А твой благоверный выпил только стаканчик. Он не хотел, а хозяин его заставил. Он ему сказал, что от одного стаканчика ничего с ним не случится. И он поверил. Выпил, и с копыт... А я вон столько выпил — и ничего!

И он, очень довольный своей речью, захлопал в ладоши. Как мне ни противно было смотреть на эту пьянь, я все-таки обрадовалась. Если Пиор не врет, и Режис опьянел от одного лишь стаканчика арака, значит, ничего страшного пока не произошло. Просто он отвык от спиртного, и опьянел от такой мизерной дозы.

— Пиор, ты не врешь, что он выпил только стаканчик? — допытывалась я.

— Да чего ж тут врать, старуха, — с готовностью ответил Пиор. — Я поэтому и приплелся, что волнуясь о его здоровье. Не думал я, что он такой слабак. — Он снова захохотал, будто чувствовал себя бог весть кем. — Понимаешь, я его вел, а он два раза упал в канаву.

Это было последнее, что сказал мне в тот вечер Пиор. Потом он как выключился. Произнес свою речь и секунду спустя уже храпел в кресле. «Спи, спи себе на здоровье, — думала я. — Как ты ни омерзительно надрался, но ты славный старик. И даже в таком скотском состоянии принес мне хорошую весть». Я взяла с дивана теплый плед и укутала Пиора, чтобы его не просквозило ночным ветерком.

Но я рано обрадовалась. Ночь мне и детям выдалась такая, что врагу не пожелаешь. Только я заснула, меня разбудил хрип Режиса. Он хрипел, задыхался, метался по постели. Потом его начало рвать. Ему было так плохо, что Невиллю пришлось бежать в аптеку за сердечными каплями. Только к утру он успокоился и заснул. Мы были разбиты весь следующий день. Как назло все это пришлось на будни, и с утра

я отправилась в школу, а дети — кто тоже в школу, а кто — на работу. Бодрячком себя чувствовал только Пиор. Он с удовольствием позавтракал с нами. Конечно, он был несколько смущен вчерашним, однако сказал, что отлично выспался, и чуть не вприпрыжку отправился куда-то по делу.

Режис вообще утром не мог подняться с постели. Но зато, когда мы вернулись вечером домой, я увидела, что стол накрыт, из кухни разносятся по комнатам аппетитные запахи, а сам Режис стоит посреди гостиной, понуриив голову. Я уже не сердилась на него. Но дети обозлились не на шутку, и даже замечательный обед, приготовленный мужем, не исправил их настроения. Они не разговаривали с ним, несмотря на все его попытки задобрить их. Наконец, он не выдержал:

— Да простите вы меня, наконец. Ну, чем мне вам поклясться, что по гроб жизни больше не возьму в рот спиртного! Да я и выпил-то всего стаканчик. Просто мой организм уже не принимает арака. Я вчера получил хороший урок. На всю жизнь хватит.

Он так искренне говорил, что не поверить ему было невозможно. И дети оттаяли. Правда, Бернар, посмотрев на Режиса столь же сурово, как и вчера, сказал:

— Ну ладно, папа. Если еще раз тебя увижу пьяным, и я и остальные уйдем из этого дома. Так и знай.

— Ладно, будь по-твоему,— ответил ему Режис, и хоть немного они произнесли слов, но это был серьезный мужской разговор, где каждое обещание давалось не на шутку, да и не для того, чтобы попугать друг друга.

Но наступает следующий день, и снова заботы. Дождя так и не было, и земля совсем пересохла. Режис снова ходит мрачнее тучи. Во второй половине

дня он отправился к Тинтину, и они долго о чем-то говорили. Когда я пришла звать мужа к ужину, они уже все придумали.

— Сейчас мы тебе все объясним, Сильвия,— сказал Тинтин, увидев меня.

Я заметила, что он повеселел, и обрадовалась. Потому что, когда Тинтин улыбается, это значит, что он нашел выход, и положение не так безнадежно, как кажется. Но то, что он сказал, показалось мне невыполнимым. В земле нет ни капли влаги, и деревья в садах начали вянуть, а он решил рыть колодец.

— Слушай, брат,— не выдержала я,— по-моему, мы только зря потратим силы. В этой земле, хоть ее насквозь прокопай, не найдешь ни глотка воды. Один только и есть родник на окраине поселка.

— Не торопись, сестра,— перебил меня Тинтин.— Ты знаешь, я не люблю бросать слова на ветер. Я проверил. Я обошел всю землю вокруг и нашел место, где земля источает влагу. Если ты прислонишься к ней щекой, то сразу почувствуешь это. Конечно, риск есть, и может быть, наши усилия ничего не дадут. Но попробовать, по-моему, стоит.

— По-моему, тоже,— поддерживал его Режис.— Вот только бы наши соседи не стали рассуждать, как ты. Ведь одним нам и за год не справиться, а вода нужна немедленно.

Но как ни боялся Режис, что их с Тинтином не поймут, людей нашлось предостаточно. Я раньше никогда не видела, чтобы наши люди так дружно работали. В прежние времена хозяева нас уверяли, что без них мы не сможем организовать ни одного дела, потому что сейшельцы, мол, лентяи, работать могут только под надзором. А вот как стали мы прочно стоять на своей земле, так и лентяев не осталось. Потому что, когда чувствуешь себя хозяином, то и работать хочется, не покладая рук. Тем более, когда засуха

грозит урожаю. И наши соседи показали, на что они способны. Уже на следующий день на дне глубокой ямы появилась лужица воды. А еще через день забил родник, гораздо более полноводный, чем тот, который находился на другом конце поселка.

А потом мы собирали урожай. Засуха выжгла и посеvy, и некоторые деревья. Но все же, благодаря новому колодцу, и нам и нашим соседям удалось что-то собрать, и этого нам хватило до следующего урожая. И Тинтина после этого в поселке стали уважать еще больше.

Глава XXI

Ну вот, я и подошла к концу своей истории. То есть, история продолжается,— дети растут, сейшельцы привыкают жить по-новому, а мы с Режисом уже чувствуем груз прожитых лет. Мне кажется, будто я вторую жизнь живу. Первая прошла, и мне не жаль ее. А вторая каждый день приносит маленькие или большие радости и нам, и другим сейшельцам. Конечно, до совершенства нам еще далеко. Моя бабушка, в саду которой мы встречались с Режисом до свадьбы, любила говорить: «Утром лука съешь, весь день пахнуть будет». И она права. За короткое время людей не исправишь, и я сама знаю таких, которые жалеют о прежних властях. Этим только бы погреть руки за чужой счет, и плевать им на страдания ближнего. Но даже они теперь вынуждены у нас считаться с новыми порядками и помалкивать.

Жизнь на земле — строчка швейной машины, прошедшая через ткань. Когда я вспоминаю, мне кажется, будто игла колет мои пальцы. Укол — и словно наяву передо мной встает домик и очень тесный двор, в который мы, я, мои братья и сестры, набивались, как в

переполненный автобус. Почти все наше детство прошло во дворе — в доме места не хватало. Во дворе его тоже было недостаточно. Мы буквально терлись носами друг о друга, и если кто-нибудь заболел лихорадкой или еще чем, болели всей семьей. Я потеряла всех своих родных. Сестры умерли еще в юные годы от болезней, братья стали рыбаками и, один за другим, погибли в море.

Я встряхиваю рукой, и боль от укола проходит. «Господи,— думаю я,— неужели это все было со мной?» Кажется, целый век отделяет меня от той жизни. И кто в конце концов такая Сильвия? Та, что стирала за гроши на белых господ и даже в лучшие времена штопала одежду и латала дыру на дыре, чтобы муж и дети выглядели прилично? Или Сильвия, чьи уроки ставят в пример на школьном педсовете? Сильвия, каждый день ломающая голову, как прокормить детей, или Сильвия, думающая, чтобы повкуснее приготовить семейству на завтрак? Сильвия, неприкаянная и пикчемная или Сильвия-художница? А ведь именно искусством называют мои маэ из рафии. Как у меня хватает сил, я не знаю, но все время, что остается у меня от школы и от работы на нашей плантации, я плету сумки и сумочки, большие и маленькие корзинки. И работы мои идут нарасхват. И когда я размышляю о прошлом и настоящем, мне становится жаль, что время моего поколения идет на убыль. Но я гоню от себя эти мысли. Тем более, что здоровье у меня крепкое, и я еще надеюсь увидеть немало интересного.

Режис с того случая, о котором я рассказала, больше не берет в рот спиртного. Надеюсь, что это действительно произошло в последний раз.

Что касается меня, то Режис сделал мне удивительный сюрприз. Во дворе у нас есть большой ангар. Режис построил его, когда делал на заказ мебель для одного молодого человека, который собирался женить-

ся. Но у мужа уже давно нет времени для столярной работы на дому, и я очень удивилась, заметив, что он зачастил по вечерам в ангар.

— Ты что, снова частный заказ взял?— спрашиваю.

— Да нет, не совсем,— отвечает он уклончиво и переводит разговор на другую тему.

Потом как-то пришел Пиор. Он и его в ангар затащил. Меня начало любопытство разбирать, что они там делают, но ни Пиор, при всей его болтливости, ни Режис мне снова ничего не сказали. Еще несколько вечеров они там провели с Пиором, а потом наступило воскресенье. И после завтрака Режис сказал мне:

— А ну-ка, Сильвия, поди посмотри, как тебе понравится в ангаре.

Я вошла и обалдела. Дощатые стены ошкурены добела. По стенам висят большие фотографии моих маэ, — их делала одна иностранная фирма, и мне подарили на память. А на специальных полках разложены инструменты и все, что мне надо для работы. Вдобавок ко всему они с Пиором застеклили крышу, и в мастерской стало светло, как на улице. Так я стала совсем настоящей художницей, даже мастерскую теперь имею.

На этом я, пожалуй, закончу. В нашем поселке, да и во всей стране, найдется немало женщин, переживших то же, что я. Наверное, теперь их, также как меня, распирает от мыслей и чувств, и хочется рассказать о себе всему миру. Может быть, мое отличие лишь в том, что я оказалась смелее других? Но уж такая я, Сильвия Режис. Мою лодку захлестывали волны, и я привыкла рисковать, без этого не выгребешь на ровное место. Потому и решилась поведать обо всем, не смущаясь. Мне представляется это так: мать в муках рождает ребенка, а потом раздается победный и радостный крик новорожденного, радующегося миру и своему появлению на свет. И гримаса страдания на лице матери сменяется счастливой улыбкой.

Литературно-художественное издание

АНТУАН АБЕЛЬ

КРИК НОВОРОЖДЕННОЙ

Р о м а н

Перевод с креольского

Рецензент *Н. Малахов*

Редактор *А. Липкина*

Художник *В. Жеребцов*

Художественный редактор *А. Кива*

Технический редактор *Р. Рахматуллина*

Корректор *Л. Кумехова*

ИБ № 4187

Сдано в набор 14.04.88. Подписано в печать 04.07.88. Формат 70×108^{1/2}.
Бумага типографская № 2. Литературная гарнитура. Высокая печать.
Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-оттисков 6,62. Уч. изд. л. 6,6. Тираж 60000. За-
каз № 115. Цена 65 к. Договор 2—88.

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 700129,
Ташкент, ул. Навои, 30.

ГПН ТИПО «Матбуот» Государственного комитета УзССР по делам изда-
тельства, полиграфии и книжной торговли. Ташкент—700129, ул. Навои, 30.

65 к.

